

ISSN 1605-7880

Том 82, Номер 2

Март – Апрель 2023

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

<https://ras.jes.su/sliya>

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 82 № 2 2023 Март—Апрель

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2023
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2023
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2023

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 82 No. 2 2023 March–April

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2023
  - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2023
  - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2023, Том 82, Номер 2

Становление романа: литература vs теория литературы	
<i>И. Л. Попова</i>	5
Об особой функции наречий в структуре высказывания (роль вторичного предиката)	
<i>Б. Ю. Норман</i>	15
О создании русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике	
<i>А. Б. Антопольский</i>	22
Стихотворение О. Мандельштама “Соломинка”: лингвистический комментарий	
<i>В. П. Москвин</i>	33
Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей	
<i>Р. К. Потапова, В. В. Потапов</i>	52
Эпическое слово: др.-исл. <i>hǫll</i> ‘палата, чертог’ в “Старшей Эдде”	
<i>Т. В. Топорова</i>	63
А. Ф. Лабзин – автор “Плача Иеремиева, преложенного в стихи”: опыт атрибуции	
<i>В. Л. Коровин</i>	72
Книжные источники текста ранних произведений И. А. Бунина	
<i>С. Н. Морозов</i>	77
Два “Освобождения Толстого”: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве	
<i>Л. В. Дубаков</i>	86
О типах “малых” ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы	
<i>И. В. Макачук</i>	92
Об изучении басен И. А. Крылова в Китае	
<i>Пэй Цзян</i>	104

Рецензии

<i>Кляус В. Л.</i> Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с. (Фольклорное наследие. Т. 1)	
<i>А. А. Забияко, Чжан Жуня</i>	110
<i>Велигорский Г. А.</i> “Усадьбный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века / отв. ред. В. Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 7)	
<i>А. Л. Гумерова, В. С. Сергеева</i>	116

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2023, Volume 82, Issue 2

The Formation of the Novel: Literature vs. Theory of Literature	
<i>I. L. Popova</i>	5
On the Special Function of Adverbs in the Structure of an Utterance (the Role of the Secondary Predicate)	
<i>B. J. Norman</i>	15
About the Creation of a Russian-Language Ontology for Digital Humanities	
<i>A. B. Antopolsky</i>	22
O. Mandelstam's Poem "The Straw": A Linguistic Commentary	
<i>V. P. Moskvina</i>	33
On Emotionally Colored Speech of Internet Users	
<i>R. K. Potapova, V. V. Potapov</i>	52
Epic Word: O.-Icel. <i>hǫll</i> 'hall, dwelling' in the Elder Edda	
<i>T. V. Toporova</i>	63
A. F. Labzin is the Author of "The Lamentations of Jeremiah, Translated into Verse": The Experience of Attribution	
<i>V. L. Korovin</i>	72
Book Sources of the Text of Ivan Bunin's Early Works	
<i>S. N. Morozov</i>	77
Two "Liberations of Tolstoy": I. A. Bunin and A. L. Ivanchenko on Death and Creativity	
<i>L. V. Dubakov</i>	86
A Typology of "Small" Evenualities: Discontinuatives and Verbal Diminutives	
<i>I. V. Makarchuk</i>	92
On the Study of I. A. Krylov's Fables in China	
<i>Pei Jiang</i>	104

Reviews

[Review:] <i>Klyaus, V. L.</i> Russian Folklore on the Hills of Manchuria. Studies, Texts, Comments. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 816 p. (Folklore Heritage. Vol. 1) [In Russ.]	
<i>A. A. Zabayako, Chzhang Zhuyang</i>	110
[Review:] <i>George A. Veligorsky.</i> The "Estate Text" and the National Cultural Code: Russian-British Literary Relations of the 19 th – Early 21 st Century. Ex. ed. V. A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 416 p. (Series "Russian Estate in a Global Context", Issue 7) [In Russ.]	
<i>A. L. Gumerova, V. S. Sergeeva</i>	116

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025497-2

Становление романа: литература vs теория литературы

© 2023 г. И. Л. Попова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 191069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8552-8127>
irina.popova@mail.ru

Резюме. Статья посвящена проблемам становления теории романа и предисловию как особой форме теоретизирования жанра. Целью исследования является проблематизация дискурсивного репертуара теории романа на этапе становления. Роман как жанр, долгое время остававшийся за пределами предмета поэтики, был теоретизирован в риторической традиции, не только в ученых трактатах, но и в предисловиях, объясняющих, что представляет собой роман, как и по каким законам он устроен, какую историю имеет и каким образцам следует. Можно сказать, что теория романа в своем генезисе вызревала вблизи литературного текста, долго не порывая общей с ним пуповины. И даже облекаясь в форму отдельного сочинения, появлялась рядом или вместе с романом. “Трактат о происхождении романов” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) П.-Д. Юэ / Pierre-Daniel Huet (1630–1721), упорядочивший теорию и историю жанра и определивший алгоритмы его исследования вплоть до конца XIX в., был впервые издан как ученое предисловие в форме письма к другу и автору романа “Заида. Испанская повесть”: “Письмо месьё Юэ к месьё де Сегре. О происхождении романов” / “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. Так Юэ создал не только теорию романа, но и новый локус теории, широко использовавшийся в европейских и русской литературах периода становления национального романа.

Ключевые слова: теория романа, П.-Д. Юэ, М.М. Бахтин, роман, мениппея, литература и теория.

Для цитирования: Попова И.Л. Становление романа: литература vs теория литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S160578800025497-2

The Formation of the Novel: Literature vs Theory of Literature

© 2023 Irina L. Popova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 191069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8552-8127>
irina.popova@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of novel theory formation and the preface as a special form of genre theorizing. The purpose of the study is to problematize the discursive repertoire of novel theory in the stage of formation. The novel as a genre, that remained beyond the subject of poetics for a long time, was theorized in the rhetorical tradition, not only in scholarly treatises, but also in prefaces explaining what a novel is, how and by what laws it is arranged, what history it has and what examples it follows. It can be said that novel theory in its genesis ripened close to the literary text, without breaking the umbilical cord common with it. And even when framed in the form of a separate essay, it had appeared next to or along with the novel.

“Treatise on the Origin of Novels, or Romances” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) P.-D. Huet / Pierre-Daniel Huet (1630–1721), that regulated the theory and history of the genre and determined the algorithms of its research until the end of the 19th century, treatise was originally published as a scholarly preface in a letter form to the friend and author of the novel “Zaida. Spanish Story”: “Letter from Monsieur Huet to Monsieur de Segrais. On the Origin of Novels”/ “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. So Huet created not only the novel theory, but also a new locus of theory, widely used in European and Russian literature during the formation of the national novel.

Key words: theory of the novel, P.-D. Huet, M.M. Bakhtin, novel, Menippean, literature and theory of literature.

For citation: Popova, I.L. *Stanovlenie romana: literatura vs teoriya literatury* [The Formation of the Novel: Literature vs Theory of Literature]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 5–14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025497-2

Писатель в роли теоретика и критика — функция в истории культуры отнюдь не общеобязательная. В одних традициях литература и теория — два рода деятельности, которые не могут совмещаться. Напомним, что поэтика как самостоятельная наука, созданная Аристотелем, не предполагала участия поэта в оценке и кодификации литературной практики. В других традициях, напротив, поэт может быть одновременно и автором поэтики, более того, поэтика представляется как вид литературной деятельности¹. Таково “Поэтическое искусство” Горация, ставшее вершиной и одновременно завершением римской теоретико-литературной системы; таково “Поэтическое искусство” Буало, образцовая теория французского классицизма и классици. Обратим внимание, что поэты становятся создателями поэтик в культурах, строящихся по образцу, хотя и наполненному оригинальным содержанием, — как римская по образцу греческой, а французская по образцу античного классического канона. Тем не менее, сегодня обе поэмы, и Горация, и Буало, являются предметом исследования науки о литературе — и как художественные тексты, и как образцы теории².

“Авторская” теория³ и критика учитывалась и исследовалась наукой о литературе с момента ее

появления, однако в качестве самостоятельной литературоведческой проблемы была осознана сравнительно поздно, в XX в. В конце 1940-х годов, исследуя высказывания Гёте о природе классики, Э.Р. Курциус отметил, какой замечательной темой могло бы стать изучение критических высказываний Гёте о литературе⁴. За прошедшие с тех пор десятилетия все высказывания Гёте о литературе были отобраны, систематизированы, изданы многократно повторенными отдельными изданиями.

То же можно сказать и о русском литературоведении, в последней трети XX в. целенаправленно занимавшемся проблемами писательской критики и теории. Суждения писателей о литературе и литературном труде печатались отдельными книгами, специальная серия “Из литературного наследия”, выходящая в составе основанной в 1972 г. библиотеки “Любителям российской словесности”, была посвящена изданию и исследованию литературно-критических текстов русских писателей.

Впрочем, одних специальных изданий литературно-критических текстов для решения проблемы, вынесенной в заглавие этой статьи, недостаточно. Трудность состоит в том, что суждения писателей о литературе могут содержаться как

¹ Время от времени можно наблюдать возврат к этой идее с по крайней мере двухтысячелетней историей. Впрочем, сегодня настаивать на ее авторстве можно разве что в том смысле, о котором говорил Гёте: “Все хорошее было уже раздумано, стоит только передумать его еще раз”.

² О композиции “Послания к Пизонам” Горация, известном под более поздним названием “О поэтическом искусстве”, или “Поэтика”, или “Наука поэзии”, как о композиции художественного произведения — роэма — позднеантичной литературы [1]. См. также: [2].

³ Пожалуй, только одно дефинитивное ограничение следует ввести с самого начала. Теория — и этим она отличается от других научных дискурсов о художественной

словесности — говорит о литературе с точки зрения универсального. Именно в этом смысле мы и будем использовать понятие ‘теория’.

⁴ Научное изучение проблемы было начато Курциусом в конце 1940-х годов. См., в частности, его статью 1948 г. “Гёте как критик” [3]. К тому же Курциус до конца 1920-х годов и сразу после Второй мировой войны интенсивно занимался современной литературой (вызывая тем самым недоумение коллег по “академическому” цеху, в частности Лео Шпитцера), сначала французской (см.: [4]), затем англоязычной, как переводчик Т.С. Элиота; позже специально Элиотом и Г. Гессе — в тесной связи с получением ими Нобелевской премии по литературе.

в текстах, опубликованных при жизни, так и в архивных материалах; как в специальных статьях, критиках, манифестах, теоретических исследованиях и предисловиях, так и в неоконченных черновых набросках, письмах, дневниках, воспоминаниях современников, наконец, в собственно художественных произведениях. Очевидно, что обращение с этими разножанровыми источниками в каждом случае имеет свои особенности, а для составления на их основе общей картины требуется дополнительная аналитическая работа.

В каком отношении суждения писателей о литературе и литературном труде находятся к науке о литературе? Большая их часть остается фактом *истории литературы и/или литературной критики*. Писательская критика является частью литературной истории, без исследования которой невозможно составить адекватное представление об эпохе: о направлениях и школах, о конкурирующих литературных программах, о направлении литературного вкуса, редакционной политике журналов и газет и т.д. Безусловную ценность суждения писателя о литературе имеют в контексте личного творчества, для понимания законов, “им самим над собою признанных”.

Но лишь в сравнительно редких случаях писательская критика говорит о литературе с точки зрения универсального, то есть имеет собственно теоретическую ценность⁵. Так, литературовед, где бы он ни находился и к какой бы языковой культуре ни принадлежал, приступая к истории мировой литературы, не сможет обойтись без комплекса суждений Гёте, который кодифицировал само понятие ‘мировая литература’⁶. “Законом Шиллера” называют принцип единства внутреннего и внешнего, перевод переживания в облик, а облика в переживание. Или еще один пример: для определения понятия ‘архетип’ С.С. Аверинцев прибегает к высказыванию Томаса Манна, как к едва ли не лучшей краткой формулировке концепции архетипа, выражающей смысл экстраполяции этого термина в сферу литературы [5]; [6, с. 110].

Тем не менее, картина теоретических воззрений литературной эпохи, составленная с учетом

⁵ Разумеется, история знает авторов, удачно сочетающих писательскую и научную деятельность. Было бы натяжкой, например, называть “писательской теорией” труды Андрея Белого о теории стиха и творчестве Гоголя, или, напротив, “прозой литературоведа” – романы Ю.Н. Тынянова.

⁶ Идея “мировой литературы” (“Weltliteratur”) неразрывно связана с именем Гёте, хотя сам термин фиксируется еще до того, как он впервые появляется в бумагах Гёте и в беседах с ним.

исключительно системных поэтик и научных теорий, не может быть полной. Эпистемологические критерии поэтики и теории литературы, хотя и подвержены историческим изменениям, по своей природе консервативны. Поэтика и теория литературы призваны отвечать на универсальные вопросы: что такое литература, каков ее предмет, каковы ее жанры, ее язык (стиль) и т.д. Многие частные факторы, определяющие в том числе и ответы на эти универсальные вопросы, не входят в ее кругозор. Системные научные теории создаются, как правило, в периоды стабилизации литературных языков и жанровых систем, откликаясь на то, что совершилось и отстоялось⁷. Периоды кризисов, переломов литературной истории если и попадают в их поле зрения, то уже *post-factum*.

Писательская критика, напротив, живо откликается на литературный процесс, фиксирует происходящие перемены в системе реального времени, оценивает новые тенденции, прогнозирует будущее развитие литературы. Лучшие образцы писательской теории нередко создаются в периоды кризисов, на переломах литературной истории, когда требуется интенсивное осмысление новой ситуации, нового смысла универсальных вопросов поэтики и ее основных категорий.

Именно такой была фигура Гёте на переломе европейской истории, с 1770 по 1830 г. – в период завершения 2,5-тысячелетней традиции европейской литературы и перехода – через короткое “интермеццо” национальных литератур – к формированию мировой литературы. Круг универсальных вопросов, затронутых Гёте в его критических текстах, письмах, беседах, был обусловлен и предзадан как его личностью, так и его эпохой. Исторический статус последнего универсального автора европейской литературы, завершителя многовековой традиции, “последнего звена золотой цепи”, идущей от Гомера [8, с. 30], – и одновременно провозвестника новой идеи мировой литературы придали его суждениям общезначимую теоретическую ценность.

⁷ В предельно заостренной форме эта мысль выражена М.М. Бахтиным в подготовительных материалах к переработке книги о Франсуа Рабле 1944 г. Приведем этот фрагмент, сколь важный, столь и недооцененный нашей теорией: “Наша, европейская, теория литературы (поэтика) возникла и развивалась на очень узком и ограниченном материале литературных явлений. Она слагалась в эпохи стабилизации литературных форм и национальных литературных языков, в эпохи, когда большие события литературной и языковой жизни – потрясения, кризисы, борьба и бури – были уже давно позади, когда самая память о них уже изгладилась, когда все уже утряслось и отстоялось, отстоялось, конечно, только в самых верхах официализованной литературы и языка” [7, т. 4 (1), с. 705].

И все-таки образцы “авторской теории”, имеющей общезначимый смысл, выходящий за пределы собственного индивидуального творчества, немногочисленны. В большинстве случаев такие примеры либо имеют локальный характер, не затрагивая поэтику как систему, либо представляют собой род ‘поэтики как поэзии’, теоретизирующей поэтическое искусство в поэтической же форме, не разрушая при этом границу между литературой и теорией как двумя разными родами деятельности, хотя и свидетельствуя о ее подвижности и изменчивости.

* * *

В истории литературы был по крайней мере один несомненный случай, когда теория, имеющая универсальный смысл, складывалась вне поэтики, на границе литературы и науки, а затем, встраиваясь в поэтику, радикально ее переформатировала. Речь идет о теории романа.

Роман как жанр, долгое время остававшийся за пределами предмета поэтики, был первоначально теоретизирован в риторической традиции, не только в специальных трактатах, но и в “авторской теории”, внутри и на границах литературного творчества, в предисловиях и введениях, объясняющих, что такое роман, как и по каким законам он устроен. Можно сказать, что теория романа в своем генезисе как бы вызревала вблизи литературного текста, долго не порывая общей с ним пуповины.

Для того чтобы понять радикальность перемен, произошедших в поэтике с включением в нее романа и других прозаических жанров — прозаики как таковой, нужно напомнить о том, чем была дефиниция ‘рода’ в классической поэтике.

“Поэтика” Аристотеля исходила из дефиниции ‘рода’ как ключевой, для Аристотеля она была даже важнее, чем дефиниция поэзии. ‘Род’ (а затем — ‘жанр’) в нормативной поэтике начинается с установления субстанциальных признаков, определяющих его идентичность как сущности, а затем сам уже служит мерилем практики, основой для разрабатываемых рекомендаций поэту. Разные жанры — это разные ‘подражания’ (μίμησις) и разные ‘искусства’ (τέχνη); жанр постепенно приобретает свои нормативные признаки, необходимые и достаточные условия своей идентичности. Становление жанра с точки зрения классической нормативной поэтики — это его “приход к самому себе”: достигнув себестождества, жанр останавливается, ему уже некуда идти. Аристотель в “Поэтике” так говорит о трагедии: “... Испытав много перемен, трагедия остановилась, обретая,

наконец, присущую ей природу” (1449a14; пер. М.Л. Гаспарова) [9, т. 4]. Здесь, по точному замечанию Аверинцева, выражено фундаментальное «представление о жанре как о сущности, хотя и возникающей и постепенно становящейся во времени, однако имеющей вневременную “природу”, или <...> “энтелехию” — внутреннюю заданность, императив тождества себе» [10, с. 3].

Обратим внимание, говоря о поэтике Аристотеля, мы пользуемся термином ‘жанр’, хотя и общепринятым, но все-таки в литературоведении относительно новым. Еще А.Н. Веселовский на рубеже XIX–XX вв. оговаривал условность и ограниченность понятия ‘жанр’, его контекстную связь с французскими теориями [11, с. 250], предпочитая рассуждать о ‘родах’ и ‘видах’ поэзии, и только в 1920-е годы понятие ‘жанр’ становится универсальным, так что его использование даже при упоминании об аристотелевской поэтике происходит “по умолчанию”, без специальных оговорок.

Античное теоретико-литературное знание выделило ограниченный круг жанров: эпопею, трагедию, комедию, лирические и риторические жанры. При этом не всякое жанровое обозначение описывалось как жанр в системе поэтики. Например, ‘биос’ (βίος), как и ‘трагедия’ (τραγῳδία), является жанровым обозначением, и тем не менее это термин иного свойства. ‘Биос’ не содержит никакой характеристики жанра, кроме тематической — изложение жизненного пути исторического лица и/или его нравов и образа жизни; ‘трагедия’ же является жанровым обозначением во всей полноте смысла, регламентируя не только характер “подражания”, но и язык, стихотворный размер, число действующих лиц и т.д. (см.: [10, с. 7]).

Несмотря на разную степень регламентации, все жанровые дефиниции в классической поэтике мыслились как тождественные себе и непроницаемые друг для друга сущности. Необходимость жанровой дифференциации прозаики заставила пересмотреть это базовое правило. Нужно ли понимать дефиницию жанра как некую неизменную на все времена точку отсчета, относительно которой должно рассматривать образцы жанра в их развитии, или она тоже подвижна, изменчива и исторически обусловлена? И возможна ли смена жанровой идентичности? С точки зрения дефинитивной поэтики, восходящей к Аристотелю, — нет; однако история литературы Нового времени продемонстрировала обратное: да, может.

Нарастающая прозаизация словесности и потребность теоретизировать роман не только разрушила традиционную жанровую систему, но и

изменила представление о сущности ‘поэзии’ и границах ‘поэтического’. Превращение романа в предмет регулярной теоретической рефлексии имело несколько следствий общего характера, стимулировав не только изменение границ и научной спецификации *поэтики* и *риторики*, но и пересмотр оппозиции стих/проза как первичной для определения ‘поэзии’ (‘литературы’) и ‘поэтического’ (‘литературности’), а также выдвижение в качестве главного конститутивного признака понятия ‘вымысел’.

Конституирование романа как жанра происходило постепенно и обрело свою системную теорию к концу XVII в. Парадокс истории теоретического освещения романа состоял в том, что первоначально роман как жанр являлся предметом *риторики*. Регулярная теория романа формируется в XVII в., в эпоху барокко, и это — *теория риторическая*. В системе риторики XVII–XVIII вв. роман получает теоретическую кодификацию как смешанный риторический жанр, и свою жанровую историю: термин ‘роман’ распространяется на античность и Средневековье, то есть на эпохи, романа не знавшие; барочная теория ведет историю жанра от “греческого романа”.

Впоследствии, когда теория романа становится предметом поэтики, возникает новый парадокс: поэтика получает роман не просто как жанр, прежде не входивший в кругозор теории словесности, а как жанр, теоретизированный риторикой, причем жанровая теория и жанровая история, “составленные” риторикой для романа, оказываются с ним нераздельны, поэтике остается только принять их “за основу” — так рождается понятие жанрового “самосознания” романа.

Для риторики не представляло сложности кодифицировать роман как жанр, но риторика кодифицировала его по своим собственным законам. А.В. Михайлов, исследовавший романские теории эпохи барокко, показал, как риторика XVII в. осваивала новый для нее жанр. Если для спецификации поэзии было достаточно метра и рифмы, то для романа — определения “поэма без метра”: “Есть другой вид поэм (Gedichte), однако <излагаемых> прозаической речью <...>. От других они не отличаются ничем, кроме <отсутствия> метра. <...> Таковы так называемые романы...” (Д.М. Морхоф (1682); пер. А.В. Михайлова). Дефиниция нового жанра — романа, через посредство старого — эпической поэмы (поэм Нового времени в риторической традиции

и гомеровских поэм — в традиции гегельянской эстетики⁸), не могла решить проблемы теоретической спецификации романа: “... Такое *простое* решение не снимает *проблемы*, а загоняет ее, словно болезнь, *внутрь*. Действительно, ведь риторическая теория пытается не более, не менее как истолковать *новый жанр* в духе *старого*” [12, с. 147].

Решение проблемы было найдено, и оно затрагивало само существо поэтического. Чтобы включить роман в систему поэтического искусства, нужно было снять оппозицию стих/проза как конститутивную для предмета поэтики. Именно это и сделал в своем трактате Пьер-Даниэль Юэ / Pierre-Daniel Huet (1630–1721).

“Трактат о происхождении романов” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) стал решающим событием в становлении теории жанра и — шире — теории прозаики. Сочинение Юэ, в прошлом автора небольшого романа, а впоследствии епископа и члена Французской академии (1674), было признано “эстетической декларацией совершенности романа”⁹ и определило европейскую теорию жанра по крайней мере на следующие двести лет.

И, что особенно важно для нашей темы, трактат Юэ был издан под одной обложкой с романом “Заида. Испанская история”, как ученое *предисловие*, в форме письма к другу и автору романа: “Письмо месье Юэ к месье де Сегре. О происхождении романов” / “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. Так Юэ создал не только теорию романа, но и традицию предисловия как пространства для теоретизирования жанра. Предисловие в форме обращения к читателю, другу, родственнику, наконец, к автору, реальному или вымышленному, если роман, как в случае с “Заидой”¹⁰,

⁸ В “Эстетике” Гегеля, в отличие от риторических теорий XVII–XVIII вв., роман сопоставляется не с риторически-понятым эпосом, а с эпосом гомеровским, передающим “изначально-поэтическое состояние мира”.

⁹ Эту характеристику (“die ästhetische Mündigkeitserklärung des Romans”) приводит в комментарии и указателе содержания к критическому изданию трактата Юэ, включающем в себя факсимиле первого французского издания (1670) и первого издания на немецком языке (1682), Ханс Хинтерхойзер / Hans Hinterhäuser [13, с. 13*, 165]. См. также критические изд.: [14] и др.

¹⁰ Споры об авторстве “Заиды” продолжаются по сей день. Роман вышел под именем Жан-Реньо де Сегре и так переиздавался вплоть до 1780 г. Хотя автором “Заиды” уже давно принято считать М.-М. де Лафайет — в каталоге Национальной библиотеки Франции роман единолично числится за ней, а некоторые жанровые находки в ее сочинениях даже аттестованы как “изобретение французского

предполагал элемент мистификации или подставного авторства, — особенно активно использовался как локус авторских теорий в период становления национального романа в европейских и русской литературах.

Трактат Юэ очень быстро получил известность и стал популярен не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Почти сразу был издан отдельно [15]; затем дополнен и выпущен вторым изданием [16]; переведен на основные европейские языки и латынь. К 1711 г. насчитывал восемь изданий на французском¹¹, переводы на английский (1672), нидерландский (1679, 1700, 1705), латинский (1682), немецкий (1682). Был известен и в России. Перевод на русский язык вышел более века спустя после его первого издания — в 1783 г., в типографии Н.И. Новикова [17]. Примечательно, что русское издание воспроизвело опыт первой публикации Трактата как ученого предисловия к роману, правда не к “Заиде”, к тому времени уже переведенной на русский язык¹². Трактат Юэ неизменно учитывался и русской теорией. В 1886 г. создатель исторической поэтики в работе “История или теория романа?” аттестовал Юэ как “первого сознательного теоретика” романа, “обширная начитанность” которого “поставила его на историческую точку зрения” [18, с. 16].

* * *

Трактат Юэ в науке о литературе имеет особую репутацию. Считается, что Юэ впервые упорядочил теорию романа — в его трактате, по выражению Михайлова, содержится “конспект будущего литературоведческого осмысления романа вплоть до конца XIX в.” [12, с. 146], — и все-таки точнее сказать, что Юэ ее создал.

Юэ конституировал роман как жанр и как предмет поэтического искусства. Хотя отдельные важнейшие наблюдения над особенностями романа можно найти и у других авторов, именно Юэ сформулировал принципы изучения романа, его генезиса и истории, что, в свою очередь, построило поэтику в целом.

романа’, — предположение об “Испанской истории” как совместном проекте Юэ, де Сегре, мадам де Лафайет (их знакомство, согласно мемуарам Юэ, состоялось в 1659 г.) и Ларошфуко по-прежнему имеет своих сторонников.

¹¹ Следующие изд.: 1685, 1693, 1699; 1705 (2 изд.) 1711 (см.: [13, с. 29*]).

¹² В 1765 г. в Москве, при Императорском университете, был издан анонимный перевод “Заиды”: “Заида, гишпанская история, сочиненная господином Дезебре”, в 2 ч.

Чтобы включить роман в систему поэтического искусства, Юэ, со ссылкой на Аристотеля, не только снимает оппозицию стих / проза как конститутивную, но и выдвигает на первое место в определении поэтического *вымысел*, а не стих. Роман, полагает Юэ, вне зависимости от того, написан он в стихах или в прозе, может быть предметом поэтики в аристотелевском смысле. Романист — поэт, хотя и пишет прозой, поскольку поэт делает поэтом не столько стих, сколько вымысел: “...quoy qu'ils ayent d'ailleurs un tres-grand rapport, et que suivant la maxime d'Aristote, qui enseigne que le Poëte est plus Poëte par les fictions qu'il invente, que par les Vers qu'il compose, on puisse mettre les faiseurs de<s> Romans au nombre des Poëtes” [19, с. 6].

В апелляции к авторитетному имени Аристотеля различима реакция на средневековое истолкование поэзии как искусства метрики по преимуществу. Юэ имеет в виду, по всей видимости, максимум из девятой главы “Поэтики”, согласно которой поэт “должен быть более творцом фабул, чем метров”. Аристотель в девятой главе говорит о задаче поэта и о различии между поэзией и историей:

...историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. <...> Итак, отсюда ясно, что сочинитель должен быть сочинителем не столько метров, сколько сказаний: ведь сочинитель он постольку, поскольку подражает, а подражает он действиям. Впрочем, даже если ему придется сочинять <действительно> случившееся, он все же останется сочинителем — ведь ничто не мешает тому, чтобы иные из случившихся событий были таковы, каковы они могли бы случиться по вероятности и возможности; в этом отношении он и будет их сочинителем (1451b; пер. М.Л. Гаспарова) [9, т. 4]¹³.

Для теории Нового времени этот фрагмент имел исключительное значение. Когда наука о литературе оказывалась перед необходимостью

¹³ Ср. перевод Н.И. Новосадского: “Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о прошедшем, другой о том, что могло бы произойти. <...> Из этого ясно, что поэт должен быть более творцом фабул, чем метров, так он творец постольку, поскольку воспроизводит, а воспроизводит он действия. Даже если ему придется изображать действительные события, он все-таки творец, так как ничто не препятствует тому, чтобы некоторые действительные события имели характер вероятности и возможности. Вот почему он их творец” [http://newmenandr.net/poetica].

расширения своего предмета, как в случае теоретической легитимации романа и прозаического искусства в XVII в., она неизменно обращалась к IX главе “Поэтики”, находя в ней теоретическое обоснование новому представлению о сущности и границах литературного творчества.

Несмотря на ссылку Юэ, следует заметить, что *вымысел* как категория, перестроившая представление о предмете поэтического искусства, непосредственно к “Поэтике” Аристотеля не восходит, хотя и следует из нее. Конституирование *вымысла* как предмета поэтического искусства, ставшее важным шагом на пути перехода от классических поэтик к новым, было подготовлено не только развитием словесности, но и развитием теории, в том числе предшествующими интерпретациями Аристотеля¹⁴.

Упразднив монополию стиха в теории поэтического творчества, Юэ смог кодифицировать роман как самостоятельный литературный жанр, а не маргинальную разновидность традиционной жанровой системы, исследовать его собственную специфику и выстроить его историю.

Отвечая на вопрос, что есть роман и по каким законам он должен строиться, Юэ делает акцент, во-первых, на отличии романа от эпоса, во-вторых — на соотношении правдоподобия (“*vraisemblance*”, “*vraisemblable*”) и вымысла (“*fiction*”), противопоставляя роман, с одной стороны, *истории*, с которой, следуя Аристотелю, соотносит правдоподобие, а с другой стороны, — “*сказкам*”, с которыми связывает вымысел.

¹⁴ В этом смысле показателен трактат Доминика Гундиссалина “О разделении философии” / *Dominicus Gundissalinus “De divisione philosophiae”* (ок. 1150), опирающийся на аристотелевское представление о поэтике и ее месте в системе наук. Предмет поэтики Гундиссалин определяет двояко — как “*res gesta*” и “*res ficta*”, то есть как действия произошедшие и действия вымышленные: “*Materia huius artis duo sunt: quia aut res gesta aut res ficta*” [20, с. 54]. (Ср. в переводе на немецкий язык: “*Der Gegenstand dieser Kunst besteht in zweierlei, entweder nämlich in etwas wirklich Geschehenem oder in etwas Erfundenem*” [21, с. 127].) Среди же вымышленных (“*res ficta*”) он различает те, которые могли произойти, и те, которые произойти не могли. В качестве иллюстрирующего примера в первом случае сказано об *аргументе*, или доводе, как в евангельской притче, поясняющей истину рассказом из повседневности; во втором случае — о “*сказке*”: “*Res autem ficta alia est, que fieri potuit et dicitur argumentum ut parabole euangelii, alia est, que fieri non potuit et dicitur fabula*” [20, с. 55]. (Ср. в переводе на немецкий: “*Erfundene Gegenstände wiederum gibt es einmal solche, die geschehen hätten können, und dann spricht man von Argument wie bei den Gleichnissen des Evangeliums, zum anderen solche, die nicht hätten geschehen können, und dann spricht man von Märchen (lat. fabula)*” [21, с. 127. Курсив мой. — И.П.]

Другой важнейший и неотменяемый шаг, сделанный Юэ, — ретроспекция романной истории в глубь веков: Юэ установил жанровую традицию, отобрав формы античной словесности, которые, с его легкой руки, стали называться романом; понятие “греческий роман” и истоки теории античного романа восходят к его труду.

Заметим в скобках: парадоксальную операцию построения истории жанра как ретроспекции, результатами которой литературоведение пользуется до сих пор, исследовал и отчасти пытался пересмотреть и повторить в своей поэтике романа М.М. Бахтин.

Бахтин неоднократно апеллирует к трактату Юэ как к старейшей и “авторитетнейшей” европейской теории романа¹⁵, особо отмечая значение истории “греческого романа”: “В области специальных проблем античного романа эта книга нашла свою смену лишь в работе Э. Роде, то есть только через двести лет (1876 г.)” [7, т. 3, с. 127–128]. В то же время Бахтин полагал, что Юэ недооценил значение серьезно-смеховых жанров — менипповой сатиры и сократического диалога, который, перефразируя Шлегеля, называл “романом того времени”:

...некоторые из них суть жанры чисто романного типа, содержащие в себе в зародыше, а иногда и в развитом виде, основные элементы важнейших позднейших разновидностей европейского романа. <...> ... названные нами серьезно-смеховые жанры, хотя и лишены того твердого композиционно-сюжетного костяка, который мы привыкли требовать от романного жанра, предвосхищают более существенные моменты развития романа нового времени [7, т. 3, с. 625–626].

Юэ строил историю жанра из перспективы современного ему барочного романа, испытавшего существенное влияние “греческого романа”, в то время как другие виды античной прозаики, предвосхитившие не менее значимые этапы развития жанра, остались вне поля его зрения: если к первофеномену барочного романа подводит так называемый греческий роман, то к первофеномену романа Достоевского, по мнению Бахтина, — мениппова сатира и сократический диалог.

¹⁵ Данными о том, по каким источникам Бахтин был знаком с текстом трактата, мы не располагаем. Бахтин приводит название трактата по разным изданиям, а в рукописи “<К роману воспитания>” дает небольшой фрагмент в собственном переводе: “роман — выдумка о приключениях, прозой написанная для развлечения и поучения читателей. Любовь должна быть главным сюжетом романа” [7, т. 3, с. 218]. Ср.: “...Romans sont des fictions d’aventures amoureuses, écrites en Prose avec art, pour le plaisir et l’instruction des Lecteurs” [19, с. 4–5].

При этом нужно учитывать, что Юэ в своем трактате уделяет внимание мениппее, обозначает ее жанровые признаки: смешение стиха и прозы, серьезного и веселого (“la Prose avec les Vers, & le serieux avec enjoué” [19, с. 62]), и указывает на значение мениппеи для римского романа и особенно для “Сатирикона” Петрония¹⁶. Таким образом, Бахтин, утверждая значение менипповой сатиры в истории романа и расширяя круг близких к мениппее серьезно-смеховых жанров, скорее опирался на конструкцию Юэ, чем ее опровергал, развивая и проецируя на русскую литературу один из ее элементов.

Но вернемся к плану Юэ. Выстраивая историю жанра вразрез законам поэтики, по принципу *ретроспекции*, он выделяет основные этапы становления романа от античности до XVII в.: 1) происхождение романа и влияние восточной словесности (египтян, арабов, персов, индусов, сириян); 2) греческий роман; 3) римский роман; 4) роман Средневековья и Ренессанса (Юэ отмечает упадок после расцвета и новый подъем жанра; специально останавливается на генезисе и этимологии понятия ‘роман’; сравнивает романы национальных европейских литератур и отмечает влияние Франции на Италию и Испанию; конституирует особое значение “Дон Кихота” и “библиотеки Дон Кихота” в истории самосознания романа как жанра); 5) современный ему французский роман XVII в. как новую вершину романного искусства.

Предложенный “план” истории жанра стал основой для теоретико-литературного освещения романа; по этой канве, уточненной и дополненной, история происхождения романа писалась на протяжении по крайней мере двух веков. Вплоть до последней трети XIX в. барочная теория романа, облеченная в форму Письма Юэ к де Сегре — предисловия к роману мадам де Лафайет, служила “рамочной конструкцией”, которую отшлифовывала и наполняла материалом академическая теория.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Композиция “Поэтики” Горация // Очерки истории римской литературной критики. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 97–151.
2. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 816 с.
3. *Curtius E.R.* Kritische Essays zur europäischen Literatur. Bern: Francke, 1950. S. 28–58. 8°, 439 S.
4. *Curtius E.R.* Französischer Geist in neuen Europa. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1925. 8°, 372 S.
5. *Аверинцев С.С.* “Аналитическая психология” К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 113–143.
6. *Аверинцев С.С.* Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110–111.
7. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Языки славянских культур, Русские словари, 1996–2012.
8. *Curtius E.R.* Büchertagebuch (1951). Bern; München: Francke, 1960. 8°, 119 S.
9. *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976–1984.
10. *Аверинцев С.С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы / Отв. ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1989. С. 3–25.
11. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Ред., вступит. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л., 1940 / [Репринт.] Изд. 3-е. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 648 с.
12. *Михайлов А.В.* Роман и стиль // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982. С. 137–203.
13. *Huet Pierre Daniel.* Traité de l'origine des Romans. Faksimiledrucke nach der Erstausgabe von 1670 und der happelschen Übersetzung von 1682 / Mit Nachwort von Hans Hinterhäuser. Stuttgart: Metzler, 1966. 8°, 170, 32 S.
14. *Lettre-traité de Pierre-Daniel Huet sur l'origine des romans.* Éd. du tricentenaire 1669–1969 / Éd. Fabienne Gégou. Paris: Éditim A.-G. Nizet, 1971. 222 p.
15. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais.* De l'origine des romans. Paris, s.d. VIII, 99 p.
16. *Lettre de Monsieur Huet à Monsieur de Segrais.* De l'origine des romans. Seconde édition. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1678. XII, 176-[1] p.
17. *Гуэция* Историческое разсуждение о начале романов, с прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов / Переведено с французского языка Иваном Крюковым. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 120 с.
18. *Веселовский А.Н.* История или теория романа? // *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 3–22.
19. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais.* De l'origine des romans // *Zayde Histoire Espagnole*, par Monsieur de Segrais. Avec un traitté de l'Origine des

¹⁶ Практика исследования мениппеи в контексте жанровой теории римского романа, заданная трактатом Юэ, продолжала существовать вплоть до начала XX в.

- Romans, par Monsieur Huet. Paris: Claud Barbin, 1670. P. 3–99.
20. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* / Herausgegeben und philosophiegeschichtlich untersucht von Dr. Ludwig Baur // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen / Hrsg. Dr. Clemens Bäumker und Dr. Georg Freih. von Hertling. Bd. IV. H. 2–3. Münster: Aschendorfschen Buchhandlung, 1903. XII, 408 S.
  21. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* = Über die Einteilung der Philosophie / Lateinisch – Deutsch [Gebundene Ausgabe] / Herausgegeben, übersetzt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von Alexander Fidora und Dorotée Werner // Herders Bibliothek der Philosophie des Mittelalters. Bd. 11. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2007. 288 S.
- REFERENCES
1. Gasparov, M.L. *Kompozitsiia “Poetiki” Goratsiia* [Composition “Poetics” by Horace]. *Ocherki istorii rimskoi literaturnoi kritiki* [Essays on the History of Roman Literary Criticism]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 97–151. (In Russ.)
  2. Losev, A.F. *Istoriia antichnoi estetiki. Rannii ellinizm* [History of Antique Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 816 p. (In Russ.)
  3. Curtius, Ernst Robert. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. Bern, Francke, 1950. S. 28–58. 8, 439 p. (In German)
  4. Curtius, Ernst Robert. *Französischer Geist in neuen Europa*. Stuttgart, Deutsche Verlagsanstalt, 1925. 8, 372 p. (In German)
  5. Averintsev, S.S. “*Analiticheskaiia psikhologiia*” C.G. Junga i zakonmernosti tvorcheskoi fantazii” [Jung’s “Analytical Psychology” and patterns of creative fantasy]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1970, No. 3, pp. 113–143. (In Russ.)
  6. Averintsev, S.S. *Arkhetipy* [Archetypes]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. In 2 Vols, Vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1980, pp. 110–111. (In Russ.)
  7. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: in 6 vol.* [Collected Works, in 6 Vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kultur, Russkie slovari Publ., 1996–2012. (In Russ.)
  8. Curtius, Ernst Robert. *Büchertagebuch* (1951). Bern; München, Francke, 1960. 8°, 119 p.
  9. Aristotle. *Sochineniia: V 4 t.* [Works, in 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1976–1984. (In Russ.)
  10. Averintsev, S.S. *Zhanr kak abstraktsiia i zhanry kak realnost: dialektika zamknutosti i razomknutosti* [Genre as Abstraction and Genres as Reality: The Dialectic of Closedness and Openness], *Vzaimosviaz i vzaimovliianie zhanrov v razvitiu antichnoi literatury. Otv. red. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov* [Interrelation and Mutual Influence of Genres in the Development of Ancient Literature. Ed. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–25. (In Russ.)
  11. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaiia poetika. Red. V.M. Zhirmunskii* [Historical Poetics. Ed. V.M. Zhirmunsky]. Leningrad, 1940, Reprint, The 3^d Edition. Moscow, LKI Publ., 2008. 648 p. (In Russ.)
  12. Mikhailov, A.V. *Roman i stil* [Novel and Style]. *Teoriia literaturnykh stilei. Sovremennye aspekty izucheniiia* [Theory of Literary Styles. Modern Aspects of Learning]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 137–203. (In Russ.)
  13. Huet, Pierre Daniel. *Traité de l’origine des Romans*, Faksimiledrucke nach der Erstausgabe von 1670 und der happelschen Übersetzung von 1682, mit Nachwort von Hans Hinterhäuser. Stuttgart, Metzler, 1966. 8°, 170, 32 p. (In French, In German)
  14. *Lettre-traité de Pierre-Daniel Huet sur l’origine des romans*, Éd. du tricentenaire 1669–1969, éd. Fabienne Gégou. Paris, Éditim A.-G. Nizet, 1971. 222 p. (In French)
  15. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*. Paris, s.d. VIII, 99 p.
  16. *Lettre de Monsieur Huet à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*, seconde édition. Paris, S. Mabre-Cramoisy, 1678. XII, 176-[1] p. (In French)
  17. *G. Guetsiia Istoricheskoe razsuzhdenie o nachale romanov, s pribavleniem Bellegardova Razgovora o tom, kakuiu možhno poluchit polzu ot chteniia romanov, perevedeno s frantsuzskogo iazyka Ivanom Kriukovym* [Historical Discourse on the Beginning of Novels of Huetius, with the Addition of Bellegarde’s Discourse on the Benefits of Reading Novels, Transl. from French by Ivan Kriukov]. Moscow, Univ. tip., u N. Novikova Publ., 1783. 120 p. (In Russ.)
  18. Veselovsky, A.N. *Istoriia ili teoriia romana?* [History or Theory of the Novel?]. Veselovsky A.N. *Izbrannye statji* [Selected Articles]. Leningrad, GIKhL Publ., 1939, pp. 3–22. (In Russ.)
  19. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*. Zayde Histoire Espagnole, par Monsieur de Segrais. Avec un traité de l’Origine des Romans, par Monsieur Huet. Paris, Claud Barbin, 1670, pp. 3–99. (In French)
  20. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae*, herausgegeben und philosophiegeschichtlich untersucht von Dr. Ludwig Baur. Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen, hrsg. Dr. Clemens Bäumker und Dr. Georg Freih. von Hertling, Bd. IV, H. 2–3, Münster, Aschendorfschen Buchhandlung, 1903. XII, 408 p. (In Latin, In German)
  21. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* = Über die Einteilung der Philosophie,

Lateinisch – Deutsch [Gebundene Ausgabe],
herausgegeben, übersetzt, eingeleitet und mit
Anmerkungen versehen von Alexander Fidora und

Dorotée Werner. Herders Bibliothek der Philosophie
des Mittelalters, Bd. 11, Freiburg; Basel; Wien, Herder,
2007. 288 p.

Дата поступления материала в редакцию: 10 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 10, 2023

Revised on January 28, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025498-3

Об особой функции наречий в структуре высказывания (роль вторичного предиката)

© 2023 г. Б. Ю. Норман

Доктор филологических наук, профессор,
независимый исследователь,
Беларусь, 220020, Минск, ул. Л. Украинки, д. 4, кв. 16
boris.norman@gmail.com

Резюме. Объектом статьи являются процессы внутренней речи (в понимании Л.С. Выготского), в ходе которых формируется будущее высказывание. Один из таких процессов – это компрессия синтаксической структуры. В частности, интерес представляют полипропозитивные высказывания, в которых роль вторичного предиката выполняют наречия. Анализируются примеры из русской художественной литературы (от И. Шмелева до А. Битова), в которых за синтаксической структурой простого предложения скрывается сложный смысл. Делается вывод, что к функции вторичного предиката наиболее склонны наречия со значением физиологических или психических ощущений, моральной оценки, соответствия культурной норме и т.п. Однако различная словообразовательная предьстория такого адверба приводит к его амбивалентности и в соответствии с этим к различным вариантам трактовки скрывающейся за ним пропозиции. В целом же возможность “упаковать” целую пропозицию в одно слово делает наречие полноценным участником процессов речевой деятельности.

Ключевые слова: наречие, пропозиция, полипропозитивное высказывание, вторичный предикат.

Для цитирования: Норман Б.Ю. Об особой функции наречий в структуре высказывания (роль вторичного предиката) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 15–21. DOI: 10.31857/S160578800025498-3

On the Special Function of Adverbs in the Structure of an Utterance (the Role of the Secondary Predicate)

© 2023 Boris J. Norman

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Independent Researcher,
4 L. Ukrainki Str., apt. 16, Minsk, 220020, Belarus
boris.norman@gmail.com

Abstract. The object of the article is the processes of inner speech (in the understanding of L.S. Vygotsky), during which the future utterance is formed. One such process is syntactic structure compression. In particular, of interest are polypropositive utterances in which adverbs play the role of a secondary predicate. Examples from Russian fiction are analyzed (from I. Shmelev to A. Bitov), in which a complicated meaning is hidden behind the syntactic structure of a simple sentence. It is concluded that adverbs with the meaning of physiological or mental sensations, moral assessment, compliance with a cultural norm, etc. are most inclined to the function of a secondary predicate. However, the different word-formation background of such adverb leads to its ambivalence and, in accordance with this, to different interpretations of the proposition behind it. In general, the ability to “pack” a whole proposition into one word makes the adverb a full-fledged participant in the processes of speech activity.

Key words: adverb, proposition, polypropositive utterance, secondary predicate.

For citation: Norman, B.J. Ob osoboj funkcii narechij v strukture vyskazyvaniya (rol vtorichnogo predikata) [On the Special Function of Adverbs in the Structure of an Utterance (the Role of the Secondary Predicate)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 15–21. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025498-3

0. Введение

Начиная с середины XX века в сферу внимания лингвистов прочно вошло понятие пропозиции. Оно стало точкой пересечения интересов “чистых” языковедов, логиков и психологов, и споры по этому поводу не утихают. Вот одно из современных определений: “**пропозиция, пропозиционное содержание, пропозитивный смысл** – тип содержания единицы языка, представляющий собой мысленный образ ситуации, т.е. сущности, характеризующейся временным параметром” [1, с. 564].

Иными словами, пропозиция – это объективное положение дел (нечто, что происходит), отраженное в сообщении. И лингвисты занялись проблемой соотношения пропозиции как единицы мысли и предложения как структурной единицы языка. “В принципе должно быть одно-однозначное отношение между пропозициями и простыми предложениями: одно простое предложение (clause) выражает одну пропозицию” [2, с. 167]. Однако давно замечена реальная способность предложения выражать несколько пропозиций: это качество называют полипропозитивностью. Поскольку же организующим звеном пропозиции является предикат, то полипропозитивность подразумевает наличие вторичного предиката, т.е. дополнительного сказуемого, – поэтому некоторые авторы используют термин *полипредикативность*.

Наиболее явное проявление полипропозитивности – это смысловая структура сложных предложений: обозначение нескольких “образов ситуаций” соответствует самой их (сложных предложений) природе. Скажем, сообщение *После того, как хозяин уехал, дом опустел* не требует специального комментария: ясно, что оно отражает два события. Но полипропозитивность логично усмотреть также в предложениях осложненной структуры – с обособленными обстоятельством или определениями, например: *Покинутой хозяином, дом опустел*. Кроме того, как известно, сложный смысл может выражаться и в рамках простого предложения (без обособления его членов). Это связано, в частности, с языковой способностью номинализовать пропозицию, т.е. представлять ее в виде имени, ср.: *После отъезда хозяина дом опустел*. Отсюда вытекает, что

“средством выражения номинализованных пропозитивных смыслов прежде всего могут служить придаточные части сложноподчиненных предложений, а также обособленные члены предложений. Кроме того, пропозитивные смыслы могут быть выражены при помощи отдельных слов и выражений” [3, с. 34].

1. Вторичный предикат и его выражение

Разработка проблемы полипропозитивности привела к углубленному анализу семантической структуры русского предложения и, в частности, к очерчиванию круга тех “отдельных слов и выражений”, которые способны нести функцию вторичного предиката.

Г.А. Золотова еще в своей монографии 1973 года обратила внимание на конструкции с производными предлогами (*со стороны, в результате, в знак, в адрес, с позиций, в случае* и т.п.). Они очень часто включают в себя отглагольное имя и в силу этого предполагают “предикативную конденсацию” [4, с. 254]. Действительно, предложение *По возвращении в деревню бурмистр повел нас посмотреть веялку* (пример Г.А. Золотовой) содержит в себе две пропозиции: ‘кто-то (мы? или бурмистр?) вернулся в деревню’ и ‘бурмистр повел нас посмотреть веялку’. «В результате структура предложения, включающего подобные конструкции, становится “уплотненной”, полипредикативной» [Там же, с. 257]. В более поздних работах исследовательница, кроме номинализации, выделяет еще следующие виды синтаксической деривации: инфинитивизацию, адвербиализацию и атрибутизацию [5, с. 183].

Н.Д. Арутюнова, исследовавшая смысловую структуру предложения, сформулировала проблему шире: по ее мнению, имеются в виду особые случаи, когда семантический тип имени не соответствует его синтаксической функции. В частности, она показывает, что существительные с предметным значением в определенном контексте способны выражать событийно-временной смысл, например: *Я задержался из-за книг* или *Он пришел несмотря на ногу*. “Предметные существительные в этих случаях эквивалентны по значению пропозиции” [6, с. 122].

Какие же лексико-грамматические классы слов способны принимать на себя функцию

вторичного предиката, концентрируя в себе содержание целой пропозиции? По-видимому, это не только имя существительное в его падежных формах в сочетании с предлогами, но также и “синтаксические маргиналы” — прилагательные и наречия [7, с. 201–217].

Рассмотрим следующий пример.

Малыш был в Илью, кудрявый и узколицый. Редко плакал, мало улыбался, Илья считал, что темперамент ребенка унаследовал материнский (Л. Улицкая. Зеленый шатер).

Сравним с этим предложением исходную, нейтральную фразу: *Ребенок унаследовал материнский темперамент*. Синтаксическая ее структура проста и прозрачна: *ребенок* — подлежащее, *унаследовал* — сказуемое, *темперамент* — дополнение с подчиненным ему определением *материнский*. Но в цитате из Л. Улицкой дополнение *темперамент* не случайно вынесено в препозицию: эта эмфаза (позиционное и интонационное выделение) сигнализирует для нас некий дополнительный смысл: ‘ребенок унаследовал (чей-то) темперамент’ (это нормально), но ‘этот темперамент оказался материнским’!

Место подобным примерам находится в типологии полипропозитивных (и полипредикативных) предложений, предлагаемой М.В. Всеволодовой. По ее мнению, в составе простого предложения вторичный предикат образуют: а) копредикат (*Он сидит счастливый и потрясенный; Я вспомнил его молодым; Он вернулся в село учителем*), б) “компоненты со значением состояния лица, осложняющие пропозицию” (*В гневе он бывал страшен; В отчаянии она решила на отъезд*), в) “любой компонент в фокусе Р, сопряженный с компонентом в фокусе Т (топик)” (*Пьесу он написал замечательную*) [8, с. 209]. Нам эта классификация кажется недостаточно однородной по своим основаниям. Кроме того, заметим, что роль вторичного предиката не обязательно требует от прилагательного топикализации, т.е. вынесения в эмфатическую позицию. Сравним следующий пример из повести уже упомянутого автора:

После ухода бессмысленной медицины Нина вдруг страшно засуетилась. Опять начала носиться с бутылками (Л. Улицкая. Веселые похороны).

Определение *бессмысленный* здесь, конечно, относится не к медицине как таковой, а к визиту врачей, которые ничем не могли помочь умирающему. Смысл предложения выстраивается следующий: ‘после того, как ушли медицинские

работники, усилия которых были бессмысленны, Нина... засуетилась’. Прилагательное скрывает за собой отдельную пропозицию.

Наконец, классификация вторичных предикатов, предлагаемая М.В. Всеволодовой, оказывается неполной, потому что в ней принципиально не находится места наречиям! А между тем, данная часть речи в синтаксическом отношении обладает примечательными и в чем-то уникальными свойствами.

2. Наречие в синтаксической структуре высказывания

Предварим следующий фактический материал кратким историческим экскурсом. Наречия как часть речи (лексико-грамматический класс) сформировались еще в общеславянский период. Призвание их состояло в том, чтобы характеризовать с той или иной стороны действие или состояние, обозначенное глаголом (сам термин *наречие* — калька с латинского *ad verbum*, т.е. “при глаголе”). Основная масса наречий (адвербов) изначально образовывалась либо от падежных и предложно-падежных форм существительных, либо от прилагательных (особенно — качественных) [9, с. 151–156].

Однако в современных славянских языках функции наречий, их строение и место в синтаксической структуре фразы заметно расширились. Наречия могут уточнять значение других наречий, подчиняться непосредственно существительному или прилагательному, легко приобретают функцию сказуемого (в этом случае они превращаются в предикативы). А с учетом того, что и в словообразовательном отношении современные наречия чрезвычайно многообразны (они могут быть образованы даже от причастий или деепричастий), становится понятен интерес современных исследователей к данному лексико-грамматическому классу, ср.: [10, с. 160–168]. Особенности эти “вольные стрелки” грамматики привлекают в психолингвистическом аспекте, применительно к процессам, протекающим во внутренней речи, в ходе формирования структуры высказывания.

Начнем с анализа следующей цитаты, в которой употребление наречия слегка царапает взгляд читателя.

Она, <...> намяв в обеих ладонях по газетному комку, с двух сторон визгливо протирала вымытое стекло, навалившись грудью на раму (Д. Рубина. Желтухин).

Наречие *визгливо* значит ‘пронзительно резко, с визгом’. Оно зафиксировано в [11] в 432 текстах, общее количество примеров – 605 (дата обращения: 07.01.2023). Самые частые глаголы, с которыми сочетается это наречие, – это *кричать* и его производные (*закричать, прокричать, крикнуть, выкрикнуть* и т.д.), *хохотать, смеяться* и их производные (*захохотать, засмеяться* и т.д.), а также *орать, петь, вопить, спрашивать, отвечать* и др. В целом около 90% всех употреблений данного наречия – это сочетания с глаголами речи и вообще голосовой деятельности. *Протирать* (стекло) никоим образом в эту группу не входит.

Ясно, что за приведенной цитатой скрывается сложный смысл, который не укладывается в структурные рамки простого предложения. Это примерно следующее: ‘она... с двух сторон протирала вымытое стекло, отчего то издавало визгливые звуки’. Поясним сказанное. *Протирать* – акциональный глагол, обозначающий контролируемое действие. *Визгливо* характеризует не действие самой женщины, а “действие” стекла под ее руками: она протирала стекло, а стекло визжало. Вообще, *визгливо* характеризует неконтролируемые действия. Даже если говорится, что кто-то *визгливо спросил* или *визгливо ответил*, то от его желания это не зависело: это свойство его речевого аппарата и в целом психосоматики!

Роль наречия в процессе текстопорождения очевидна и применительно к спонтанной устной речи. Здесь представители данного лексико-грамматического класса легко принимают на себя функцию вершинного узла фразы – предиката. Приведем один фрагмент из опубликованного собрания разговорных текстов:

Тут надо чтоб как-то вот... То ли химически она как-то... взаимодействовала // То ли... вот как-то... особую структуру ей сделать // Очень трудно // Ну это далеко еще // А сейчас вот великолепно я смотрел... Вот сейчас вижу / очень широко вот на Западе / текстильная-то обувь // Причем от Африки до... вообще Скандинавии // [12, с. 197].

3. Наречие как средство упаковки информации

В целом наречие, с его “мобильным”, или “всеядным”, участием в процессах преобразования внутренней речи во внешнюю, активно используется, с одной стороны, для сокращения длины текста, а с другой стороны – для усложнения его семантической структуры. В последнем случае оно выступает в качестве вторичного предиката. Данная ситуация находит свое место и среди художественных средств писателя, что мы продемонстрируем на нескольких примерах.

Студенты обидно швыряли посуду на стол, и, недолго думая, я подал Фиттиху просьбу об увольнении (В. Каврин. Освещенные окна).

Слово *обидно* означает ‘с чувством обиды’ (причем это, как правило, не наречие, а предикатив, обозначающий состояние субъекта: *кому-то обидно, что...*). Так кто в приведенном примере испытывал эту обиду – студенты? Нет, обиду испытывал кухонный рабочий, наблюдавший данную сцену. Смысл предложения: ‘студенты швыряли посуду на стол, и мне было обидно это наблюдать’!

Как только они очутились на середине переулка, земля тошно зашаталась под ногами, с крыши театра повалилась черепица... (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Слово *тошно*, которое тоже чаще всего выступает в роли предикатива, передает в своем прямом значении физиологическое состояние тошноты, предшествующее рвоте. В данном случае оно характеризует ощущение персонажей, оказавшихся в зоне землетрясения. И смысл всего предложения выглядит таким образом: ‘земля зашаталась под ногами, от чего стало тошно’ (к горлу подкатилась тошнота). Наречие, как и в предыдущих случаях, сконцентрировало в себе содержание целой пропозиции.

Рядом с зеркалом висела старинная народная картинка “Зерцало грешного”, печатанная с медной доски и приятно раскрашенная рукой (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Наречие *приятно* в данной цитате характеризует не процесс раскрашивания картинки (хотя формально оно относится к причастию *раскрашенный*), а ощущения зрителя: оно означает, что картинка была приятна для взгляда.

Глеб думает об архангеле Варахииле, платье которого в белых лилиях, – и больно вспоминает о матери... (Б. Пильняк. Голый год).

Наречие *больно* обычно сочетается с глаголами физического воздействия: *ударить, прищемить, ущипнуть* и т.п., и оно значит ‘причиняя боль’, например: *Он больно сжал мою руку*. Кроме того, существует омонимичный предикатив *больно* – со значением ‘испытывать боль’ (физическую или психическую): *Мне больно от твоих слов*. Использование слова *больно* в приведенной цитате требует истолковать последнюю следующим образом: ‘Глеб вспоминает о матери, и это рождает в его душе боль’ (его душе становится больно). За простой по форме синтаксической структурой *Глеб*

больно вспоминает о матери опять-таки скрываются две пропозиции.

Празднично вкусно пахло, хлеб лежал на расписной доске, варенье накладывали серебряной ложкой с витой ручкой (Д. Гранин. Картина).

Празднично вкусно пахло — это значит ‘пахло вкусно, как это бывает по праздникам’. Формально при безличном сказуемом *пахло* есть два обстоятельства образа действия: *празднично* и *вкусно*. Но симптоматично, что между ними нет ни сочинительных, ни подчинительных отношений. Они как бы согласуются друг с другом семантически (и там, и там — сема “хорошо”), но репрезентируют два разных, самостоятельных смысла!

Сразу же заметим, что подбор примеров — из новейших классиков, мастеров русского слова — снимает возможное возражение (или упрек) в нарушении синтаксической нормы. Ясно, что перед нами — некоторая тенденция, опирающаяся на внутриязыковые закономерности и реализующаяся в стилистически мотивированных случаях.

Приведенные цитаты свидетельствуют о том, что представители класса наречий также могут играть роль вторичного предиката. Не случайно, напомним, данный лексико-грамматический класс составляет одну из словообразовательных баз, на которых вырастает так называемая категория состояния (термин Л.В. Щербы). Можно только удивляться той легкости, с которой адвербы пополняют эту категорию. Вслед за уже апробированными и кодифицированными в данной роли словами *легко, приятно, удобно, выгодно, поздно, опасно, безразлично* и т.п. в качестве сказуемых начинают употребляться *грязно, позорно, комфортно, целесообразно, фиолетово* и т.п.

4. Семантическая специфика наречия — вторичного предиката

Важной чертой наречия, с учетом разных вариантов его словообразовательной предыстории, является смысловая амбивалентность, неопределеннозначность (термин В.В. Мартынова). Покажем это еще на двух литературных примерах.

Есенин в описываемом году был запрещен, лагерно популярен (А. Битов. Пушкинский дом).

Несомненно, обстоятельство *лагерно* должно подчеркивать высокую степень популярности текстов Есенина. Но как понимать: *лагерно популярен*? Популярен в лагерях? Популярен, несмотря на опасность ссылки в лагерь? Популярен

благодаря распространению лагерной эстетики? Читатель вправе принять любое толкование и в соответствии с этим восстановить ту или иную исходную пропозицию.

Подобную картину мы наблюдаем и в следующем случае.

И опять неспешно и ржаво повернулся замок в сейфе, где томилась тетрадь “Мастера и Маргариты” и “Театрального романа”... (Л. Яновская. Записки о Михаиле Булгакове).

Что значит: *ржаво повернулся*? Повернулся в ржавом замке (в таком случае мы имели бы дело с синтаксическим переносом и транспозицией)? Повернулся с таким трудом, с каким открывается ржавый замок? Повернулся со скрипом, свойственным ржавым замкам? Восстанавливаемые смыслы не так уж далеки друг от друга, но для читателя подобная свобода выбора создает иллюзию творческого участия — соавторства...

Использование наречия в качестве вторичного предиката дает о себе знать, во-первых, нарушением канонов лексической сочетаемости (ср.: *визгливо крикнуть* и *визгливо протирать, больно ущипнуть* и *больно вспоминать* и т.п.), во-вторых, возможным сдвигом в лексической семантике самого наречия (скажем, *круто* как наречие и *круто* как предикатив разошлись в своих значениях), в-третьих, изменениями в авторизации сообщения (меняется точка зрения на ситуацию — см.: [4, с. 263–264]).

Поясним последнее свойство на еще нескольких примерах.

Пахнет можжевельником священно. <...> Пахнет священно розами (И. Шмелев. Лето Господне).

Одна из содержащихся в этих предложениях пропозиций — *пахнет можжевельником* (или *розами*) — отражает объективные физиологические ощущения: факт присутствующего в воздухе аромата. Вторая пропозиция, заключенная в наречии *священно*, соответствует определенным религиозным и нравственным представлениям нарратора. Для носителя иной, посторонней культуры запах можжевельника (или роз) может никаких сакральных ассоциаций не вызывать.

Густав Пахапиль зашагал вдоль тусклых рельсов. <...> Лежневка привела его в кильдим. Здесь его карманы тяжело наполнились (С. Довлатов. Зона).

Карманы наполнились — это, так сказать, объективная (внешняя) характеристика карманов: в них что-то положили. А слово *тяжело*

присовокупляет к этому субъективные ощущения персонажа: ‘ему стало тяжело’, он почувствовал тяжесть. Получается своего рода стереоскопический эффект: в одном предложении представлены два взгляда на одно и то же реальное положение дел.

...*Генрих Иванович, низко-низко склоняясь над обеденным столом, слышно царапал пером бумагу* (В. Пьецух. Новая московская философия).

Часть предложения *Генрих Иванович царапал пером бумагу* содержит визуальную картину: образ пишущего человека; а *слышно* — это слуховые ощущения присутствующих в данной ситуации: это им всем было слышно!

Остается выяснить, какие именно наречия, с какой семантикой наиболее склонны к тому, чтобы принимать на себя тяжесть второго смыслового фокуса в предложении. Судя по нашему материалу, это прежде всего адвербы со значением физиологических или психических ощущений, моральной оценки, соответствия культурной норме и т.п. Это связано с тем, что в самой природе указанных подклассов заложена склонность к предикатной функции. Данное наблюдение выводит нас на проблему места того или иного номинативного класса в процессах формирования структуры высказывания, иначе говоря — речемыслительной специализации частей речи.

Систематизируя современные представления о механизмах речевой деятельности и соотнося их с учением Л.С. Выготского о внутренней речи, Е.С. Кубрякова пишет: «Поскольку выбор единицы номинации всегда согласуется с ее структурно-семантическими особенностями, в порождении речевого высказывания важную роль играет, на наш взгляд, не только формирование личностного смысла, но и “привязка” его частей к тем или иным единицам номинации» [13, с. 115]. И чуть далее: “Чем полнее и выразительней может передать та или иная единица номинации типы отношений, тем выше ее значимость для организации высказывания” [Там же, с. 116].

Это вполне согласуется с проанализированным выше материалом. Мы видим, что наречие, как и любая другая часть речи, конденсирует в себе предыдущий когнитивный и коммуникативный опыт социума. Выражать ощущения и оценку для слов типа *обидно* или *тяжело* — это как бы их функциональная прерогатива. Заложена в наречиях склонность к предикатной функции (уже проявившая себя в русском языке в ходе исторического формирования “категории состояния”)

продолжает реализовываться в процессах образования полипредикатных структур.

5. Заключение

Таким образом, процессы преобразования (в том числе компрессии) фразы, происходящие во внутренней речи, затрагивают и наречие. Более того, представителей данного лексико-грамматического класса можно считать важными участниками в механизмах речепорождения и речевосприятия.

Если подходить с позиций грамматики говорящего, то речь идет о путях воплощения глубокой семантической структуры в поверхностную. Наречие позволяет “упаковать” целую пропозицию в одно слово, формально подчиняющееся предикату иной пропозиции.

Если же исследовать деятельность слушающего (реципиента), то мы имеем дело с процессом восприятия линейно организованного текста вплоть до его “восстановления” до исходной смысловой структуры. Оказывается, что если значение наречия не согласуется с семантикой глагола, образующего пропозицию, то адресат вынужден, опираясь на контекст, подыскивать в своем сознании добавочную пропозицию, с которой данное наречие было бы совместимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык: Энциклопедия / Глав. ред. А.Ф. Молдаван. 3-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
2. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
3. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
7. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА-Наука, 2013.
8. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
9. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

10. *Норман Б.Ю.* Наречие в современных славянских языках: словообразовательные, семантические и синтаксические аспекты развития // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск: Беларуская навука, 2003. С. 159–174.
11. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: www.ruscorpora.ru
12. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978.
13. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
6. *Arutyunova, N.D.* *Predlozhenie i jeho smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical-Semantic Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
7. *Norman, B.J.* *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA-Nauka Publ., 2013. (In Russ.)
8. *Vsevolodova, M.V.* *Teorija funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoj (pedagogičeskoj) modeli jazyka* [The Theory of Functional-Communicative Syntax. A Fragment of an Applied (Pedagogical) Language Model]. Moscow, The Moscow University Publ., 2000. (In Russ.)
9. *Buslaev, F.I.* *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Moldavan, A.F. (ed.) Russkij jazyk. Encyklopedija* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020. (In Russ.)
2. *Dijk, T.A. van, Kintsch, W.* *Strategii ponimanija svyaznogo teksta* [Strategies of Discourse Comprehension]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty jazyka* [New in Foreign Linguistics. Issue XXIII. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 153–211. (In Russ.)
3. *Fedosyuk, M.Yu.* *Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka. Uchebnoe posobie* [Syntax of the Modern Russian Language. Tutorial]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. (In Russ.)
4. *Zolotova, G.A.* *Ocherk funkcionalnogo sintaksisa russkogo jazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
5. *Zolotova, G.A.* *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russ.)
10. *Norman, B.J.* *Narechie v sovremennyh slavyanskich jazykah: slovoobrazovatelnye, semanticheskie i sintaksicheskie aspekty razvitija* [Adverb in Modern Slavic Languages: Word-Formation, Semantic and Syntactic Aspects of Development]. *Movaznaustva. Litaratura. Kulturalogija. Falklarystyka. XIII Mizhnarodny zjezd slavistau (Ljubljana, 2003). Daklady belaruskaj delegacyi* [Linguistics. Literature. Cultural Studies. Folklore Studies. The 13th International Congress of Slavists (Ljubljana, 2003). Reports of the Belarusian Delegation]. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 2003, pp. 159–174. (In Russ.)
11. *Nacionalnyj korpus russkogo jazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
12. *Zemskaya, E.A., Kapanadze, L.A. (eds.) Russkaja razgovornaja rech. Teksty* [Russian Colloquial Speech. Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russ.)
13. *Kubryakova, E.S.* *Nominativnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti* [The Nominative Aspect of Speech Activity]. Moscow, Nauka Publ., 1986 (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 29 января 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 февраля 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
Дата публикации: 30 апреля 2023 г.*

*Received by Editor on January 29, 2023
Revised on February 10, 2023
Accepted on February 15, 2023
Date of publication: April 30, 2023*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025499-4

О создании русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике

© 2023 г. А. Б. Антопольский

Доктор технических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ale5695@yandex.ru

Резюме. Предлагается разработка русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике как части инфраструктуры этой дисциплины, которая получает организационное оформление как в мире, так и в России. Описываются основные зарубежные источники для такой онтологии. Также описываются российские проекты последних лет в области понятийного состава лингвистики и филологии в целом, которые целесообразно использовать. Кратко излагается формирование концептуальной модели онтологии. В качестве технологической основы предлагается модель проекта Ontolex-Lemon на платформе Семантической сети и лингвистических связанных открытых данных. Подчеркивается необходимость коллаборации различных специалистов и организаций.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, онтологии, мировой опыт, российские источники, компьютерная лингвистика, цифровая филология, Ontolex-Lemon.

Для цитирования: Антопольский А.Б. О создании русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 22–32. DOI: 10.31857/S160578800025499-4

About the Creation of a Russian-Language Ontology for Digital Humanities

© 2023 Alexander B. Antopolsky

Doct. Sci. (Tech.),
Head Researcher at the Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the RAS (INION RAN),
51-21 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117997, Russia
ale5695@yandex.ru

Abstract. It is proposed to develop a Russian-language ontology for digital humanities as part of the infrastructure of this discipline, which receives organizational registration both in the world and in Russia. The main foreign sources for such an ontology are described. It also describes the Russian projects of recent years in the field of conceptual composition of linguistics and philology in general, which are advisable to use. The formation of the conceptual model of ontology is briefly described. As a technological basis, the Ontolex-Lemon project model is proposed on the platform of a Semantic Network and linguistic linked open data. The necessity of collaboration of various specialists and organizations is emphasized.

Key words: digital humanities, ontologies, world experience, Russian sources, computational linguistics, digital philology, Ontolex-Lemon.

For citation: Antopolsky, A.B. *O sozdanii russkoyazychnoj ontologii po tsifrovoj gumanitaristike* [About the Creation of a Russian-Language Ontology for Digital Humanities]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 22–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025499-4

Введение

Можно утверждать, что с начала XXI в. в мире сложилась новая дисциплина, которую принято называть Digital Humanities, или цифровой гуманитаристикой. В монографии [1], а также в исследовании, описанном в работе [2], показано, что в мире уже сотни организаций относят себя к этой дисциплине, активно реализуются международные и национальные программы в этой области и, самое главное, создается специализированная инфраструктура, поддерживающая исследования, разработки и формирование информационного пространства (инфосферы) цифровой гуманитаристики. Описанию состава и функционирования этой инфраструктуры в Евросоюзе посвящена другая публикация автора [3].

Нужно отметить, что состав и содержание цифровой гуманитаристики остаются дискуссионными. В частности, различные подходы к определению данной дисциплины представлены в хрестоматии, изданной в Красноярске [4]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что ядром цифровой гуманитаристики являются такие дисциплины, как историческая информатика, компьютерная лингвистика, цифровая филология, а также применение информационно-компьютерных технологий в библиотеках, архивах и музеях. Из этого, в частности, следует, что цифровая гуманитаристика должна стать одним из важных и перспективных направлений деятельности Отделения историко-филологических наук РАН. Действительно, одна из последних научных сессий ОИФН РАН была посвящена этим разработкам [5].

В России цифровая гуманитаристика также получает организационное оформление: в нескольких университетах созданы соответствующие структуры, которые объединились в Российскую ассоциацию цифровых гуманитарных наук¹. Также ведется работа по созданию инфраструктуры: ИНИОН РАН и Центр цифровых гуманитарных наук Сибирского федерального университета начали проект по созданию информационно-справочной системы по цифровой гуманитаристике [6].

Важным компонентом инфраструктуры современной цифровой науки являются онтологии, обеспечивающие представление понятийного и лексического состава различных научных дисциплин, а также научного знания в целом. Существенно, что онтологии отражают

концептуальные модели как в формализованном виде, пригодном для компьютерной обработки, так и в естественно-языковой форме, учитывающей специфику национальной терминологии. Эти онтологии должны применяться при реализации различных проектов, создавая логическую и понятийную основу представления научной информации. При этом, кроме своей основной функции, онтология одновременно должна организовывать пространство метаданных, которое описывает, представляет и структурирует инфосферу данной области знания.

В данной статье обосновывается возможность и целесообразность создания русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике с учетом как мирового опыта, так и отечественных разработок, которые можно положить в основу создания онтологии.

Мировые источники онтологии

Очевидно, что цифровая гуманитаристика носит комплексный междисциплинарный характер, поэтому средства индексирования для этой сферы должны интегрировать понятия из разных областей. Европейские исследователи коллективными усилиями разработали специальную таксономию для представления понятий по исследованиям в цифровой гуманитаристике, которая получила название TADIRAN². Как пишут разработчики, “эта таксономия цифровой исследовательской деятельности в гуманитарных науках была разработана для использования сайтами и проектами, управляемыми сообществом, которые направлены на структурирование информации, относящейся к цифровым гуманитарным наукам, и облегчение ее обнаружения. Ожидается, что таксономия будет особенно полезна для усилий, направленных на сбор информации о цифровых гуманитарных инструментах, методах, проектах”.

TADIRAN включает 3 фасета:

- Виды исследовательской деятельности
- Объекты исследования
- Методы исследований

TADIRAN представляет собой относительно небольшой инструмент. *Виды деятельности* включают 8 рубрик и 40 подрубрик, *Объекты* — 40 наименований типов в виде плоского списка, и *Методы* включают 41 термин, часть из которых

¹ Российская ассоциация цифровых гуманитарных наук <http://dhrussia.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

² TaDiRAH — Taxonomy of Digital Research Activities in the Humanities. URL: <http://tadirah.dariah.eu/vocab/index.php> (дата обращения: 01.04.2022).

привязана к *Видам деятельности*, а часть объявлена независимыми.

Наименования рубрик и подрубрик *Видов деятельности* снабжены достаточно подробными толкованиями. *Объекты* и *Методы* толкований не имеют.

Анализ TADIRAN показывает, что предлагаемый в нем состав понятий и их связей лишь частично отражает российскую терминологическую традицию и практику применения понятий. Это видно с первой же рубрики основного фасета *Виды деятельности*, которая называется *Захват* (в оригинале – capture).

Приведем толкование этого понятия по TADIRAN: “Захват обычно относится к деятельности по созданию цифровых суррогатов существующих культурных артефактов или выражению существующих артефактов в цифровом представлении (оцифровка). Это может быть ручной процесс (как в расшифровке) или автоматизированная процедура (как в визуализации или распознавании данных). Такой захват предшествует обогащению и анализу, по крайней мере, с систематической точки зрения, если не на практике”.

Понятие *Захват* включает такие подрубрики, как *Преобразование*, *Распознавание данных*, *Раскрытие*, *Сбор*, *Отображение*, *Запись*, *Транскрипция*, а в качестве метода указан только *Обход веб-страниц*.

Предлагаемое толкование так же, как и содержание рубрики, вызывает массу вопросов. Начнем с того, что понятия *Захват* в российской традиции вообще нет. Вероятно, ближе всего к содержанию этого понятия относится *Сбор*. Но тогда *Преобразование*, *Распознавание данных*, *Раскрытие*, *Транскрипция* должны относиться к виду деятельности *Обработка информации*, но не к сбору.

А создание цифровых суррогатов – это, конечно, прежде всего, *Оцифровка*. Однако этот метод в TADIRAN отнесен не к *Захвату*, а к *Созданию*.

Различные вопросы возникают при анализе и других видов деятельности и методов, включенных в TADIRAN. В целом эта система понятий не вполне соответствует российской практике.

Более привычен для российского исследователя перечень типов объектов TADIRAN. Однако и здесь есть вопросы. Так, например, сложно различать такие типы объектов, как *Проекты*, *Исследования*, *Процесс исследования*, *Результаты исследований*. Неясно соотношение понятий

Программное обеспечение и *Инструменты*. К тому же в этом перечне в едином ряду представлены понятия самых разных семантических категорий, от тематических рубрик до абстрактных понятий.

Добавим, что в TADIRAN отсутствует множество понятий, необходимых для отображения понятий цифровой гуманитаристики, например, тематические понятия, языковой, географический, хронологический и другие фасеты.

Таким образом, хотя TADIRAN, конечно, должна быть учтена при разработке отечественной онтологии по цифровой гуманитаристике, но не может быть ее основой.

Конечно, за рубежом разработано и используется множество других средств представления систем понятий в цифровой гуманитаристике. Эти средства реализованы в виде стандартов, систем метаданных, тезаурусов, классификаций и собственно онтологий по разным областям знания и формам деятельности, которые имеют отношение к данной дисциплине.

Анализ и обобщение мирового опыта по представлению понятийных и лексических собраний, как универсальных, так и тематических, связанных с областью культурного наследия, сделаны Дж. Рилей из Университета МакГилла [7]. В секторе культурного наследия существует огромное количество стандартов метаданных и аналогичных понятийных схем, а их взаимосвязь еще больше осложняет ситуацию. В проекте Дж. Рилей собрано и систематизировано свыше 100 таких средств. Они загружены в платформу Dataverse, что позволяет удобно анализировать эти средства по различным основаниям, а также визуализировать результаты анализа.

В работе Дж. Рилей различные средства представления понятий рассматриваются как пространство метаданных, включающее разные стандарты. Каждый из 105 стандартов оценивается по степени его применения к определенным категориям по каждой из четырех осей: сообщество, область, функция и цель.

Под сообществами имеются в виду следующие категории: архивы, музеи, библиотеки, информационная индустрия.

Области включают такие категории: культурные объекты, наборы данных, геопространственные данные, движущиеся объекты, музыкальные материалы, научные данные, визуальные ресурсы.

Функциональные категории: концептуальные модели, стандарты на контент, контролируемые

словари, схемы и технологии, языки разметки, форматы, стандарты на структуру.

Категории целей предлагаются следующие: данные, описательные метаданные, метаданные оформления, метаданные сохранности, правовые метаданные, структурные метаданные, технические метаданные

Значение стандарта в данной категории определяется сочетанием его распространенности в этой категории, его конструктивного замысла и его общей пригодности для использования в этой категории.

Представленные в данной работе стандарты относятся к числу наиболее широко используемых или публикуемых в сообществе культурного наследия, хотя, конечно, учтены не все стандарты, которые могут иметь отношение к области культурного наследия.

Еще одна обобщающая работа, которую можно использовать в качестве источника онтологии цифровой гуманитаристики, — это информационная система связанных открытых словарей LOV³.

В LOV в настоящее время загружено почти 800 словарей, онтологий и других лексических и понятийных собраний, в том числе разнообразные стандарты метаданных.

Данные в LOV представлены в формате связанных открытых данных. Для каждого словаря в LOV термины (классы, свойства, типы данных, экземпляры) индексируются и предлагается функция полнотекстового поиска. По сравнению с другими существующими поисковыми системами онтологии алгоритм ранжирования в поисковой системе LOV не только основан на популярности термина в наборах данных, но и учитывает его популярность в экосистеме LOV. В системе возможен поиск словарных данных по семантическим категориям, таким как *Метаданные*, *Методы*, *Сервисы*, *Каталоги*, *Персоны*, *Словари*, *Мультимедиа*, *События*, *Время* и др.

В мире, конечно, разрабатывается множество других лексико-семантических собраний, которые могут быть использованы при разработке русскоязычной онтологии по цифровой гуманитаристике. Многие из них рассмотрены в обзорной монографии автора [8]. Однако наиболее актуален для данной задачи российский опыт.

Российский опыт

В данном разделе мы кратко представим российские источники словарно-энциклопедических

сведений, а также опишем практические реализованные концептуальные модели российских разработчиков последних лет. Тематически мы ограничимся областью компьютерной лингвистики и цифровой филологии.

В настоящее время российским пользователям Интернета доступны сотни как оцифрованных традиционных словарей на различных языках, так и специализированных лексикографических баз данных различного назначения. Известно несколько российских агрегаторов лексикографических ЛИР, назовем наиболее популярные: *Грамота.ру*⁴, *Словари*⁵, *Lingvo*⁶, *Словари Онлайн*⁷, *Мультитран*⁸, *Академик*⁹, *Словари.СС*¹⁰.

Специализированный подбор словарей и энциклопедий филологической тематики собран в соответствующем разделе известной информационной библиотеки ФЭБ “Русская литература и фольклор”¹¹.

Вероятно, наиболее авторитетным собранием компьютерных словарей в России является раздел “Лексикографические ресурсы” на сайте Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН¹².

Сведения о российских лексикографических ЛИР для научных исследований собраны в Навигаторе информационных ресурсов по языкознанию¹³. Всего там описано около 100 лексикографических ЛИР, разработанных в учреждениях РАН, в том числе различные словари на основе НКРЯ.

⁴ Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/> (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ Словари. URL: <http://slovari.ru/start.aspx?s=0&p=3050> (дата обращения: 01.04.2022).

⁶ Lingvo. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ Словари Онлайн. URL: <https://slovaronline.com/> (дата обращения: 01.04.2022).

⁸ Мультитран. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 01.04.2022).

⁹ Академик. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁰ Словари. СС. URL: <https://slovar.cc/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹ Фундаментальная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”. Словари, энциклопедии. URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/dict.htm> (дата обращения: 01.04.2022).

¹² Онлайн ресурсы ИРЯ РАН. Лексикографические ресурсы. URL: <https://www.ruslang.ru/onlayn-resursy-iry-a-ran> (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ Навигатор информационных ресурсов по языкознанию. URL: <http://niryaz.inion.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

³ LOV – Linked Open Vocabularies. URL: <https://lov.linkeddata.es/dataset/lov> (дата обращения: 01.04.2022).

Перечень российских электронных словарей и лексических баз данных можно найти в каталоге NL-Pub в разделах Словари и Тезаурусы¹⁴.

Российский опыт в области создания онтологий и компьютерной лексикографии в целом также достаточно богат и разнообразен. Обобщение этого опыта можно найти в том числе в монографиях [9] и [10], а также в работе автора [8].

В России наиболее полно и глубоко онтологическая проблематика реализована в Лаборатории информационных исследований¹⁵, которая известна своими разработками в области создания тезаурусов и автоматической обработки текста. Созданный в лаборатории тезаурус *RuThes*¹⁶ используется в информационной системе УИС Россия¹⁷ и в других проектах с государственными и коммерческими организациями.

Тезаурус *RuThes* представляет собой лингвистический ресурс концептуального типа, то есть иерархическую сеть понятий, к которым приписаны текстовые выражения. И в этом смысле *RuThes* относится к тому же классу, что и тезаурус *WordNet*. При этом, в отличие от *WordNet*, который создавался как модель человеческой памяти (раздельное описание частей речи, специальные типы отношений и др.), тезаурус *RuThes* задумывался именно как ресурс для автоматической обработки текстов.

Следует отметить также разработки компьютерных лингвистов из СПбГУ. Разработанный этим коллективом тезаурус *RussNet* стал одним из заметных российских лингвистических ресурсов¹⁸.

Важным достижением в области систематизации понятий и лексики в области компьютерной лингвистики стала разработка *Портала знаний*¹⁹.

В этом проекте подробно разработана классификация лингвистических ресурсов, методов

автоматического исследования текста, а также всей сопутствующей информации; фактически построена онтология понятий, относящихся к компьютерной лингвистике. Описание проекта можно найти в работе [10].

Приведем для иллюстрации фрагмент разработанной классификации.

Методы обработки текста

|| Методы анализа текста

||| Методы морфологического анализа

||| Методы разрешения анафоры

|| Методы разрешения неоднозначности

|||| Методы разрешения лексической многозначности

||||[⊥] Методы снятия грамматической неоднозначности

||| Методы сегментации текста

|||[⊥] Методы синтаксического анализа

||[⊥] Методы генерации текста

Оригинальным проектом по представлению лингвистических знаний является работа известного российского лингвиста С.А. Крылова. Результат этой работы, которую он назвал металингвистической БД, размещен на информационном портале *Starling*²⁰. Прочитав С.А. Крылова: “Металингвистические базы данных (МБД), служат инструментом систематизации знаний о лингвистике (а не напрямую о языке), однако косвенно способствуют также систематизации сведений о языке. Можно выделять две разновидности МБД:

(1) метанаучные (МН-) МБД (входы в которые являются металингвистическими проекциями научных текстов по лингвистике) и

(2) метаобъектные (МО-) МБД (входы в которые являются металингвистическими проекциями языковых сущностей).

Входами в МО-МБД служат, например, характеристики языковых общностей (лингвонимические, этнонимические, топонимические, хронологические); нарицательные лингвистические термины; имена языковых единиц (в том числе имена таксономических классов внеязыковых сущностей).

Следует прежде всего проводить различие между онтологическим (материальным) уровнем,

¹⁴ Ресурсы. Словари. URL: <https://nlpub.ru/Ресурсы#.D0.A1.D0.BB.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D1.80.D1.8C> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁵ Лаборатория информационных исследований. URL: <http://www.labinform.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁶ О лингвистической онтологии “Тезаурус РуТез” см.: URL: <http://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁷ УИС Россия. URL: <https://www.uisrussia.msu.ru/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁸ RussNet. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/index_ru.shtml (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁹ Компьютерная лингвистика. Портал знаний. URL: <https://uniserv.iis.nsk.su/cl/> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁰ Вавилонская башня. Проект “Эволюция языка”. URL: <https://starling.rinet.ru/program.php?lan=ru> (дата обращения: 01.12.2021).

на котором можно выделить объектное множество (оригинал, универсум) с существующими в нём отношениями, и гносеологическим (эпистемологический, идеальный) уровнем, на котором выделяется модельное множество (модель, теория) с заданными на нём отношениями. Эту модель и строит металингвист, воплощающий её в виде грамматики, словаря, предметного или именного указателя, таблицы, графа, дерева, карты, атласа, базы данных и т.п.” [11].

В данной работе предлагается развернутая система понятий, представляющих предметную область; мы приводим верхние уровни этой классификации.

I. Универсум языковых явлений.

IA. Общелингвистический универсум.

(IA.1.) Мир языковой системы.

(IA.1.0.) Языковая система и ее подсистемы.

(IA.1.1.) Языковые единицы (ЯЕ).

(IA.1.2.) Отношения между ЯЕ.

(IA.1.3.) Члены отношений между ЯЕ.

(IA.1.4.) Функции ЯЕ.

(IA.1.5.) Способы выражения значений.

(IA.1.6.) Классы ЯЕ.

(IA.1.7.) Члены классов ЯЕ.

(IA.1.8.) Языковые структуры.

(IA.1.9.) Части языковых структур.

(IA.1.10.) Языковые процессы.

(IA.1.11.) Логические связи языковых явлений.

(IA.2.) Речевая динамика.

(IA.3.) Речевая способность (типы, аспекты и компоненты).

(IA.4.) Речевое варьирование (типы и проявления).

(IA.5.) Языковое функционирование (типы).

(IA.6.) Языковые изменения (типы, аспекты и компоненты).

(IA.7.) Языковые сходства и различия (типы).

(IA.8.) Исторические отношения между языковыми общностями.

IB. Частнолингвистический универсум.

(IB.1.) Универсум исторических языковых общностей.

(IB.2.) Универсум ареалов распространения языков: континенты, регионы, страны, населённые пункты.

(IB.3.) Универсум частнолингвистических единиц.

IV. Универсум речевых событий

(IV.1.) Универсум словесности (множество текстов).

(IV.1.2.) Универсум памятников письменности.

(IV.1.3.) Универсум высказываний.

(IV.2.) Универсум вхождений речевых знаков-экземпляров (tokens).

II. Универсум собственно лингвистики.

(II.1.) Лингвисты (в том числе лингвисты-непрофессионалы).

(II.2.) Лингвистические школы и направления.

(II.3.) Лингвистические кружки, общества, ассоциации и т.п.

(II.4.) Места, где протекает деятельность лингвистов (континенты, страны, провинции, населённые пункты).

(II.5.) Учреждения, где протекает деятельность лингвистов.

(II.6.) Универсум лингвистических работ.

III. Мир лингвистических моделей.

(III.1.) Описания языков (словари, грамматики и т.п.).

(III.2.) Описания речевых отрезков: транскрипции, хрестоматии текстов, издания памятников, продукты транскрипции и транслитерации, переводы текстов, фонетические сонограммы, комментарии, глоссы, формальные представления текстов в виде морфологических и синтаксических “разборов”, синтаксических графов (в частности, деревьев зависимостей и составляющих), цепочки трансформационного вывода, толкования отдельных примеров и т.п.

(III.3.) Описания ЯЕ: словарные статьи, правила, законы, исключения к правилам и т.п.

Ценным источником онтологической и лексико-семантической информации является русский *Викисловарь (WIKT)*²¹. Словарь был открыт 1 мая 2004 года, и сейчас в нём содержится 1 114 852 статьи о словах, словообразовательных единицах и словосочетаниях более 500 языков мира. Русский *Викисловарь* является восьмым по величине викисловарем, состоящим из более чем 520 000 статей. Одна статья представляет собой лексическую

²¹ Русский Викисловарь. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Заглавная_страница (дата обращения: 01.04.2022).

запись, написанную более чем 120 000 пользователей с 2004 года.

Предметом описания в *Викисловаре* являются все лексические единицы, зафиксированные во всех письменных языках и диалектах мира. Словник *Викисловаря* формируется из лексем, морфем и других словообразующих единиц, а также устойчивых словосочетаний этих языков, с использованием тех графических основ (систем письменности), которые традиционно применяются в соответствующих языках.

Викисловарь сочетает функции нескольких видов традиционных словарей, включая толковые, орфографические, орфоэпические, грамматические, переводные, фразеологические и этимологические словари, а также тезаурусы.

Можно указать также на проект разработки онтологии научного знания на основе интеграции классификационных систем и толковых словарей. Это проект, который был выполнен в 2014–2015 гг. по заданию Минобрнауки РФ при головной роли ВИНТИ и в котором принимала участие группа специалистов из разных организаций, включая автора.

Подробное описание проекта имеется в работе [12]. Здесь укажем, что практическим результатом данного проекта было создание базы данных Терминологические словари²². Источниками формирования терминологических словарей являются следующие ресурсы:

- энциклопедические словари (энциклопедии), имеющиеся в свободном доступе через Интернет;
- ключевые слова, приписанные к рубрикам согласно технологии библиографических баз данных ВИНТИ, БЕН РАН и НПБ им. К.Д. Ушинского;
- база данных стандартизированной терминологии Росстандарта;
- лексика наименований рубрик сопоставляемых классификационных систем;
- тезаурусы тематических рубрик НПБ им. К.Д. Ушинского и ИФП СО РАН.

Конечной целью проекта предполагалось создание онтологии научного знания на основе интеграции всех перечисленных источников. Однако проект был завершен формированием экспериментальной базы данных, где процессы интеграции были реализованы лишь для

нескольких тематических областей, включая языкознание.

Еще один проект, реализованный с участием автора, был направлен на исследование лексики метаданных российских лингвистических ресурсов. Целью его являлось создание лексической и терминологической основы для полноценной онтологии по лингвистике (языкознанию). Продукт, который получил название *Онтология поисковых терминов по лингвистике (ОПТЕЛ)*, также может служить для навигации и/или метапоиска в российских ЛИР. Принципы отбора источников для ОПТЕЛ, структура БД, особенности отдельных словарей метаданных описаны в работе [13]. В настоящее время ОПТЕЛ реализована и размещена в Интернете²³.

Реализованная версия ОПТЕЛ включает 55 словарей, использованных в 28 российских ЛИР разных типов. Всего в ОПТЕЛ представлено свыше 430 тыс. уникальных лексических единиц; объем каждого словаря, данные о пересечениях, а также другая статистика приведены в работе [14]. Все словарные статьи независимо от исходной структуры словаря метаданных приведены к классической тезауральной (дескрипторной) форме, как это описано в работе [15].

Функциональность ОПТЕЛ заключается в возможности исследовать лексику и парадигматику словарей информационных языков, вошедших в ОПТЕЛ, и, что особенно важно, сопоставлять словарные статьи для выработки общей (сводной) словарной статьи, устранения обнаруженных противоречий и исправления ошибок.

Из последних исследований, связанных с представлением системы понятий в области цифровой филологии, можно назвать Тезаурус по сравнительной поэтике и сравнительному литературоведению, реализованный в одноименной информационной системе²⁴.

Тезаурус состоит из терминов, находящихся в определенных отношениях. Система отношений представлена в виде “вертикальной” иерархической структуры, дополненной “горизонтальными” неиерархическими отношениями (синонимия, альтернативное положение в иерархии). Все термины разделяются на два типа: термин-дисциплина, определяющий некоторую область науки (переводоведение, поэтика, стиховедение и т.д.), и термин-объект, определяющий

²² Терминологические словари. URL: http://termin.jssc.ru/users/sign_in

²³ Онтология поисковых терминов по лингвистике. URL: <http://db.inion.ru/optel/> (дата обращения: 01.12.2021).

²⁴ Сравнительная поэтика и сравнительное литературоведение. URL: <http://cpcl.feb-web.ru/>

конкретное научное понятие (буквальный перевод, комедия, ямб и т.д.). Между терминами существуют следующие структурообразующие отношения: “рубрика — раздел” (между двумя терминами-дисциплинами, например: стиховедение — метрика), “дисциплина — объект дисциплины” (между термином-дисциплиной и термином-объектом, например: метрика — метр) и “род — вид” (между двумя терминами-объектами, например: метр — ямб).

Остальные отношения не являются структурообразующими: они эксплицируются в полях статей, но не отражаются в структуре (таковы, например, отношения между синонимами). Кроме того, в ряде случаев отношения между терминами носят принципиально сетевой характер. Для того чтобы сохранить “древесную” иерархию, в соответствующем месте структуры размещаются ссылки на альтернативное месторасположение термина (“термин-ссылка”).

В описанной системе имеется также раздел *Энциклопедия*, в котором содержатся краткие биографические и библиографические сведения о поэтах, переводчиках и исследователях-компаративистах.

Очевидно, что данный проект содержит все необходимые предпосылки для разработки онтологии, хотя и по ограниченной тематике.

Таким образом, можно констатировать наличие большого числа созданных российскими лингвистами и информатиками источников, которые могут быть использованы при создании онтологии по цифровой гуманитаристике, по крайней мере, ее филологического компонента.

В заключительной части статьи мы изложим некоторые предложения по методике разработки этой онтологии.

Принципы разработки модели онтологии

Международное сообщество не только ведет практическую работу по созданию онтологий и агрегации соответствующих данных, но и проводит исследования по разработке общей модели, предполагающей взаимодействие онтологий и классической лексикографии. Этой проблеме посвящен проект ONTOLEX²⁵, который реализует одноименное сообщество в рамках деятельности Консорциума Всемирной паутины. Основные задачи проекта:

- Разработать модели представления лексики (и машиночитаемых словарей) относительно

онтологий. Эти лексические модели предназначены для представления лексических записей, содержащих информацию о том, как элементы онтологии (классы, свойства, индивиды и т.д.) реализуются на нескольких языках.

- Продемонстрировать дополнительную ценность представления лексики в семантической сети, уделяя особое внимание тому, как использование принципов связанных данных может позволить повторно использовать существующую лингвистическую информацию из такого ресурса, как WordNet.
- Предоставить лучшие практики использования лингвистических категорий данных в сочетании с лексикой.
- Продемонстрировать, что создание такой лексики в сочетании с семантикой, содержащейся в онтологиях, может улучшить производительность инструментов автоматической обработки текста.
- Объединить людей, работающих над стандартами представления лингвистической информации (синтаксической, морфологической, семантической и прагматической), опираясь на существующие инициативы и определяя пути сотрудничества на будущее.
- Обеспечить взаимодействие между существующими моделями для представления и структурирования лингвистической информации.

Последний результат проекта — модуль лексикографии модели Lexicon для онтологий (lemon) как результат работы группы сообщества Ontology Lexicon (OntoLex). Модуль предназначен для представления словарей и любых других лингвистических ресурсов, содержащих лексикографические данные, и адресуется структуры и аннотации, обычно встречающиеся в лексикографии. Этот модуль работает в сочетании с модулем lemon core, называемым OntoLex²⁶. Как нам представляется, именно модель OntoLex-Lemon должна быть положена в основу предлагаемой онтологии цифровой гуманитаристики.

Началом разработки любой онтологии предметной области должно стать формирование концептуальной модели E/R (Сущность / Отношение), определяющей основные процессы, субъекты и объекты в этой области и виды взаимодействий

²⁵ Ontology-Lexicon community group. URL: <https://www.w3.org/community/ontolex/> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁶ The OntoLex Lemon Lexicography Module. URL: <https://www.w3.org/2019/09/lexicog/> (дата обращения: 01.04.2022).

между ними. Для разработки модели E/R бывает полезно сформулировать классические вопросы WHO, WHERE, WHEN и WHAT.

Для цифровой гуманитаристики основными объектами являются информационные ресурсы и инструментарий, субъектами – организации, физические лица, программы, процессами – сервисы, исследования, создание ресурсов и инструментов. Понятно, что процессы должны иметь назначение, хронологические, географические и инструментальные аспекты.

Рассмотренная нами в начале статьи таксономия TADIRAN содержит попытку формирования части концептуальной модели цифровой гуманитаристики, включающей цели исследований, методы исследований, объекты.

Исследование, проведенное с целью создания информационно-справочной системы по цифровой гуманитаристике и упомянутое в начале данной статьи, выявило основные сущности, определяющие состав инфосферы цифровой гуманитаристики: акторы, проекты, информационные ресурсы, инструменты, сервисы, нормативы.

Основными свойствами, характеризующими эти сущности и выделенными в ходе анализа, являются вид информационных ресурсов, назначение сервисов и инструментов, тематическая привязка ресурсов, географическая привязка актора, хронологическая привязка объекта.

Вероятно, необходимыми сущностями (или свойствами сущностей) для области цифровой гуманитаристики должны быть категории, выделенные в цитируемом выше исследовании Дж. Рилей: институции, к которым принадлежит объект (архив, музей, библиотека и др.), функциональность и цели стандартов метаданных.

После определения состава сущностей области цифровой гуманитаристики, классов их свойств и отношений можно переходить к формированию списков понятий каждой сущности и троек “субъект–отношение–объект”, “объект–отношение–свойство” и других для выявленных понятий. Для этой цели можно использовать существующие как зарубежные, так и российские энциклопедии, классификации, таксономии, онтологии, стандарты.

Заключительный шаг – это лексикализация понятий онтологии на основе существующих тезаурусов и словарей.

Как уже было отмечено, технологической основой, в рамках которой предлагается создавать онтологию цифровой гуманитаристики, должна

быть, вероятно, технология связанных открытых данных. Конкретная технологическая модель реализована в проекте Ontolex-Lemon, описанном выше.

В заключение несколько слов об организации деятельности по созданию онтологии. По нашему мнению, это должен быть коллаборативный проект, отражающий коллективное знание научного сообщества, представленный в сети и доступный для постоянного пополнения участниками проекта, однако с централизованной модерацией. В проекте должны иметь возможность принять участие специалисты различных гуманитарных дисциплин, а также компьютерные лингвисты и информационные технологи. Технологии коллаборативных проектов хорошо известны, существует открытое программное обеспечение для коллективного создания онтологий; дело за организацией и желанием. Вероятно, инициативу по созданию онтологии должны проявить структуры, входящие в Ассоциацию цифровых гуманитарных наук. Автор надеется, что в число участников предлагаемого проекта войдет также ИНИОН РАН и другие академические организации гуманитарного профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху / под ред. Г.В. Можяевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 120 с.
2. Антопольский А.Б. Инфосфера цифровой гуманитаристики: опыт анализа // Информационные ресурсы России. 2022. № 1. С. 30–38. DOI: 10.52815/0204-3653_2022_01185_30
3. Антопольский А.Б. Информационная инфраструктура социально-гуманитарных наук в Евросоюзе // Наука и научная информация / Scholarly Research and Information. 2021. № 4(1). С. 18–32. DOI: 10.24108/2658-3143-2021-4-1-18-32
4. Цифровые гуманитарные науки / Хрестоматия. URL: <http://lib3.sfu-kras.ru/ft/LIB2/ELIB/b71/free/i-531505996.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Гуманитарные науки в эпоху цифровизации. Видеотрансляция Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН. URL: <http://hist-phil.ru/events/427/> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Антопольский А.Б. Инфосфера цифровой гуманитаристики: структура и тенденции развития // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: материалы IX Международной научно-практической

- конференции (г. Орел, 16–17 декабря 2021 г.) / науч. ред. и сост. В.В. Матвеев, Д.Н. Грибков, ред. кол.: А.А. Аксуюхин, С.Н. Манько. Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2022. С. 5–11.
7. Riley J. Seeing Standards: A Visualization of the Metadata Universe. DOI: 10.5683/SP2/UOHPVH, Scholars Portal Dataverse, V3. URL: gWl/jicj8wtJm4Grmph7TQ== [fileUNF] (дата обращения: 01.04.2022).
  8. Антопольский А.Б. Лингвистические информационные ресурсы: монография / А.Б. Антопольский; ИНИОН РАН, Фундам/б-ка; науч. ред Д.В. Ефременко, М.: ИНИОН РАН, 2022. 466 с.
  9. Рубашкин В.Ш. Онтологическая семантика М.: Физматлит, 2013. 348 с.
  10. Добров Б.В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В., Соловьев В.Д. Онтологии и тезаурусы: модели, инструменты, приложения. М.: Изд-во ИНТУИТ, 2008. 176 с.
  11. Боровикова О.И., Загорюлько Ю.А., Загорюлько Г.Б., Кононенко И.С., Соколова Е.Г. Разработка портала знаний по компьютерной лингвистике // Труды 11-й национальной конференции по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2008 (г. Дубна, Россия). Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 380–388.
  12. Крылов С.А. Из каких элементов состоит метаязык лингвистики? // Кибрик А.Е. (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции “Диалог” (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 248–253.
  13. Антопольский А.Б., Ефременко Д.В. Инфосфера общественных наук России: монография / под ред. В. А. Цветковой. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 676 с. DOI: 10.23681/468227
  14. Антопольский А.Б., Савчук С.О., Тамеев А.А. О разработке онтологии поисковых терминов по лингвистике // Информационные ресурсы России. 2020. № 4. С. 2–7.
  15. Антопольский А.Б., Максимов Н.В., Тамеев А.А. Экспериментальная база данных источников для создания онтологии по лингвистике // Информационные ресурсы России. 2021. № 3. С. 24–30. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_24
  16. Каленов Н.Е., Белоозеров В.Н. Формирование терминологических словарей по лексике классификационных систем // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2015. № 3. С. 60–70.
  - Humanities in the Digital Age. Mozhaeva, G.V. (ed.). Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2016. 120 p. (In Russ.)
  2. Antopolsky, A.B. *Infosfera tsifrovoy gumanitaristiki: opyt analiza* [Infosphere of Digital Humanities: The Experience of Analysis]. *Informacionnyye resursy Rossii* [Information Resources of Russia]. 2022, No. 1, pp. 30–38. DOI: 10.52815/0204-3653_2022_01185_30 (In Russ.)
  3. Antopolsky, A.B. *Informacionnaya infrastruktura socialno-gumanitarnykh nauk v Evrosoyuze* [Information Infrastructure of Social Sciences and Humanities in the European Union]. *Nauka i nauchnaya informatsiya* [Scholarly Research and Information]. 2021, No. 4 (1), pp. 18–32. DOI: 10.24108/2658-3143-2021-4-1-18-32 (In Russ.)
  4. *Tsifrovye gumanitarnye nauki. Hrestomatiya* [Digital Humanities. Anthology]. URL: <http://lib3.sfu-kras.ru/ft/LIB2/ELIB/b71/free/i-531505996.pdf> (In Russ.)
  5. *Gumanitarnye nauki v epohu ctsifrovizatsii* [Humanities in the Era of Digitalization]. *Videotranslyatsiya Obshchego sobraniya Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Video Broadcast of the General Meeting of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]. URL: <http://hist-phil.ru/events/427/> (In Russ.)
  6. Antopolsky, A.B. *Infosfera tsifrovoy gumanitaristiki: struktura i tendentsii razvitiya* [Infosphere of Digital Humanities: Structure and Development Trends]. *Elektronnoe informacionnoe prostranstvo dlya nauki, obrazovaniya, kultury: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Orel, 16–17 dekabrya 2021 g.)*. Nauch. red. i sost. V.V. Matveev, D.N. Gribov, red. kol.: A.A. Aksyuhin, S.N. Manko [Electronic Information Space for Science, Education, Culture: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Orel, December 16–17, 2021). Scientific Ed. and Comp. V.V. Matveev, D.N. Gribov, Ed. Col.: A.A. Aksyukhin, S.N. Manko]. Orel, Orlovskij gos. in-t kultury Publ., 2022, pp. 5–11. (In Russ.)
  7. Riley, Jenn. Seeing Standards: A Visualization of the Metadata Universe DOI: [org/10.5683/SP2/UOHPVH](https://doi.org/10.5683/SP2/UOHPVH), Scholars Portal Dataverse, V3. URL: gWl/jicj8wtJm4Grmph7TQ== [fileUNF] (available: 01.04.2022).
  8. Antopolsky, A.B. *Lingvisticheskie informacionnyye resursy: monografiya* [Linguistic Information Resources: Monograph]. Moscow, INION RAN Publ., 2022. 466 p. (In Russ.)
  9. Rubashkin, V.Sh. *Ontologicheskaya semantika* [Ontological Semantics]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2013. 348 p. (In Russ.)
  10. Dobrov, B.V., Ivanov, V.V., Lukashevich, N.V., Solovjev, V.D. *Ontologii i tezaurusy: modeli, instrumenty, prilozheniya* [Ontologies and Thesauruses: Models, Tools, Applications]. Moscow, Izd-vo INTUIT Publ., 2008. 176 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Digital Humanities: gumanitarnye nauki v tsifrovuyu epohu. Pod red. G.V. Mozhaevoy* [Digital Humanities:

11. Borovikova, O.I., Zagorulko, YU.A., Zagorulko, G.B., Kononenko, I.S., Sokolova, E.G. *Razrabotka portala znaniy po kompyuternoj lingvistike* [Development of a Knowledge Portal on Computational Linguistics]. *Trudy 11-j nacionalnoj konferencii po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2008 (g. Dubna, Rossiya)* [Proceedings of the 11th National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CII-2008 (Dubna, Russia)]. Vol. 3. Moscow, LENAND Publ., 2008, pp. 380–388. (In Russ.)
12. Krylov, S.A. *Iz kakih elementov состоit metayazyk lingvistiki?* [What Elements does the Metalanguage of Linguistics Consist of?]. Kibrik, A.E. (gl. red.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog" (Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.). Vyp. 9 (16)* [Kibrik, A.E. (Editor-in-Chief). Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference "Dialog" (Bekasovo, May 26–30, 2010). Issue 9 (16)]. Moscow, Izd-vo RGGU Publ., 2010, pp. 248–253. (In Russ.)
13. Antopolsky, A.B., Efremenko, D.V. *Infosfera obshchestvennyh nauk Rossii: monografiya. Pod red. V.A. Tsvetkovej* [Infosphere of Social Sciences of Russia: Monograph. Tsvetkova, V.A. (Ed.)]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017. 676 p. DOI: 10.23681/468227 (In Russ.)
14. Antopolsky, A.B., Savchuk, S.O., Tameev, A.A. *O razrabotke ontologii poiskovyh terminov po lingvistike* [On the Development of an Ontology of Search Terms in Linguistics]. *Informacionnye resursy Rossii* [Information Resources of Russia]. 2020, No. 4, pp. 2–7. (In Russ.)
15. Antopolsky, A.B., Maksimov, N.V., Tameev, A.A. *Eksperimentalnaya baza dannyh istochnikov dlya sozdaniya ontologii po lingvistike* [Experimental Database of Sources for Creating an Ontology on Linguistics]. *Informacionnye resursy Rossii* [Information Resources of Russia]. 2021, No. 3, pp. 24–30. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_24 (In Russ.)
16. Kalenov N.E., Beloozerov V.N. *Formirovanie terminologicheskikh slovarей po leksike klassifikacionnyh sistem* [Formation of terminological dictionaries on the vocabulary of classification systems]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Ser.1. Organizaciya i metodika informacionnoj raboty* [Scientific and Technical Information. Ser. 1. Organization and Methodology of Information Work]. 2015, No. 3, pp. 60–70. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 4 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on April 4, 2022

Revised on January 25, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025500-6

Стихотворение О. Мандельштама “Соломинка”: лингвистический комментарий

© 2023 г. В. П. Москвин

Доктор филологических наук, профессор
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
Россия, 400066, Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, д. 27
vasmoskvin@yandex.ru

Резюме. Как показал анализ, образную канву стихотворения О. Мандельштама “Соломинка” составляет развернутая интертекстуальная аллюзия к рассказу Э. По “Лигейя”, во многом вплоть до герметичности затемненная рядом семантических переносов. Выявление прецедентных опор данной аллюзии способствует более полному пониманию данного текста; приведены факты, в свете которых имя *Лигейя* (англ. *Ligeia*) целесообразно рассматривать как говорящее; пояснение получила анацикличность структуры стихотворения. Обозначенная интертекстуальная подоплека стихотворения Мандельштама ставит под сомнение эвфонические трактовки, принадлежащие: 1) М.Л. Гаспарову, полагающему, что при поиске рифмы к слову *убита* пришло имя *Серафита*, которое и “привело за собой вереницу романтических имен”, в частности имя *Лигейя*; 2) В.В. Мусатову, считающему, что «дело не в женщине, а в звуке ее имени, который вибрирует, создавая ощущение блаженности, и из этой вибрации возникает новый ряд имен: “Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита”». Стихотворение Осипа Мандельштама “Соломинка” написано в высоком лирическом стиле. Высокий стиль несовместим: 1) с вульгаризмами и грубым просторечием; 2) с категорией комического. Фактор (1) ставит под сомнение постулируемый Г. Фрейдиным намек на “вульгарное выражение эротического содержания”, лежащий, по его трактовке, в основе стихотворения Мандельштама; фактор (2) – предполагаемую Н.И. Харджиевым связь данного стихотворения с комическим гротеском В. Хлебникова “Ошибка смерти” и утверждаемую В.В. Ивановым связь имени лирической героини текста Мандельштама с соломинкой, через которую Барышня Смерть в указанной пьесе Хлебникова пила вишневый сок.

Ключевые слова: поэтика, Мандельштам, образность, семантический перенос, интертекстуальность.

Для цитирования: Москвин В.П. Стихотворение О. Мандельштама “Соломинка”: лингвистический комментарий // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 33–51. DOI: 10.31857/S160578800025500-6

O. Mandelstam’s Poem “The Straw”: A Linguistic Commentary

© 2023 Vasily P. Moskvina

Doct. Sci. (Philol.), Professor
at the Volgograd State Socio-Pedagogical University,
27 V.I. Lenin Prospect, Volgograd, 400066, Russia
vasmoskvin@yandex.ru

Abstract. As our analysis has showed, the figurative outline of O. Mandelstam’s poem “The Straw” is an expanded intertextual allusion to E. Poe’s story “Ligeia”, largely obscured by a number of semantic transfers to the point of tightness. The identification of the precedent supports of this allusion contributes to a more complete understanding of this text; facts are given in the light of which the name *Ligeia* might be considered as meaningful; the anacyclicity of the structure of the poem has been clarified. The indicated intertextual

background of Mandelstam’s poem casts certain doubt on the euphonic interpretations belonging to: 1) M.L. Gasparov, who believes that when searching for a rhyme, the name *Serafita* came to the word *ubita* ‘killed,’ which “led to a string of romantic names”, in particular the name *Ligeia*; 2) V.V. Musatov, who believes that “it’s not a woman, but the sound of her name, which vibrates, creating a feeling of blissfulness, and from this vibration arises a new series of names: *Lenore*, *Solominka* ‘Straw’, *Ligeia*, *Seraphita*”. Mandelstam’s poem “The Straw” is written in a high lyrical style. High style is incompatible: 1) with vulgarisms and rude vernacular; 2) with the category of the comic. Factor (1) casts certain doubt on the hint postulated by G. Freudin to the “vulgar expression of erotic content”, which, according to his interpretation, lies at the heart of the Mandelstam’s poem; factor (2) – N.I. Khardzhiev’s supposed connection of this poem with V. Khlebnikov’s comic grotesque “The error of death” and V.V. Ivanov’s alleged connection of the lyrical name the heroines of Mandelstam’s text with a straw, through which the Lady Death in the specified play by Khlebnikov drank cherry juice.

Key words: poetics, Mandelstam, imagery, semantic transfer, intertextuality.

For citation: Moskvina, V.P. *Stihotvorenie O. Mandelshtama “Solominka”: lingvisticheskiy kommentarij* [O. Mandelstam’s Poem “The Straw”: A Linguistic Commentary]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 33–51. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025500-6

1. Введение

Данный текст традиционно оценивается как герметичный, “непроницаемый” [1, с. 96], как «набор “блаженных слов”» [2, с. 65]; как бессмыслица, компенсированная музыкой ритма и звуковых комбинаций: «Это действительно – “высокое косноязычие”, по Гумилеву, да и можно ли было бы косноязычие это прояснить? Едва ли. Иногда случается думать, что человеческая душа была бы беднее, если бы не отзывалась она на то, что скорей смутно и сладостно ей что-то напоминает, чем ее чему-либо учит или что-то ей рассказывает. В конце концов это – “звуки небес” [...]» [3, с. 94], сюда же отнесем следующие типовые оценки: “стихотворение апеллирует прежде всего к слуху” [4, с. 239]; «[...] отношение к слову как образу, как единству значимости и звучащей природы, фонемы и смысла, содержания и формы определяет функцию звука в поэзии Мандельштама: движение “звуковых представлений” может исполнять обязанность динамики смыслов. Стихотворение “Соломинка” (1916) – сложная разработка женского имени, лежащего в основе текста, – имени Саломеи Андрониковой. “Корнесловие” становилось у Мандельштама все более активным, – сцепление слов как звуков сперва поддерживало, а потом и заместило сцепление идей» [5, с. 308], с фонологической и метрической точек зрения данное стихотворение обстоятельно рассмотрела С. Семмлер-Вакарелийска [6]. Прочтение текста, казалось бы, вновь и вновь убеждает нас в справедливости приведенных характеристик, ср.:

I

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне 1
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок, 2

Спокойной тяжестью – что может быть печальней – 3
На веки чуткие спустился потолок, 4
Соломка звонкая, соломинка сухая, 5
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, 6
Сломалась милая соломка неживая, 7
Не Саломея, нет, соломинка скорей. 8
В часы бессонницы предметы тяжелее, 9
Как будто меньше их – такая тишина, – 10
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея, 11
И в круглом омуте кровать отражена. 12
Нет, не Соломинка в торжественном атласе, 13
В огромной комнате над черною Невой, 14
Двенадцать месяцев поют о смертном часе, 15
Струится в воздухе лед бледно-голубой. 16
Декабрь торжественный струит свое дыханье, 17
Как будто в комнате тяжелая Нева. 18
Нет, не Соломинка – Лигейя, умиранье, – 19
Я научился вам, блаженные слова. 20
II
Я научился вам, блаженные слова: 21
Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита. 22
В огромной комнате тяжелая Нева, 23
И голубая кровь струится из гранита. 24
Декабрь торжественный сияет над Невой. 25
Двенадцать месяцев поют о смертном часе. 26
Нет, не Соломинка в торжественном атласе 27
Вкушает медленный томительный покой. 28
В моей крови живет декабрьская Лигейя, 29
Чья в саркофаге спит блаженная любовь. 30
А та – Соломинка, быть может – Саломея, 31
Убита жалостью и не вернется вновь¹. 32

Уточним: неясность (см. раздел 3) сочетается здесь с высоким одическим стилем (см. раздел 2), что характерно как для символизма, от которого ОМ, строго говоря, никогда не отходил, так и

¹ Текст приведен по изданию [7, с. 95–96].

для стихов позднего ОМ. По мнению С. Голдберга, в данном стихотворении наблюдается возврат ОМ “к эстетике символизма” [8, с. 131]; более точной представляется следующая оценка: “Осип Мандельштам, разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма” [9, с. 395]. Стимулом этого разрыва был, скорее всего, констатируемый самим С. Голдбергом “страх влияния”, отталкивавший ОМ от Блока и символизма [10, с. 81]. С этой точки зрения вызывает понимание позиция Г.В. Адамовича: “[...] Блок один в наш век Пушкину противостоит и до известной степени ему отвечает, и его продолжает. <...> Есть царство Блока, и сознают они это или нет, все новейшие русские поэты — его подданные, даже если иные среди них и становятся подданными-бунтовщиками и подданными-отступниками” [3, с. 88, 90].

2. Стилистическая характеристика стихотворения

Анализируемое стихотворение ОМ принадлежит высокому стилю. В современном русском языкознании господствует мнение, согласно которому понятие высокого стиля несет на себе “печать устарелости”, не отвечает “современному состоянию языка”, представляет собой утративший актуальность “осколок прежней стилистической системы”, etc. (см. обзор: [11, с. 284–291]), отсюда недостаточная изученность сложных и элокутивно утонченных механизмов высокого стиля в отечественной филологической традиции. Указанное обстоятельство вынуждает нас обратиться при стилистической характеристике стихотворения ОМ к ряду теоретических пояснений, а также произвести некоторые дополнения к понятийно-терминологическому аппарату современной русской поэтики. Возвышают стиль данного текста², придают ему торжественное звучание:

1. Длина стиха: размер Ябж/м (1-я часть) и зеркально: Ябм/ж (1-я строфа 2-й части), во 2-й строфе 2-й части мужская и женская клаузулы чередуются хиастически, 3-я строфа 2-й части — опять Ябж/м³; соответственно, силлабический объем стиха симметрично колеблется в пределах от 12 до 13 слогов. Согласно старинной

² Отличительные черты высокого стиля: 1) несовместимость с категорией комического, бытовыми ассоциациями; 2) установки на пространность, архаизацию и ксенизацию речи; последние две установки служат, в частности, устранению бытовых ассоциаций [11].

³ Таким же образом расположены женские и мужские рифмы [6, с. 416]. Как показано ниже (см. раздел 3), чередование размеров и чередование рифм отвечают иконической структуре текста.

филологической традиции, колоны, в частности стихи⁴, принято подразделять на следующие три типа: а) комма (от 1 до 6 слогов), cf.: “[...] ὅτι κόμμα ἐστὶ σύνθεσις διανοίας μικροτέρα κώλου, ἀπὸ μιᾶς συλλαβῆς μέχρις ἕξι ἐκτεινομένη” ‘комма сия есть синтез мысли, меньший колона, от одного слога не более чем до шести достигающий’ [14, с. 819 / Περὶ εὐρ. IV, 1]; б) семиколон (от 7 до 11 слогов), ср., напр.: “Semicolon sustinet medium naturam inter Colon, & Comma, & tamen plus est, quam Incisum, Seu Comma” ‘Семиколон занимает середину между колоном и коммой, <по длине> превышая комму’ [15, с. 45 / P. II, 6]; в) длинный колон (от 12 слогов), в частности colon oblongum, превышающий длину гекзаметра, cf.: “Colon mediocre est Membrum iustae magnitudinis, intra nimirum duodecimam, & decimam octauam, aut vicesimam Syllabam se continens, diciturque Graece μέτριον” ‘Терпимой длины колон — колон величиною между двенадцатью и восемнадцатью или двадцатью слогами, по-гречески метрион именуемый’ [15, с. 46 / P. II, 7]. Стилистическая релевантность силлабического объема стиха была отмечена еще в эпоху Античности: “Γίνεται μὲν οὖν ποτὲ καὶ μακροῦ κώλου καιρός, οἷον ἐν τοῖς μεγέθεσιν [...]” ‘Речь о предметах величественных требует удлинения колонов’, поэтому “[...] διὰ τοῦτο καὶ ἕξάμετρον ἠρῶν τε ὀνομάζεται ὑπὸ τοῦ μήκους, καὶ πρέπον ἠρώσιν [...]” ‘гекзаметр по своей длине приличествует героической <песне> и <повествованию> о героях’, “[...] καὶ βραχέος οἷον, ἢ τοι μικρόν τι ἡμῶν λεγόντων [...]” ‘краткие же колоны к предметам мелким применимы’, их сочетание дает “ξηρὰ σύνδεσις” ‘сухое, аскетичное течение речи’ [12, с. 6 & 4 / De eloc., 5 & 4]. Применяемые ОМ колоны (στίχοι) достигают нижнего предела гекзаметра, слоговой объем которого варьируется, как известно, в пределах “от 13 до 17 слогов” [16, с. 109], длина колонов, приближающаяся

⁴ Начиная с Античности ученые указывают на изоморфизм стихового членения поэтической речи и колометрического членения речи прозаической: “Ὡσπερ ἡ ποιησις διαίρεται τοῖς μέτροις· οἷον ἡμιμέτροις, ἢ ἕξαμέτροις, ἢ τοῖς ἄλλοις· οὕτω καὶ τὴν ἐρμηνείαν τὴν λογικὴν διαίρει καὶ διακρίνει τὰ καλοῦμενα κῶλα, καθάπερ ἀναπαύοντα τὸν λόγον, τὰ τε καταλεγόμενα αὐτά, καὶ ἐν πολλοῖς ὄροις ὀρίζοντα τὸν λόγον· ἐπεὶ τοι μακρὸς ἂν εἴη καὶ ἄπειρος, καὶ ἀτεχνῶς πνίγων τὸν λέγοντα” ‘Подобно тому как поэтическая речь членится на такие меры (μέτροις), как полустишия и гекзаметрические стихи, а также все подобные им, так же и речь прозаическая разделяется и разрезается на так называемые колоны, кои паузами членят речь на множество частей, а иначе речь была бы пространной и безграничной, неискusной и удущающей говорящего’ [12, с. 2 / De eloc., 1]. Иоанн Сикелиот именовал колон “риторическим стихом (ῥητορικὸς στίχος)”, утверждая: “Κῶλον δὲ ἐστὶ στίχος [...]” ‘Колон является стихом [...]’ [13, с. 82 / Ἐξήγ. I: 6–7].

к гекзаметрической, делает возможным использование большой цезуры (см. пункт 4).

2. Пространность синтаксических построений, осложненная гипозевкисом (*Соломка звонкая, соломинка сухая*), парентезой (*что может быть печальней*), уточнениями (*Не Саломея, нет, соломинка скорей*), сравнениями (*Как будто в комнате тяжелая Нева*), перечислением (*Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита*), многочисленными художественными определениями.

3. Полисиллабы, которые могут быть определены как слова, длина которых превышает три слога⁵, т.е. длину стопы, а потому способствуют появлению пиррихия, замедляющего течение речи и ослабляющего монотонный симметризм изотонии: *соломинка, бессонная, Саломея, бессонница, отражена, торжественный, бледно-голубой, умирање, научился, блаженные, Серафита, голубая, томительный, декабрьская, саркофаге*. Отсюда более или менее выраженное приближение к метрической неопределенности вялого стиха (так может быть переведен термин латиноязычной филологии *versus tardigradus*), в котором нет либо недостаточно малых синтаксических цезур, т.е. членений строки синтаксическим швом на отдельные словоформы и фонетические слова⁶, напр.: а) с эстетически мотивированной сменой ускорений и замедлений: *И жизнь, и | восторг, и | печаль — // Все то, чего хватит | с лихвою: // И странно | примну | ю даль, // И предно | вогодно | ю хвою* (Е. Елагина. И смотрит глазами Пьеро..., 2005); б) с обнажением приема в комических целях: *Буду | песни | тебе | сказыва | вать, // не | збывно | неза | бвенны | я, // тихо | струино | голо | сис ты | е, // мелко | крупча | тоо | бильны | е!* (А. Левин.

⁵ Как нам представляется, критерии краткости / пространности речевого сегмента заключены в количественных параметрах артикуляционного благозвучия. В этой связи заметим: 1. Полисиллабы, в целом характерные для книжного языка, в устной неофициальной речи регулярно сокращаются посредством различного рода метаплазмов до двух-трех или даже одного слога, ср.: *прово[лк]а* (3 слога), *Санкт-Петербург* (4 слога) → разг. *Питер* (2 слога), *заместитель* (4 слога) → разг. *зам* (1 слог), etc. В данной дихотомии полисиллабам противостоят краткие, производные от них единицы; длина первых превышает три слога, длина вторых колеблется от одного слога до трех. 2. При скандовке стих членится на полные (от 2 до 3 слогов) либо усеченные (вплоть до 1 слога) стопы. Таким образом, с точки зрения благозвучия кратким должен быть признан речевой отрезок, слоговой объем которого колеблется от 1 до 3 единиц.

⁶ Cf.: “Unde caesura distinctus dicitur finis ordinis metrici conjunctus cum fine ordinis in vocabulis” ‘Цезурою именовать принято совпадение метрических рядов с концовками слов’ [17, с. 20].

Пылевлагопроникающий..., 2001). В стихотворной речи действует ограничение на использование длинных, пиррихиеобразующих слов, поскольку наличие пиррихиев⁷ obligatorно предполагает снижение числа лексических ударений, а тем самым ослабление стопного ритма и приближение стиха к звучанию прозы. В старинных руководствах использование словоформ, слоговой объем которых составляет две стопы и более, т.е. “длинных слов”, считалось недостатком стиха. Так, латиноязычный просветитель эпохи Каролингского возрождения Рабан Мавр (ок. 780–856), пишет: “[...] non oportet in carmine has syllabas quodlibet excedere nomen, ut Carthaginensium, Hierosolymitanorum, et Constantinopolitanorum” ‘не должно в стихах употреблять слов, сей меры превосходящих, таких, как *карфагенянское, иерусалимитов и константинополитан*’ [18, с. 675 / Exc. III]. Строки, содержащие такие слова, именовались “замедленными, вялоидущими (*tardigradi*)” [vide, e.g.: 19, с. 353] и трактовались как “странность” [20, с. 179]. В качестве иллюстрации регулярно приводилось следующее двустишие из мнемонической поэмы, составленной в 1611 г. оксфордским филологом Уильямом Бейзом (1564–1614) из наиболее частотных латинских слов. В этих стихах трудно угадать гекзаметр:

Contur|baba|ntur Co|nstanti|nopolitani
Innume|rabilib|bus sollici|tudini|bus.
[21, с. 140 / Cent. XII: 1227]

Эквиметрический перевод (второй стих читается как пентаметрический):

‘Обеспо|кое|ны ко|нстанти|нополи|тане
Неисчи|слимейши|ми претрево|лнения|ми’

Здесь лексическими ударениями поддержаны лишь два метрических из шести. Очевидна следующая зависимость: чем больше в стихе метрических ударений, поддержанных лексическими, тем он ритмичнее, и наоборот⁸. Ср.:

Нет, не | Соло|минка | в торже|ственном | атла|се

Лексическими ударениями здесь оказываются поддержаны всего три метрических из шести, что и придает стиху замедление (лексическое ударение на акцентно самостоятельной лексеме *нет*

⁷ Пиррихий мы понимаем как стопу, в которой метрическое ударение не поддержано лексическим.

⁸ Иными словами, соответствие числа лексических ударений числу метрических должно быть “[...] sufficient to keep the underlying metrical pattern from being obscured [...]” ‘достаточным для поддержания опознаваемости базовой метрической схемы’ [22, с. 38].

не отвечает метрической схеме стиха, поэтому при скандовке оно потребует приглушения⁹: *H[è]m, n[é]|| ...*).

4. Медиальная цезура, придающая стиху зеркально-симметричное членение “ЯЗ || ЯЗ”, отмеченная предцезурным пиррихием¹⁰ и потому замедляющая течение речи, что также отвечает стилевой интенции текста, ср.:

Когда|, соло|минка, || не спишь| в огро|мной спа|льне
И ждешь|, бессо|нная, || чтоб, ва|жен и| высок,
Спокой|ной тя|жестью — || что мо|жет быть| печа|льной —
На ве|ки чу|ткие || спусти|лся по|толок,

В поэтике такая цезура известна как “пиррихическая” [англ. *pyrrhic caesura*]. Текст написан восходящим мажорным метром, но дактилическая цезура — плачущая скрипка, “нажим смычка” [24, с. 192], придает минорность. С. Семмлер-Вакарелийска отмечает, что цезура “создает здесь инициальную паузу” [6, с. 407]; точнее было бы говорить о медиальной паузе, усиленной замедлением на предцезурном пиррихии.

5. Отсутствие резких стиховых переносов. В тексте наблюдаем лишь два переноса: а) *double-rejet* (см. стихи 1 и 2)¹¹; б) *contre-rejet* (см. стихи 27 и 28). Еще Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.) отметил, что поэт нередко должен из одного стиха в другой “*μηκύνειν τὸν λόγον*” ‘продлевать речение’ [25, с. 426 / *De comp. verb. XXVI: 256*], ср. в латинском переводе: “*ulterius sermonem protrahere*” ‘в чужие пределы продлевать речение’. Рассматривая условия, при которых “[π]ῶς ποιήμα, ἢ μέλος πεζῆ λέξει καλῆ παραπλήσιον γένοιτο” ‘[с]тихотворная речь, в частности лирика, приобретает черты сходства с прозой’, Дионисий указал на активность применения переносов как основную причину такого сходства [25, с. 416 и 424–439], cf. latine: “*Etenim pedestri quam proxime orationi acceditur, quam numeris mensuris erratum est*” ‘Чем больше метрических ошибок [т.е. случаев переноса. — *В.М.*], тем более к **прозе** [букв. ‘к языку солдат’. — *В.М.*] речь приближается’

⁹ Напомним: при приглушении отсутствует качественная редукция ударного гласного (напр.: *тѣть Тань!* [т’ѡ’|т’ан’]), при атонировании же клитика (*за город* [зл-гѡрѡт]) либо энклитомен (*за город* [з’а-гѡрѡт]) утрачивает лексическое ударение, а соответствующий гласный подвергается качественной редукции.

¹⁰ М.Л. Гаспаров справедливо указывает на то, что практически сквозная дактилическая цезура диктует здесь выбор предцезурных слов: “длинные, с дактилическими окончаниями” [23, с. 189].

¹¹ *Double-rejet* тут незаметен; вероятно, именно в этой связи С. Семмлер-Вакарелийска отмечает, что “здесь нет реального переноса (there is no real enjambement)” [6, с. 407].

[25, с. 417]. Обильные стиховые переносы традиционно применяются для стилизации разговорной, сниженной речи; ОМ в анализируемом тексте явно их избегает.

6. Отсутствие резких стиховых членений; за исключением двух случаев (см. пункт 5) стиховые членения совпадают с грамматическими паузами.

В результате действия шести указанных выше стилистически релевантных факторов возникает характерная для поэтики ОМ “замедленная, плавная, строгая речь, оваянная холодом бесстрастия” [26, с. 131].

7. Тематическая минорность, чему способствует, в частности, интертекстуально коннотированный ономастикон текста: имя *Ленор* отсылает к двум стихотворениям Э.А. По о смерти девушки: “Ленор” (1843, перевод К.Д. Бальмонта, 1901) и “Ворон” (1845, перевод Д.С. Мережковского, 1890), *Лигейя* — к мистической новелле Э.А. По “Лигейя” о смерти и чудесном возвращении возлюбленной героя (1838, перевод К.Д. Бальмонта, 1901), *Серафита* — к мистическому роману О. де Бальзака “Серафита” (1834)¹².

8. Затемненность текста. Высокий стиль несомненно: а) с комизмом, в частности пародией и бурлеском; б) с бытовыми, вульгарными, физиологическими ассоциациями; в) с открытостью дескрипций. Сопоставляя речь прикрытую и открытую, Деметрий Фалерский отмечает: “*νῦν δὲ ὥσπερ συγκαλύμματα τοῦ λόγου τῆ ἀλληγορία κέχρηται* πᾶν γὰρ τὸ ὑπονοούμενον φοβερώτερον, καὶ ἄλλος εἰκάξει ἄλλο τι ἢ δὲ σαφὲς καὶ φανερόν, καταφρονεῖσθαι εἰκόσ, ὥσπερ τοὺς ἀποδεδυμένους” ‘Аллегория [имеется в виду ἀλληγορία in genere, т.е. любой перенос. — *В.М.*] представляет собою **речь прикрытую**, а все, что заключает в себе темный намек, возбуждает гораздо больше ужаса и всяких догадок среди слушателей. С другой стороны, то, что **выражено ясно и открыто**, достойно лишь презрения, подобно человеку без одежды’ [12, с. 74 / *De eloc.*, 100]. И затемненность “Соломинки”, и интертекстуальные отсылки к мистическим текстам (см. пункт 7) вполне отвечают этому старинному правилу. Считается, что установка на загадку появляется в поздних стихах ОМ (начиная с 1920 г.), в подтверждение приводится, в частности, следующее двустишие: *И блаженное, бессмысленное слово В первый раз произнесем*

¹² Имя *Саломея* отсылает к известному библейскому сюжету (Матф. 14: 6–11), однако эта коннотация, также минорная, не вписывается ни в сюжетную, ни в образную ткань стихотворения. Обратим внимание на тот факт, что оно не включено в ряд “блаженных слов”: *Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита* (стих 22).

(ОМ. В Петербурге мы сойдемся снова, 24.11.1920), ср.: «“Блаженное, бессмысленное слово” — оно как раз достаточно бессмысленно, чтобы на **сло-ве** невозможно было **словить**, однако и достаточно бессмысленно, чтобы хранить неостывшую память о словесности слова, о Логосе» [27, с. 220]. Думается, что курс на затемнение был взят раньше: *Я научился вам, блаженные слова* (дек. 1916). Н.Я. Мандельштам поясняет: “И в любви бывают блаженно-бессмысленные слова [...]” [28, с. 70]; следует также полагать, что за герметизмом поздних стихов ОМ стоит не только и не столько эвфемия (напр., политическая, как в “Оде”, или эротическая, как, напр., в “Мастерице виноватых взоров”), сколько установка на возвышение стиля.

В результате использования рассмотренных выше приемов и средств возникает “[...] тот торжественный и монументальный стиль, который наиболее характеризует зрелую поэзию Мандельштама”, когда его стихи “[...] все чаще напоминают маленькие оды или трагедийные монологи” [26, с. 131].

3. Пояснения к темным местам

Стихи обращены к княжне Саломее Николаевне Андроникиной (1889–1982), петербургской красавице, хозяйке салона, внучатой племяннице А.Н. Плещеева. Вдова ОМ вспоминает: “Сам он говорил о себе, что часто восхищался женщинами, но действительно влюблен был в юности только дважды — в Саломею Андроникину и в <Анну> Зельманову” [28, с. 271]. Имя *Саломея* выступает по отношению к нему *Соломинка* как эпоним [4, с. 241], ср.: «Соломинка — домашнее прозвище, данное Андроникиной ее фактическим мужем <поэтом> Рафаловичем: “Саломочкой ее зовут другие. / Не так, как все, я называл ее. / <...> Сбылся мой сон, **соломинка** моя» [29, с. 74]. Слова *соломинка* и *Саломея* связаны в тексте:

1. Отрицательным сравнением: *Не Саломея, нет, соломинка скорей!* Ср.: «Украшением синих вторников [т.е. вечеров в салоне С.Н. Андроникиной. — В.М.] была Саломея Андроникина, не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина и не певица — **сплошное “не”**» [30, с. 301].

2. Переносом по сходству референтов, т.е. семантической метафорой, или метафорой *ex simili*: *Соломка звонкая, соломинка сухая*. Ср.: “У Саломеи была высокая и очень тонкая фигура. Такая же тоненькая была и Анна Ахматова. Они обе могли, скрестив руки на спине, охватить ими талию так, чтобы концы пальцев обеих рук сходились под грудью” [30, с. 301].

3. Близкозвучием, ср.: *Сал[А]м[е]я ~ с[А]л[о]минка*, “в русском произношении оба <слова> начинаются слогом /sal/, в результате второе выглядит “как диминутивная форма первого”, отсюда вариативность в его написании: а) минускулизация — как имени нарицательного; б) капитализация — “как имени собственного” [4, с. 241], ср.: «Имя “Соломинка” Мандельштам [...] писал то с большой, то с маленькой буквы: оно для него колебалось между собственным и нарицательным» [23, с. 196]; [31, с. 167].

Следовательно, слово *соломинка* в значении ‘Саломея’ представляет собой семантическую (2) и одновременно звуковую (3) метафору. С этой точки зрения трудно принять следующее пояснение: «[...] “звуковое представление” помещается внутри “значимости” и дает толчок для образования новых смыслов — “САЛОМ[е]я — СОЛОМИ[н]ка”. Подобную практику образования новой семантики путем **изменения фонетического состава слова** в русскую поэзию ввел Хлебников, к опыту которого Мандельштам в то время был чрезвычайно внимателен» [31, с. 166]. Подчеркнем: звуковая метафора представляет собой не “изменение фонетического состава слова”, а лексическую субституцию, производимую на основе близкозвучия: *соломинка* вм. *Саломея*, <Марк> *Шагал* вм. *шаг*, напр.: *вижу лица, запрокинутые к весне, // и саму весну — так близко, в пяти шагах* (П. Калугина. С высоты, 2014); *пшик* вм. *шик*: *Японская кружка, для пшика — “Шанель”* (Св. Литвак. Ты помнишь ли ту суету на перроне, 2003); *прудон* вм. *пруд*, ср.: *где ловится из чистого прудона // рыбешка золотая без труда* (Б. Лихтенфельд. Экскурсия, 2010), etc.

Характеризуя ономастикон стихотворения ОМ, специалисты указывают: 1) на его интертекстуальную отмеченность: “*Ленор* (Линор) и *Лигейя* — женщины, унесенные ранней смертью, персонажи одноименных ст<ихотворе>ния и новеллы Э. По” [32, с. 558]; с неточностями: а) “Поэт сравнивает её с героинями Эдгара По (*Лигейя*, *Ленор*) и Бальзака (*Серафима*)¹³” [35, с. 476]; б) в стихотворении “появляются мертвые, **воскресающие**

¹³ Так в тексте; следует: *Серафита*. В рассказе Э. Лимонова [33] героиня, по словам автора, — профессор русской филологии В.П. Полухина, “[...] проверяет строчку *Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита*, — она произносит *Соломинка, Цирцея, Серафита*, опуская первую из героинь Эдгара По, подменяя вторую античной Цирцеей и русифицируя бальзаковскую Серафиту в Серафиму”, “[...] путает отчество самой Саломеи: из *Николаевны* она превращает ее в *Ираклиевну*, как если бы она была дочерью советского литературоведа и телевизионного personality Ираклия Андроникина” [34, с. 242 и 243]. — В.М.

из небытия женские образы Эдгара По (Ленора [? – В.М.] и Лигейя)” [36, с. 102]: воскресла только Лигейя; 2) на эвфонический стимул его инвенции: при поиске рифмы «откликом на слово “убита” приходит имя “Серафита” и ведет за собой вереницу романтических имен» [23, с. 192], ср.: «[...] дело не в женщине, а в звуке ее имени, который вибрирует, создавая ощущение блаженности, и из этой вибрации возникает новый ряд имен: “Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита”» [31, с. 167]; 3) на его связь с темой смерти: “Все эти героини объединены одной чертой – в их жизни обнаруживается роковая предопределенность к смерти в расцвете сил” [31, с. 169]; ср.: “Это – знаменательный ряд литературных имен, героинь Эдгара По и Бальзака, смертельно больных любовью [...]” [37, с. 102]; имя Лигейи связано “с романтической любовью, преодолевающей смерть” [23, с. 192], etc. Есть и такая трактовка: «Перечень этих имен восходит к статье Т. Готье о Ш. Бодлере: “...Вечно желанный и никогда не достижимый идеал, верховная божественная красота, воплощенная в образе эфирной, бесплотной женщины... как Лигейя... и Элеонора Эдгара По и Серафита – Серафит Бальзака...”» [38, с. 272]. Душается, дело не только в этом.

Начнем с наиболее очевидного момента. Име на Ленора, Соломинка (“Саломея”), Лигейя, Серафита поставлены в один ряд, образуя 22-й стих, тем самым свойства Ленора, Лигейи и Серафиты приписываются Саломее¹⁴. Здесь наблюдаем так наз. СИНОЙКИОЗИС [греч. *συνωκίσις* ‘связывание’] – неожиданное сравнение, реализуемое, как правило, в сочинительной конструкции, нередко в виде перечисления¹⁵. Синойкиозис представляется “соединением разнородных понятий, противоречащим общему мнению и здравому смыслу”¹⁶ [39, с. 115] лишь на первый взгляд; данный прием эксплуатирует склонность сознания к сопоставлению смежных предметов, ср.: «[...] два каких-либо куса, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество. Это отнюдь не сугубо кинематографическое

обстоятельство, а явление, встречающееся неизбежно во всех случаях, когда мы имеем дело с сопоставлением двух фактов, явлений, предметов. Мы привыкли почти автоматически делать совершенно определенный трафаретный вывод – обобщение, если перед нами поставить рядом те или иные отдельные объекты. Возьмите, для примера, могилу. Сопоставьте ее с женщиной в трауре, плачущей рядом, и мало кто удержится от вывода: “вдова”» [40, с. 253].

Коннотационал имени *Серафита*, релевантный для стихотворения ОМ, может быть раскрыт следующей выдержкой из прецедентного текста: *Уже в течение нескольких дней, приходя к Серафите, Вильфрид чувствовал, как его тело проваливается в бездну. Одним взглядом это странное создание мысленно втягивало его в сферу, в которую Медитация вводит ученого, куда Молитва переносит верующую душу, куда Мечта приводит художника, куда Сон заносит некоторых людей; ведь у каждого свой голос, зовущий к небесным безднам, у каждого свой проводник, чтобы добраться туда, и все страдают по возвращении* (О. де Бальзак. Серафита, 1834). Не постулируя интертекстуальных перекличек (они здесь явно отсутствуют), укажем на некоторое сходство впечатлений от образов Серафиты и прототипа Соломинки, которое ощущается при обращении к уже упомянутому выше стихотворению С. Рафаловича, посвященному Саломее Андрониковой:

Саломочкой ее зовут другие.
Не так, как все, я называл ее.
Молитвенное имя есть – Мария,
И грешницы святой есть житие...
А в кабаке у деревянной стойки,
Взмостившись на высокий табурет,
Безмолвная участница попойки
Пьет чрез соломинку сверкающий Моэт.
Он блещет золотом расплавленным и алым.
Как будто **кровь** растворена в вине.
О черной женщине, склоненной над бокалом,
Зловещий сон недаром снился мне.
В вечернем платье с вырезом широким
И в шляпе черной, плоской и большой,
Она каким-то призраком жестоким
Склонялась жадно над моей душой
И, как вампир, ее живые соки
Безостановочно и медленно пила...
Вот платье черное, и вырез в нем широкий,
И брови тонкие, как легкие крыла...
Как сладко мне о грешнице Марии
Мечтать, надежд обманнных не тая.
Саломочкой ее зовут другие.
Сбылся мой сон, соломинка моя.
“Саломочкой ее зовут другие” (между 1915 и 1919)

Серафита втягивала <душу> Вильфрида, Саломочка (подобно вампиру, пьющему кровь жертвы) – живые соки души лирического героя.

¹⁴ Ср.: “[...] в этом контексте и переосмыслено имя героини” [37, с. 102].

¹⁵ Напр.: *Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания!* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок, 1931); *Вам с Бейроном шипела злора, Гремела и правдива лесть. Он лорд – граф ты! Поэты оба! Се, мнится, явно сходство есть* (А.С. Пушкин. Ода его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову, 1825); *не получится – двинем в поэты, повезет – в торгашах у метро* (Ф. Че-чик. Провинциалы, 2008).

¹⁶ Cf.: “SYNOECIOSIS. Hoc schema docet diversas res conjungere, & communi opinioni cum ratione adversari [...]”.

Слова *попойка* и *кабак* шокирующе неожиданно (по крайней мере с точки зрения характеристик, представленных ОМ в стихотворении “Соломинка”) отвечают тому образу С.Н. Андрониковой, который находим в описании Э. Лимонова, откровенном и циничном [33, с. 142–148]; в этом плане “Лимонов и Саломея стоят друг друга” [34, с. 237]. С указанной точки зрения реальный образ Саломеи Андрониковой следует трактовать лишь как более или менее подходящий материал для возвышенной и мистической фантазии, созданной ОМ.

Ключевыми для адекватного осмысления текста ОМ представляются следующие два фрагмента, реализующие тему погружения в беспробудный сон, напоминая смерть¹⁷: *Спокойной тяжестью — что может быть печальней, — На веки чуткие спустился потолок <...> Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, Сломалась милая соломка неживая*. Они осложнены:

1. Мотивационно. Контекстуальный анализ показывает, что здесь имеют место два семантических переноса: 1) метафора: <сон наплывает так, как будто бы> *тяжелый потолок спустился на веки*, отсюда следствие (в виде развертки этой же метафоры): *соломка* <под тяжестью> *сломалась* ‘уснула’; 2) метонимия, усиленная сравнением: <накапала и> *выпила* <снотворное, вызывающее беспробудный сон, крепкий как> *смерть*¹⁸, отсюда метафора, развивающая данное сравнение: *соломка неживая* ‘лежит / спит, как неживая’, ‘уснула мертвым сном’. Если 7-й стих *Сломалась милая соломка неживая* означает ‘уснула мертвым сном’, то 28-й следует понимать как развивающий эту же тему, в чем убеждает субституция *томительный покой* → *томительный сон*, ср. *Вкушает медленный томительный покой* ‘вкушает сон, спит мертвым сном’ и: *Заснул я, и снился мне Томительный сон во сне* (Н.А. Злобин. *Заснул я, и снился мне...*, 1953); выражение *сделалась нежней* (после снотворного) — как синоним выражения *погрузилась в сонную негу*, что подтверждается

¹⁷ Данная аналогия имеет типовой характер, ср., напр.: *Еще чаще проводится параллель между смертью и сном. Смерть есть более продолжительный сон; это — тот крепкий, железный, по выражению поэта, сон, от которого так трудно бывает пробуждение* (А.П. Голубцов. Из чтений по церковной археологии и литургике, 1917). Интертекстуальная аллюзия отсылает нас, скорее всего, к следующим стихам: *Здесь, погрузившись в сон железный, Усталая природа спит* (Ф.И. Тютчев. *Здесь, где так вяло свод небесный...*, 1830).

¹⁸ Пример сходной дистрибуции слова *сон*: *Все кружилось, мешалось в мозгу Осипа, и все эти картины, как чернилами, заливал черный беспробудный сон, крепкий, как смерть* (Б. Алмазов. *Перевал*, 1999).

если не метонимической смежностью, то явно выраженным взаимным тяготением понятий ‘сон’ и ‘нега’, ср.: *Упоенье неги сонной Наполняет дух его* (А.С. Пушкин. *На Испанию родную*, 1835. Вариант чернового автографа); *После водки и еды чувствуешь такую сладкую усталость, такую негу молодого сна, что как через воду слышишь говор* (И.А. Бунин. *Антоновские яблоки*, 1900); *Пошепчи, посмейся, милый, Милый образ, нежный сон* (А. Блок. *Кто-то шепчет и смеется...*, 1901).

По мысли В.В. Иванова, “построение строфы или даже всего стихотворения, основанного на звучании блаженного собственного имени, встречается уже и в ранних стихах Мандельштама. Достаточно напомнить **созвучия** *Соломка — солóминка — сломáлась... солóмка — Саломéя — солóминка* [...]” [41, с. 439]. Не исключая эвфоническую составляющую данного ряда, заметим, что связь двух центральных его звеньев (*соломинка* и *сломалась*) имеет прежде всего метафорическую основу; при недооценке данного факта адекватное понимание стихотворения едва ли возможно. Было бы упрощением вопроса полагать, что темнота и инкогерентность текстов ОМ являются исключительно результатом “[...] капризов сюрреалистического воображения, которое отдано в безраздельную власть самых **случайных созвучий** [...]” [42, с. 7]. Тем не менее, в стихах ОМ часто видят бессмыслицу, подчинённую эвфонии: “Я не люблю стихов Мандельштама. Не люблю этого логически-бессмысленного сочетания разнородных фраз. Но я восхищаюсь этим сочетанием. Пусть стихи Мандельштама можно читать одинаково хорошо и с середины, и с начала, и с конца, но поэт, поистине, открыл в русском стихе невиданные возможности. Мандельштам с замечательным искусством ворочает словесными сцеплениями, звуковыми массами, сцепляет их и разбрасывает. Именно у Мандельштама, а не у футуристов настоящее **торжество звука над смыслом**. Здесь, а не у Андрея Белого, настоящая музыка стиха, не в симфониях¹⁹, не в грубых, бросающихся в глаза внутренних рифмах, а в этом, может быть, **бессмысленном, но прекрасном сочетании звуков** [...]” [43, с. 342–343]. Думается, что причины непонятности текстов ОМ нельзя сводить исключительно к “торжеству звука над смыслом”.

По мнению Г. Фрейдина, героиня «стала предметом презрения (was scorned) за то, что она предала ледяное совершенство [...], проявив

¹⁹ Имеется в виду цикл версетов А. Белого: “Драматическая симфония” (1902), “Северная симфония” (1904), “Возврат” (1905) и “Кубок метелей” (1908).

“нежность” и даже “ломкость”», усматривая здесь намеки на “вульгарное выражение эротического содержания” *sloimat* [...] [44, с. 133 и 334], которое характеризуется как принадлежащее грубому просторечию [45, с. 358] и которое мы здесь из этических соображений привести полностью не решились. Однако: 1) героиня была *убита жалостью* (стих 32), а не презрением; 2) как показал контекстуальный анализ, номинации *нежнее* и *сломалась* (“нежность” и “ломкость”, в трактовке Фрейдина) в тексте ОМ связаны с темой сна, а не грубой эротикой; 3) героиня *сделалась нежней* ‘предалась нежному сну, неге сна’ (спонтанный процесс под действием снотворного), а не “проявила нежность” (осознанное действие): здесь видится если не подмена, то потеря тезиса со стороны аналитика; 4) указанный намек лишен не только контекстуальной, но и, насколько это известно, констатирующей поддержки, т.е. едва ли отвечает реальному положению дел, а значит, неправдоподобен; 5) вульгаризмы, обценнизмы и элементы грубого просторечия несовместимы с высоким стилем (см. пункт 8 в разделе 2).

2. Интертекстуально. Соотнесем стихи 5–6 *Соломка звонкая, соломинка сухая, Всю смерть ты выпила и сделалась нежней* со следующими двумя отрывками из рассказа Э. По “Лигейя”:

Аналогия 1. И тогда-то я отчетливо услышал легкие шаги на ковре у ложа; и через мгновение, пока Ровена подносила бокал к устам, я увидел — или это мне померещилось — что **в бокал упали, словно из некоего незримого источника, три или четыре большие капли сверкающей жидкости рубинового цвета**. Если я это и увидел, то Ровена — нет. Она без колебаний **выпила вино**, а я не стал говорить о явлении, которое, как я подумал, было всего-навсего внушено мне взвинченным воображением, доведенным до болезненной живости страхами жены, опиумом и поздним часом. И все же не могу скрыть [...].

Сопоставим с описанием типовой процедуры приема снотворного: *Анна между тем, вернувшись в свой кабинет, взяла рюмку и **накапала в нее несколько капель лекарства**, в котором важную часть составлял морфий, и, **выпив** и **посидев** несколько времени неподвижно, с успокоенным и веселым духом **пошла в спальню*** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877).

Аналогия 2. И все же не могу скрыть от самого себя, что **сразу после падения рубиновых капель состояние моей жены стало резко ухудшаться**; и на третью ночь, последовавшую за этой, руками слуг она была **обряжена для гроба**, а на четвертую я сидел один около ее **тела, повитого саваном** [...].

Соломинка, *выпив смерть* ‘капли снотворного’ (см. аналогию 1), уйдет подобно леди Ровене и вернется Лигейей (см. стихи 29–30). В этой же связи обратим внимание на еще одно сближение: а) *Нет, не Соломинка* [уже Лигейя?] *в торжественном атласе* <белых простыней> (стих 27) → б) тело леди Ровены in praesentia / Лигейи in potentia было *повито саваном*. Заметим: обычный материал для савана — **белый атлас**, ср.: *Хоронили ее [...] в белом атласном саване и без короны на голове* (И. Зимин. Царская работа, 2011).

Эпитет *торжественный* <атлас> (стих 27) / <декабрь> (стихи 17 и 25), если рассматривать его как коннотированный предтекстом *Двенадцать месяцев поют о смертном часе* (стих 15 / 26), получает пояснение в свете следующего типового контекста: *Протяжно разносится погребальное пение, звучит и льется торжественный погребальный марш* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы, 1892). С этой точки зрения указанный эпитет может быть истолкован как смещенный (*торжественная песнь о смертном часе* → *торжественный атлас / декабрь*, знаменующий конец, “смерть” года).

В стихотворении ОМ речь идет скорее о сне в образе смерти, сне под видом смерти, о мертвом сне, чем о смерти, ср. в черновом варианте: *Убита жалостью и не проснется вновь!* [46, с. 455]. Сон нередко бывает представлен в образах: а) глубокой воды (отсюда метафора *погрузиться в сон*), черной реки: *Черный сон мои дни Затопил по края* (П. Верлен. Черный сон мои дни..., 1880. Перев. А.М. Гелескула); с этой точки зрения может быть осмыслена следующая секвенция: *В огромной комнате над черною Невой* (стих 14) → *Как будто в комнате тяжелая Нева* (18) → реализация метафоры: *В огромной комнате тяжелая Нева* (23); б) тяжелого предмета, отсюда если не стертая, то узуальная метафора *тяжелый сон*, напр.: *Еще с полчаса мучили его думы, а потом внезапно **навалился** дурной и **тяжкий**, как угар, сон* (М. Бубеннов. Белая береза, 1952); индивидуально-авторская реализация этой же матрицы: *Спокойной **тяжестью** — что может быть печальней — **На веки** чуткие **спустился** потолок* (стихи 3–4). На веки Соломинки спустился, в образе тяжелого потолка, глубокий сон, ср.: *В одинокой фанзе зверолова, озаренной луной, потухли огни и крепкий сон спустился на крыльях ночи **на веки** ее обитателей* (Н.А. Байков. В дебрях Маньчжурии, 1934).

С обозначенной нами мотивационной и тематической (речь идет о глубоком сне), а также с контекстуальной точки зрения (*спустился*

не на саму Саломею²⁰, а на ее *веки*) трудно принять эротическую трактовку потолка как “партнера Саломеи” [8, с. 133]; [47, с. 118], откуда следует, что ОМ “ложе *любви* [с потолком? — В.М.] соотносит <...> со смертным ложем” [47, с. 119]. С. Семмлер-Вакарелийска видит в спускающемся потолке “крышку гроба”, отмечая, что форма *на веки* звучит как *навеки* [6, с. 409], но результатами лингвистического анализа языковая реальность этих и иных ассоциаций не подтверждается²¹: крышка гроба *опускается*, а не *спускается*; выражение *навеки тяжкие* лишено смысла, etc.

Идею смерти поддерживает стих 15 (= 26): *Двенадцать месяцев поют о смертном часе*. Существует такая его трактовка: «У Мандельштама в его стихах о Соломинке в декабре “Двенадцать месяцев поют о смертном часе” — год кончается» [48, с. 18], ср.: “декабрь кончается” [6, с. 414]. Едва ли, однако, речь идет лишь о конце (“смертном часе”) старого года; пояснения требует и олицетворяющий глагол *поют*. В.К. Тарановский указывает на то, что “у Мандельштама часы поют” [49, с. 107]; заметим также, что ход времени ассоциируется у ОМ с приближением смерти: *Что поют часы-кузнечик*, ср. далее, с уподоблением времени мышам: *Что зубами мыши точат Жизнь тоненькое дно* (ОМ. Что поют часы-кузнечик..., 1918). Часы поют о приближении смертного часа не только у ОМ, ср.: *С высокой башни колокольной, Призывный заменяя звон, Часы поют над жизнью дольной, Следя движение времен. <...> А торжествующая медь Зовет и нас в чреде мгновений Мелькнуть, побыть и умереть* (В.Я. Брюсов. Голос часов, 1902); с эвфемистическим умолчанием: а) *Утешая ее, часы поют свою песню о вечности: “Подумаешь! Четырнадцать — восемнадцать! Тик-так... А волосы что ж — они не только отрастут, они со временем поседеют... Время, время!..”* (С.М. Георгиевская. Лгунья, 1969); б) *Часы на стенке, время поглощая, Поют мне непрерывное ТИК-ТАК, И жизнь моя, часам внимая, Уходит медленно во мрак...* (В. Гурков. Часы на стенке, время поглощая..., 2015)²². Н.К. Чуковский

²⁰ Ср.: *Тяжелый свинцовый сон навалился на нее* (Д.В. Аверкиев. Повести из современного быта, 1875).

²¹ Данный факт позволяет считать такие ассоциации вольными, “читательскими”.

²² Нельзя исключать палимпсестную трактовку образа, заключенного в стихе 26: *петь* могут одновременно и “ветер над Невою” [6, с. 414], и часы. А.Н. Толстой, характеризуя поэтику акмеизма, отмечает: “[...] накладывание образа на образ — очень широко распространенное явление в советской литературе. <...> Фантазия читателя испытывает то же, что фотографическая пластинка, на которой снято два изображения” [50, с. 150].

(1904–1965), описывая комнату ОМ в Доме ученых в Петрограде²³, отмечает, что в этой комнате “[...] в углу стояли старинные часы — величиной с шкаф, которые отмечали не только секунду, минуту и час, но и месяц, и число месяца” [51, с. 170]. По мнению Мусатова, у ОМ «[...] тема смерти тесно связана с темой времени — **такие же** напольные часы “поют о смертном часе”, отбивая время, в спальне Соломинки» [31, с. 168], ср.: *Двенадцать месяцев поют*. Источник этого образа, вероятно, — старинные часы со знаками зодиака на циферблате” [32, с. 558].

С. Семмлер-Вакарелийска усматривает в стихе (2) “убаюкивающий поток (lulling gush)” звуков [6, с. 408], Л.Г. Панова видит во всей первой части цикла “убаюкивание любимой”: «Во всяком случае, речевой поток внутри нее выстроен так, что герой-рассказчик как бы напевает возлюбленной колыбельную песню, чтобы она уснула (отсюда, кстати, предикат “петь”, переданный двенадцати месяцам)» [47, с. 119]; к сожалению, автор не уточняет, как именно “выстроен речевой поток”, тем самым лишая свой тезис обоснования; к этому добавим, что выражения *Всю смерть ты выпила* (стих 6) и *Двенадцать месяцев поют <тебе> о смертном часе* (стихи 15 и 26) никак не вяжутся с жанром колыбельной песни и “убаюкиванием”.

К. Браун отмечает: «На протяжении всего стихотворения кажется, что говорящий **обеспокоен вопросом установления личности**: Соломинка или Саломея? В конце первой части появляется новое имя и снова возникает вопрос о личности: — “Нет, не Соломинка — Лигейя, умираешь...” — Не Соломинка (и не Саломея), а Лигейя — имя с таким же окончанием [точнее, сходной концовкой. — В.М.], как и Саломея» [1, с. 98]. Думается, что речь идет не об “установлении личности”, а о превращении. Сопоставим стих 13, с которого оно, на наш взгляд, начинается (*Нет, не Соломинка в торжественном атласе*), и следующий фрагмент прецедентного текста: *Ужели и вправду передо мною стояла живая Ровена? Ужели и вправду это Ровена — светлокудрая и голубоглазая леди Ровена Тревион из Тремейна? К чему, к чему сомневаться? Повязки туго обвивали рот, но, быть может, то не был рот живой леди Ровены? А щеки — розы цвели на них, словно в полдень ее жизни — да, в самом деле, это могли быть щеки леди Ровены. И подбородок с ямочками, совсем как у здоровой, разве это не мог быть ее подбородок? Но что же, неужели она стала выше ростом за время своей болезни?* (Э. По. Лигейя. Перев. В. Рогова, 1976). В стихе 19

²³ В Дом ученых ОМ переехал из Дома искусств в январе или феврале 1921 года.

Соломинки уже нет, но появляется Лигейя: *Нет, не Соломинка, Лигейя, умирање*. Предложенная нами аналогия такова: леди Ровена ушла в царство мертвых и там обернулась / оттуда вернулась Лигейей (в прецедентном тексте); Соломинка же, *выпив смерть*, ушла в царство мертвого сна и там обернулась / оттуда вернется, по мечте лирического героя, Лигейей (во вторичном тексте). Идея ухода и возвращения поддержана анациклической структурой текста, ср.:

Нет, не Соломинка в торжественном атласе, (I: 13)
Двенадцать месяцев поют о смертном часе, (I: 15)
Декабрь торжественный струит свое дыханье, (I: 17)
 Как будто в комнате тяжелая Нева. (I: 18)
 Нет, не Соломинка – Лигейя, умирање, – (I: 19)
 Я научился вам, блаженные слова. (I: 20)
 Я научился вам, блаженные слова: (II: 21)
 Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита. (II: 22)
 В огромной комнате тяжелая Нева. (II: 23)
 Декабрь торжественный сияет над Невой. (II: 25)
 Двенадцать месяцев поют о смертном часе. (II: 26)
 Нет, не Соломинка в торжественном атласе (II: 27)

Приведем пример иконической структуры тематически сходного типа:

Я умер ровно 29 лет тому назад.
 Назад –
 тому –
 лет –
 29 –
 ровно –
 не вернуть.

Я. Сатуновский. Лежу и думаю... (1966)

Еще К. Браун заметил, что “[...] бóльшая часть второй строфы состоит в основном из повторов – частичных или точных – предыдущих строк стихотворения, в некоторой связи с идентичностью Соломинки-Саломей” [4, с. 241], С. Семмлер-Вакарелийска видит здесь “обратную перестановку (backward reangament) стихов во второй части”, которая “имитирует удваивающий эффект зеркала в спальне” [6, с. 416]; М.Л. Гаспаров отмечает, что в цикле ОМ две строфы второй части “представляют как бы зеркальный конспект” последних двух строф первой части, фиксируя “обратную последовательность строк” и ее иконичность: “Граница между двумя стихотворениями – как бы поверхность зеркала”, *круглый омут* зеркала “осмысляется иконически” [23, с. 193]. Мы склонны видеть в стихотворении ОМ анациклический текст, который иконичен скорее по отношению к сюжету рассказа Э. По “Лигейя” (т.е. к сюжету прецедентного текста), чем *simpliciter* к отражению комнаты в зеркале, висящем на стене. Приглядимся: *В часы бессонницы предметы тяжелее, Как будто меньше их – такая тишина, – Мерцают в зеркале подушки, чуть белея, И в круглом омуте*

кровать отражена (стихи 9–12). Представлено описание интерьера, причем с точки зрения героини, лежащей на кровати (в противном случае кровать и подушки видны бы не были). Неясно, по какой причине структура текста должна быть подчинена этому простому, *de facto* бытовому описанию.

Рассмотрим стихи 29–30: *В моей крови живет декабрьская Лигейя, Чья в саркофаге спит блаженная любовь*. Обратим внимание на контекст, исключающий буквальное понимание: Лигейя *живет в крови*, ср.: *В крови горит огонь желанья, Душа тобой узвлена, Лобзай меня: твои лобзанья Мне слаще мирра и вина* (А.С. Пушкин. В крови горит огонь желанья., 1825); *В его крови живет желание бродить* (Г. Турчина. Встретились двое, 1993). Имя *Лигейя* явно представляет собой метонимическую свертку (*Лигейя* → *мечта о Лигейе*), с этой точки зрения стихи 29–30 можно понимать как утверждающие мечту о любви, ожидание или предчувствие любви: декабрьская Лигейя холодна, ее любовь спит, но весной проснется, как река, ср. *Чья в саркофаге спит блаженная любовь* (стих 30) и первоначальный вариант текста: *Где голубая кровь декабрьских роз разлита И в саркофаге спит тяжелая Нева* [46, с. 453], импликация: ‘в декабре река спит, но весной проснется’.

Заключительное двустишие цикла может быть осмыслено лишь в свете следующего факта: “литературная Лигейя сумела пройти через смерть и **через умирание другого человека** обрести вторую жизнь” [6, с. 415]. Приведем сходные трактовки: 1) «Кульминационный момент в рассказе По – замена личностей двух женщин, перевоплощение одной в другую и постепенное раскрытие этого рассказчику. Ту же тематику мы находим и в “Соломинке»» [1, с. 100]; 2) “Лигейя у Эдгара По воскресает из (чужого) саркофага” [23, с. 191], А.К. Жолковский также упоминает «саркофаг, процитированный Мандельштамом из “Лигейи” Э. По» [34, с. 244]. Трактовка (2) требует уточнений:

а) слово *саркофаг* (в форме ед. ч.) в стихотворении ОМ восходит скорее к черновому варианту (*И в саркофаге спит тяжелая Нева*), чем к прецедентному тексту, т.е. рассказу Э. По “Лигейя”, где речь идет не о *саркофаге* (ед. ч.), а о *саркофагах* (мн. ч.):

Несколько оттоманок и золотых восточных канделябров размещались в беспорядке; было там и ложе – супружеское ложе – в индийском стиле, низкое, вырезанное из тяжелого эбена, с пологом, подобным гробовому покрову. По углам покоя стояли на торцах гигантские **саркофаги**

из черного гранита, доставленные из царских гробниц в окрестностях Луксора, древние **саркофаги**, ставшие вечными изваяниями. <...> Стены, гигантски — даже непропорционально — высокие, сверху донизу были увешаны тяжелыми, массивными вышивками, вышивками по такой же ткани, что служила и ковром на полу, и покрывалами для оттоманок и эбенового ложа, и пологом над ним.

б) постепенно оживая и наконец восстав с *эбенового ложа* (а не “из чужого саркофага”), леди Ровена неожиданно превращается в Лигею, ср.:

Наверное, в полночь [...] рыдание, тихое, нежное, но весьма отчетливое вывело меня из оцепенения. Я почувствовал, что оно идет с **эбенового ложа — со смертного одра**. <...> И вновь погрузился я в грезы о Лигее, и вновь [...] до ушей моих доносилось тихое рыдание со стороны **эбенового ложа**. <...> Повторяю: труп опять зашевелился, и [...] то, что было повито саваном, [...] вышло на середину комнаты. <...> Ужели и вправду передо мною стояла живая Ровена? <...> Я прынул и очутился у ног ее! Она отшатнулась при моем касании и откинула размотанную ужасную ткань, скрывавшую ей голову, и в подвижном воздухе покоя заструились потоки длинных, разметанных волос; они были чернее, чем вороново крыло полуночи! И тогда медленно отверзлись очи стоявшей предо мною. “По крайней мере, в этом, — вскричал я, — я никогда, я никогда не ошибусь — это черные, томные, безумные очи — моей потерянной любви — госпожи — ГОСПОЖИ ЛИГЕИ”.

Данная (финальная) сцена повествования имплицитно указывает на исчезновение леди Ровены. Прорисовывается следующая аналогия: *кровать в огромной спальне* ‘ложе мертвого сна Соломинки’ → *эбеновое ложе* в покое с гигантски — даже непропорционально — высокими стенами ‘ложе смерти леди Ровены’.

Здесь возникает два вопроса: 1) какую природу имеет метаморфоза “Ровена → Лигея”, описанная в рассказе Э. По, и не является ли она рефлексом какого-то реального явления; 2) какими мотивами руководствовался автор при выборе имени для главной героини. Следующая типовая справка не дает возможности привязать коннотационал имени *Лигея* к сюжету рассказа: “The name Ligea was borne by a dryad in Vergil’s *Georgics*, IV, 336, and this is probably the significant connection in Poe’s poem” ‘Имя Лигея носила дриада в поэме Вергилия “Георгики” (IV: 336), и это, вероятно, важная связь в поэме По’ [52, с. 331]. Книга IV поэмы Вергилия посвящена пчеловодству, Лигея упоминается здесь лишь однажды — при перечислении

нимф (не дриад²⁴); видимой связи с сюжетом рассказа Э. По нет. Автор, однако, дает нам следующую подсказку: *Я хочу сказать, что, после того как красота Лигеи воцарилась в душе моей, словно в алтаре, многое в материальном мире внушало мне то же, что я ощущал вокруг и внутри себя при взоре ее огромных лученосных очей. И все же я не мог ни определить это ощущение, ни подвергнуть его разбору, ни даже внимательно проследить за ним. Я узнавал его, повторяю, глядя на буйно растущую лозу, наблюдая за мотыльком, за бабочкой, за хризалидой [...].* Думается, что стимулом для инвенции указанной метаморфозы (т.е. превращения леди Ровены в Лигею) стало превращение гусеницы в бабочку внутри куколки (своего рода “савана”). Прототипом такой бабочки, скорее всего, послужил один из видов бархатницы, известный в энтомологии как *erebia ligea*, или *чернушка Лигея / лигея* [53, с. 86], ср. лат. *erebia* ‘бархатница, чернушка’. Гусеница лигеи *прядет* кокон, внутри кокона гусеница превращается в **нимфу**, нимфа — в бабочку, что проясняет мотивационную связь термина *erebia ligea* с именем **нимфы** Лигеи [греч. *Λίγεια*, лат. *Ligea*], *прядущей пряжу*:

[...] вокруг нее [Кирены] **нимфы** милетскую **пряли** **Пряжу** окраски густой стекольно-зеленого цвета. Дрима была там, Ксанфó, **Лигейя** была с Филоокой, Золото влажных волос вдоль шеи спустившие белой; Там и Низея была, Спíо, Кимодока, Талíя; Рядом с Ликóридой там белокурой сидела Кидиппа [...].

Вергилий. *Георгики*, IV: 334–339 (перев. С.В. Шервинского)

Лигея — **дневная** бабочка, превращение же Ровены в Лигею произошло в предрассветный час: *Ночь почти кончалась, и та, что была мертва, шевельнулась вновь*. Герой рассказа не любил Ровену, хотя и ухаживал за ней во время болезни, с одной стороны, проявляя **жалость** к умирающей девушке, с другой — продолжая думать о Лигее и страстно мечтая о ее возвращении. Его любовь вернула к жизни Лигею, равнодушие и жалость убили Ровену, в этом свете могут быть осмыслены стихи 31–32: *А та — Соломинка, быть может — Саломея, Убита жалостью и не вернется вновь*²⁵. Соломинка — аналог Ровены: заснув мертвым сном, она превратится в Лигею, т.е. Соломинка — не “потенциальная Саломея” [49, с. 99], а потенциальная Лигея.

²⁴ Cf. latine: *eam circum Milesia vellera Nymphae // carpebant* ‘вкруг нее нимфы шерсть из Милета // чесали’ (*Георгики*, IV: 334–335), т.е. *пряли* *пряжу* (у Вергилия этот процесс обозначен метонимически).

²⁵ Ср. в черновом варианте: *Убита жалостью и не воскреснет вновь* [46, с. 455].

Здесь следует заметить разность: “светлокудрая и голубоглазая леди Ровена” превращается в черноокую Лигейю, с волосами “чернее, чем вороново крыло полуночи”; ех analogia у Соломинки должны быть светлые кудри (т.е. кудри цвета соломки), в действительности же Саломея Андроникова, послужившая прототипом Соломинки, была черноокой брюнеткой и в этом плане ближе к Лигейе. Указанный нами конситуативный зазор говорит о том, что было бы крайне наивно отождествлять: 1) реальность и ее художественное преломление, в частности: а) ОМ и его лирического героя; б) Саломею Андроникову и Соломинку; 2) затейливую, но вместе с тем четкую сюжетную линию рассказа Э. По и едва уловимый, затемненный сложными образами повествовательный пунктир лирического стихотворения ОМ.

Если не принять интертекстуальную составляющую в указанных выше событийных очертаниях за основу стихотворения ОМ, то придется полагать, оставаясь на поверхности сюжета и буквального смысла слов, что данный текст утверждает лишь “тему декабря и смерти” [54, с. 255].

Двустипшие *Соломка звонкая, соломинка сухая, Всю смерть ты выпила и сделалась нежней* (стихи 5–6) получило и иные интерпретации. Пояснение М.Л. Гаспарова явно принимает слова *выпила смерть* ad litteram: «Снотворные были популярным средством самоубийства, отсюда метонимия “всю смерть ты выпила” и все дальнейшее разворачивание смертной темы» [23, с. 189], Л.Г. Панова также говорит о “смертном ложе” Соломинки [47, с. 119]. Однако: а) в тексте речь идет не о самоубийстве и, соответственно, “смертном ложе”, а о бессоннице (см. стихи 2 и 9); б) героиня после того, как *выпила смерть*, не умерла, а *вкушала медленный томительный покой*, т.е. сон; этот факт в трактовке Гаспарова не получил объяснения и никак в нее не вписывается. Буквальное понимание рассмотренной метонимии приводит: а) к постулированию “частичной смерти”: “[...] героиня умирает лишь частью своего существа, а другую часть остается жить”, эта же мысль “будет провозглашена в финале” [23, с. 191]; б) ad absurdum: «Соломинка становится символом одиночества и обреченности личности, которая “выпила всю смерть”, но не ушла из жизни, а сломалась, стала неживой, остановилась как бы на пороге и не может его перейти» [55, с. 96], ср. *уйти из жизни* ‘стать неживым’ et vice versa *стать неживым* ‘уйти из жизни’.

По мысли А.К. Жолковского, в стихотворении ОМ “явственно проведен” “вампирический

мотив питья крови”, заданный “парономастической парой *Саломея / Соломинка (Всю смерть ты выпила и сделалась нежней; В моей крови живет декабрьская Лигейя; И голубая кровь струится из гранита)*” [34, с. 244], однако: 1) “мотив питья крови” не поддержан контекстом: героиня пьет не кровь, а лекарство от бессонницы; 2) стих 24 (*И голубая кровь струится из гранита*) анациклически соответствует стихам 16–17 (*Струится в воздухе лед бледно-голубой. Декабрь торжественный струит свое дыханье*); ср. в черновых вариантах: а) *Декабрь торжественный нам светит над Невой*; б) *свет струится ледяной* [46, с. 453, 454]. Вывод: метафора *струится голубая кровь* соответствует выражениям: а) *струится в воздухе бледно-голубой лед*; б) *струится ледяной свет*. Здесь наблюдаем фигуру отвлечения эпитета, состоящую в замене последнего однокоренным абстрактным (“отвлеченным”) именем существительным, напр.: *тяжелые черные косы* → *тяжесть черных кос* (В. Брюсов. На пруду, 1914); с пропуском определяемого: *Над холмистостью лиловой, Над известностью* — так, слегка — *Лягут известью комковатой Сыроватые облака* (В. Алейников. Над холмистостью лиловой..., 2020), ср. *холмистая местность* → *холмистость*; аналогично: а) *Бродит свет по арчовым урочищам. Опускаются скалы к реке. Смотрит с горных небес одиночество с полумесяцем в черном зрачке* (А. Файнберг. Ночь в горах, 1997), ср. *одинокое бытие* → *одиночество*; б) *голубой кровавый свет* → *голубая кровь*. Выражение *голубая кровь* ‘кроваво-голубой свет’²⁶ никак нельзя принимать в буквальном смысле: ни к человеческой крови, ни к аристократическому происхождению Саломеи Андрониковой, ни a fortiori к вампиризму оно не относится.

Н.И. Харджиев дает следующую справку: «*Всю смерть ты выпила*. Источник этого образа — трагическая буффонада Хлебникова “Ошибка смерти”, изданная в ноябре 1916 г.: двенадцать посетителей “Харчевни веселых мертвецов” пьют через соломинку из “кубка смерти”» [38, с. 272]. М.Л. Гаспаров считает эту ассоциацию “оправданной” [23, с. 196]; в этой парадигме двустипшие 5–6 принято соотносить «[...] посредством образа “выпитой до дна смерти” — с трагической буффонадой Хлебникова “Ошибка смерти” (1915). В ней 12 посетителей “Харчевни веселых мертвецов” пьют через соломинку из кубка смерти» [56, с. 509]. Уточним: в гротескной пьесе “Ошибка Смерти” В. Хлебникова не “12 посетителей”, а **Барышня**

²⁶ Ср.: [...] и вот — *кроваво-голубой, облитый ромом и подожженный, обжигая глаза и пальцы, кружится, шипя в черной воде, торт чужого города* [...] (Т. Толстая. Лимпопо, 1990).

Смерть “[б]ерет соломинку и пьет вишневый сок из стеклянного стакана”. Далее читаем: “12 гостей делают то же. Длинный стол, крытый белым. В стаканах красное, темное”. Вывод: пьют вишневый сок через соломинку из стеклянных стаканов (а не “из кубка смерти”) Барышня Смерть и 12 гостей (а не “12 посетителей”). Что же касается кубка смерти, то его требует **тринадцатый гость**: *Я приказал, я покупаю в харчевне мертвецов глоток кубка смерти*. Далее, после диалога между ним и Барышней Смертью, последняя пьет чашу смерти (причем соломинка здесь не упоминается), ср.:

Барышня Смерть. Я налью две чаши — жизни и смерти — и сделаюсь иной, невкусной, беленой у до роги. Теперь выбирай.

Тринадцатый. Сама выбери.

Барышня Смерть. Я слепа.

Тринадцатый. Поэтому и выбери.

Барышня Смерть. Я пью <чашу смерти>, — ужасный вкус. Я падаю и засыпаю. Это зовется “Ошибкой Барышни Смерти”. Я умираю (падает на подушки).

Двенадцать оживают толчками по мере ее умирания. Веселый пир освобожденных.

Барышня Смерть (*подымая голову*). Дайте мне “Ошибку г-жи Смерти” (перелистывает ее). Я все до играла (вскакивает с места) и могу присоединиться к вам. Здравствуйте, господа!

Думается, что слово *соломинка* / *Соломинка* в значении ‘Саломея’ интертекстуальными ассоциациями не отягощено, поскольку: 1. В тексте ОМ *смерть* означает ‘лекарство от бессонницы’, в тексте же Хлебникова <Барышня> *Смерть* выступает как субъект, а *смерть* — как свойство напитка в кубке; в тексте ОМ *Соломинка* — имя героини (т.е. субъекта), *соломинка* же в тексте Хлебникова — инструмент, через который посетители пьют вишневый сок из стаканов; в заключительной сцене Барышня Смерть пьет кубок смерти, но, разумеется, не через соломинку. Какие бы то ни было корреляции между актантами здесь отсутствуют, что: а) означает отсутствие базы для аналогии; б) ставит под сомнение следующий тезис: «Варианты имени княгини и созвучных с ними слов Мандельштам соединяет и с той соломинкой, через которую в [...] трагикомедии Хлебникова “Ошибка Смерти” [...] Барышня Смерть пьет темный красный вишневый сок вместе с двенадцатью гостями» [48, с. 18]. 2. Комический гротеск Хлебникова, а также заключительная, явно бурлескная сцена пьесы не вяжутся с высоким, торжественным стилем стихотворения ОМ (см. пункт 8 в разделе 2).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать:

1. Ключевыми для адекватного понимания стихотворения ОМ являются следующие два фрагмента, реализующие тему погружения в тяжелый, беспробудный, мертвый сон: *Спокойной тяжести — что может быть печальней, — На веки чуткие спустился потолок <...> Всю смерть ты выпила и сделалась нежней, Сломалась милая соломка неживая* (стихи 3–4 и 6–7). Контекстуальный анализ показывает, что здесь имеют место два переноса: а) метафора: <сон наплывает так, как будто> *тяжелый потолок спустился на веки*, отсюда следствие (в виде очередного звена, т.е. развертки этой же метафоры): *звонкая сухая соломка* <не выдержав тяжести,> *сломалась* ‘уснула’; б) метонимия, усиленная сравнением: *выпила* <снотворное, вызывающее беспробудный сон, похожий на> *смерть*, отсюда метафора, развивающая это сравнение: *соломка неживая* ‘лежит / спит, как неживая’, ‘уснула мертвым сном’.

1.1. Исследователи поэтики ОМ регулярно видят в его стихах инкогерентность, подчиненную эвфонии: например, по мнению Е.Г. Эткинды, в стихах ОМ “сцепление слов как звуков сперва поддерживало, а потом и заместило сцепление идей” [5, с. 308]. Если смотреть с этой типовой точки зрения, то ряд *соломка — соломинка — сломалась — Саломея* оказывается “основан на звучании блаженного собственного имени” [41, с. 439]. В том, что поэтика ОМ не сводится к “торжеству звука над смыслом” [43, с. 343], убеждают результаты контекстуального, трансформационного интертекстуального и других видов лингвистического анализа: так, связь центральных звеньев ряда, приведенного В.В. Ивановым (*соломинка* и *сломалась*), имеет метафорическую основу (см. пункт 1).

2. Образную канву стихотворения ОМ “Соломинка” составляет развернутая интертекстуальная аллюзия к рассказу Э. По “Лигейя”, во многом вплоть до герметичности затемненная семантическими переносами. Выявление прецедентных опор данной аллюзии способствует более полному пониманию текста ОМ; если принять результаты контекстуального анализа данных переносов, выполненного выше (см. раздел 3), то мы получаем следующую картину:

2.1. Соломинка *выпила смерть* ‘<накапала и> выпила <снотворное, вызывающее сон, крепкий, как> смерть’. → Леди Ровена поднесла бокал к устам, из незримого источника в бокал упали

капли жидкости рубинового цвета, она выпила вино.

2.2. <Сон наплывает так, как будто бы> *тяжелый потолок спустился на веки* <Соломинки, поэтому> *сломалась милая соломка неживая* 'уснула мертвым сном'. → Сразу после того, как леди Ровена выпила вино, ее состояние резко ухудшилось, на третью ночь после этого она была обряжена для гроба.

2.3. *Нет, не Соломинка* [уже Лигейя?] *в торжественном атласе* <белых простыней>. → Тело леди Ровены in praesentia / Лигейи in potentia было повито саваном (типовой материал для савана – белый атлас).

2.4. *Кровать в огромной спальне* 'ложе мертвого сна Соломинки, быть может Саломеи / ложе ее превращения в Лигейю' → *эбеновое ложе* в покое с гигантски высокими стенами 'ложе смерти Ровены / воскресения Лигейи'.

2.5. *Нет, не Соломинка – Лигейя, умиранье...* 'Соломинка уснула и обернулась в царстве мертвого сна в Лигейю'. → Леди Ровена умерла и обернулась в царстве смерти в Лигейю / вернулась из царства мертвых Лигейей.

2.6. *А та – Соломинка, быть может – Саломея, Убита жалостью и не вернется вновь.* → Герой рассказа Э. По не любил Ровену, хотя ухаживал за ней во время ее болезни, с одной стороны, проявляя **жалость** к умирающей девушке, с другой – продолжая думать о Лигейе и страстно мечтая о ее возвращении. Его любовь вернула к жизни Лигейю, равнодушие и жалость убили Ровену. Соломинка, заснувшая мертвым сном и обратившаяся в Лигейю или, скорее, в страстную мечту о Лигейе (*В моей крови живет декабрьская Лигейя...*), представляет собой образный аналог убитой жалостью Ровены.

3. Стимулом для инвенции данной метаморфозы, т.е. превращения леди Ровены в **черноволося** **черноокую Лигейю**, представляется превращение гусеницы в бабочку внутри куколки ("савана"). Прототипом такой бабочки, видимо, послужила бархатница *erebia ligea*, или **чернушка Лигея / лигея**, ср. лат. *erebia* 'бархатница, чернушка'. Гусеница лигеи *прядет* кокон (внутри которого она превращается в нимфу, нимфа – в бабочку), что проясняет мотивационную связь термина *erebia ligea* с именем нимфы Лигейи [греч. *Λίγεια*, лат. *Ligea*], *прядущей пряжу* в поэме Вергилия "Георгики". С учетом приведенных фактов и аналогий имя *Лигейя* (англ. *Ligeia*) целесообразно рассматривать не только как интертекстуально коннотированное, но и как говорящее.

4. Идея ухода в царство мертвого сна (сна в образе смерти) и возвращения / превращения поддержана анациклической структурой стихотворения.

5. Обозначенная интертекстуальная подоплека стихотворения ОМ ставит под сомнение эвфонические трактовки, принадлежащие: а) М.Л. Гаспарову, полагающему, что при поиске рифмы к слову *убита* пришло имя *Серафита*, которое и "привело за собой вереницу романтических имен", в частности имя *Лигейя* [23, с. 192]; б) В.В. Мусатову, считающему, что «дело не в женщине, а в звуке ее имени, который вибрирует, создавая ощущение блаженности, и из этой вибрации возникает новый ряд имен: "Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита"» [31, с. 167].

6. Стихотворение ОМ "Соломинка" написано в высоком лирическом стиле. Высокий стиль несовместим: а) с вульгаризмами и грубым просторечием; б) с категорией комического. Фактор (а) ставит под сомнение постулируемый Г. Фрейдиным намек на "вульгарное выражение эротического содержания", лежащий, по его трактовке, в основе стихотворения ОМ; фактор (б) – предполагаемую Н.И. Харджиевым связь стихотворения с комическим гротеском В. Хлебникова "Ошибка смерти" [38, с. 272] и утверждаемую В.В. Ивановым связь имени лирической героини текста ОМ с соломинкой, через которую Барышня Смерть в указанной пьесе В. Хлебникова пила вишневым сок из стеклянного стакана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун К. Тайная свобода Осипа Мандельштама // Новый журнал. Кн. № 80. Нью-Йорк, 1965. С. 86–104.
2. Левин Ю.И. О. Мандельштам // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 9–155.
3. Адамович Г.В. Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. Альманах. II. Нью-Йорк, 1961. С. 87–101.
4. Brown C. Mandelstam. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 1973. 328 p.
5. Эткнд Е. Материя стиха. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 506 с.
6. Semmler-Vakareliyska C.V. Mandel'stam's "Solominka" // Slavic and East European Journal. Vol. 29. 1985. № 4. P. 405–421.
7. Мандельштам О.Э. Соломинка // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3-х т. Т. 1. Стихотворения / Сост. А. Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 95–96.

8. *Goldberg S.* The poetics of return in Osip Mandelstam's "Solominka" // *Russian literature*. Vol. 45. 1999. № 2. P. 131–147.
9. *Померанц Г.* Слово – Психея // *Слово и судьба: О. Мандельштам. Исследования и материалы / Ред. З.С. Паперный. М.: Наука, 1991. С. 389–398.*
10. *Голдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / Перев. с англ. В. Третьякова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 344 с.
11. *Moskvin V.* On stylistic devices as style elevators in the Russian language // *Russian Linguistics*. Vol. 41. 2017. № 3. P. 283–315.
12. *Δημητρίου Φαληρέως.* Περί ἑρμηνείας. Glasgae: Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
13. *Ἰωάννου του Σικελιώτου.* Ἐξηγήσεις εἰς τὰς ἰδέας του Ἑρμογένους // *Rhetores Graeci / Ed. Ch. Walz*. Vol. VI. Stuttgartiae et al., 1834. P. 56–504.
14. *Ἑρμογένους* Περί εὐρέσεως // *Rhetores graeci / Ed. Ch. Walz*. Vol. VII. Pars II. Stuttgartiae et al., 1834. P. 695–860.
15. *Vetteri Io. Frid.* Periodologia, seu Doctrina succincta de conscribendis periodis. Lubecae: Sumptibus Ionae Schmidii, 1744. 158 p.
16. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
17. *Hermann G.* Elementa doctrinae metricae. Glasgae: Excudebant Andreas et Jacobus Duncan, 1817. 530 p.
18. *Maurus Rabanus.* Excerptio de Arte grammatica Prisciani // *Maurus Rabanus. Opera omnia. Tomus quintus*. Lutetiae Parisiorum, 1864. P. 613–677.
19. *Joachim Langens* Verbesserte und erleichterte lateinische Grammatica mit einem paradigmatischen und dialogischen Tirocinio. Halle: In Verlegung des Waisenhauses, 1787. 447 p.
20. *Martinius P.* The Key of the Holy Tongue / Transl. J. Udall. Ed. 2. Amsterdam: Printed for C. P., 1645. 192 p.
21. [*Bathe W.*] Centuriae // [*Bathe W.*] Janua linguarum [...]. Editio octava, prioribus locupletior, opera et studio Th. Horne. Londini, 1634. P. 1–160.
22. *Tarrant R.* Introduction // *Virgil. Aeneid. Book XII*. Cambridge, 2012. P. 1–54.
23. *Гаспаров М.Л.* “Соломинка” Мандельштама: Поэтика черновика // *Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое лит. обозрение, 1995. С. 185–197.*
24. *Вейдле В.В.* Певучие ямбы // *Вейдле В.В. Наследие России. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 392–428.*
25. *Dionysii Halicarnassensis.* De compositione verborum liber. Graece et latine / Ed. G.H. Schaefer. Lipsiae et al.: In libraria Weidmannia, 1808. 683 p.
26. *Орлов В.* Перепутья. М.: Художественная литература, 1976. 365 с.
27. *Аверинцев С.* Так почему же все-таки Мандельштам? // *Новый мир*. 1998. № 6. С. 216–220.
28. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. Книга вторая. Paris: YMCA, 1983. 722 с.
29. *Данилова С.Ф.* Андроникова Саломея // *Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политич. энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 74–75.*
30. *Тэффи Н.А.* Моя летопись. М.: Вагриус, 2004. 378 с.
31. *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. Киев: Ника-Центр, 2000. 560 с.
32. *Мец А.Г.* Комментарии // *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем: В 3-х т. Т. 1. Стихотворения / Сост. А.Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 517–735.
33. *Лимонов Э.* Красавица, вдохновлявшая поэта // *Синтаксис*. Т. 29. Париж, 1990. С. 139–149.
34. *Жолковский А.К.* Лимонов на литературных Олимпис (Лимонов / Мандельштам) // *Жолковский А.К.* Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2005. С. 232–245.
35. *Нерлер П.М.* Примечания // *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1990. С. 441–611.
36. *Дутли Р.* Век мой, зверь мой: Осип Мандельштам. Биография / Перев. с нем. К. Азадовского. СПб.: Академический проект, 2005. 432 с.
37. *Сурат И.З.* Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ, 2009. 384 с.
38. *Харджиев Н.И.* Примечания // *Мандельштам О.* Стихотворения / Сост. и примеч. Н.И. Харджиева. Вступ. ст. А.Л. Дымшица. Л.: Советский писатель, 1978. С. 249–316.
39. *P. Rutilii Lupi.* De figuris sententiarum et elocutionis libri duo. Leiden: Apud Samuelem et Joannem Luchtmans, Academijs Typographos, 1768. 276 p.
40. *Эйзенштейн С.М.* Монтаж (1938). М.: Директ-Медиа, 2016. 71 с.
41. *Иванов В.В.* Два примера анаграмматических построений в стихах позднего Мандельштама // *Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 435–442.
42. *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // *Мандельштам О.Э.* Сочинения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–64.

43. Луц Л.Н. Цех поэтов [1922] // Луц Л.Н. Литературное наследие. М.: Научный мир, 2007. С. 340–343.
44. Freidin G. A coat of many colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkley & Los Angeles: Univ. of California Press, 1987. 421 p.
45. Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Нева, 2003. 480 с.
46. Мандельштам О.Э. “Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...”. Черновой автограф // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3-х т. Т. 1. Стихотворения / Сост. А.Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 453–455.
47. Панова Л. “Уворованная” Соломинка. К литературным прототипам любовной лирики Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 111–151.
48. Иванов В.В. Мандельштам и наше будущее // Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 3–40.
49. Тарановский К.Ф. Очерки о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 13–208.
50. Толстой А.Н. О драматургии // А.Н. Толстой о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1984. С. 144–162.
51. Чуковский Н.К. О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. 686 с.
52. Mabbott Th. O. Notes [to *Ligeia*] // The collected works of Edgar Allan Poe. In 3 vols. / Ed. T. O. Mabbott. Vol. 2. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1978. P. 330–334.
53. Сочивко А.В., Каабак Л.В. Определитель бабочек России. Дневные бабочки. М.: Астрель, 2012. 320 с.
54. Ronen O. An approach to Mandel'stam. Jerusalem: Magnes Press, 1983. 396 p.
55. Киондзер М.К. Реминисценции из Эдгара По в лирике Осипа Мандельштама // Смерть и бес-смертие поэта: М-лы науч. конф. М.: РГГУ, 2001. С. 89–100.
56. Калмыкова В.В. Велимир Хлебников // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политич. энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 507–512.
- [New Revue]. Vol. 80. New York, 1965, pp. 86–104. (In Russ.)
2. Levin, Yu.I. O. Mandelshtam. Levin, Yu.I. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 1998, pp. 9–155. (In Russ.)
3. Adamovich, G.V. *Neskolko slov o Mandelshtame* [A Few Words about Mandelstam]. *Vozdushnye puti* [Air Ways]. Vol. II. New York, 1961, pp. 87–101. (In Russ.)
4. Brown, C. Mandelstam. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 1973. 328 p.
5. Etkind, E. *Materiya stiha* [The Matter of Verse]. Paris, Institut d'études slaves Publ., 1978. 506 p. (In Russ.)
6. Semmler-Vakareliyska, C.V. Mandel'stam's "Solominka". *Slavic and East European Journal*. Vol. 29, 1985, No. 4, pp. 405–421.
7. Mandelshtam, O.E. *Solominka* [Straw]. Mandelshtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 3-h t. T. 1. Stihotvoreniya. Sost. A. G. Mets* [Complete Works and Letters: In 3 Vols. Vol. 1. Poems. Ed. A.G. Mets]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009, pp. 95–96. (In Russ.)
8. Goldberg, S. The poetics of return in Osip Mandelstam's "Solominka". *Russian literature*. Vol. 45, 1999, No. 2, pp. 131–147.
9. Pomerants, G. *Slovo – Psiheya* [The Word is Psyche]. *Slovo i sudba: O. Mandelshtam. Issledovaniya i materialy*. Red. Z.S. Papernyj [The Word and Fate: O. Mandelshtam. Research and materials. Ed. Z.S. Papernyj]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 389–398. (In Russ.)
10. Goldberg, S. *Mandelshtam, Blok i granicy mifopoe-ticheskogo simvolizma. Perev. s angl. V. Tretyakova* [Mandelshtam, Blok and the Boundaries of Mythopoeic Symbolism. Transl. from the Engl. V. Tretyakov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 344 p. (In Russ.)
11. Moskvin, V. On stylistic devices as style elevators in the Russian language. *Russian Linguistics*. Vol. 41, 2017, No. 3, pp. 283–315.
12. Δημητρίου, Φαληρέως. Περί ἑρμηνείας. Glasgae: Ex Officina R. Foulis, 1743. 197 p.
13. Ἰωάννου, του Σικελιώτου. Ἐξηγήσεις εἰς τὰς ἰδέας του Ἑρμογένους. *Rhetores Graeci* / Ed. Ch. Walz. Vol. VI. Stuttgartiae et al., 1834. P. 56–504.
14. Ἑρμογένους Περί εὐρέσεως. *Rhetores graeci*. Ed. Ch. Walz. Vol. VII. Pars II. Stuttgartiae et al., 1834. P. 695–860.
15. Vetter, I.F. *Periodologia, seu Doctrina succincta de conscribendis periodis*. Lubecae: Sumptibus Ionae Schmidii, 1744. 158 p.
16. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 334 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Braun, K. *Tajnaya svoboda Osipa Mandelshtama* [The Secret Freedom of Osip Mandelstam]. *Novyj zhurnal*

17. Hermann, G. *Elementa doctrinae metricae*. Glasguae: Excudebant Andreas et Jacobus Duncan, 1817. 530 p.
18. Maurus, Rabanus. *Excerptio de Arte grammatica Prisciani*. Maurus Rabanus. *Opera omnia*. Tomus quintus. Lutetiae Parisiorum, 1864. P. 613–677.
19. Langens, J. *Verbesserte und erleichterte lateinische Grammatica mit einem paradigmatischen und dialogischen Tirocinio*. Halle: In Verlegung des Waisenhauses, 1787. 447 p.
20. Martinius, P. *The Key of the Holy Tongue*. Transl. J. Udall. Ed. 2. Amsterdam: Printed for C. P., 1645. 192 p.
21. [Bathe, W.] *Centuriae*. [Bathe, W.] *Janua linguarum* [...]. Editio octava, prioribus locupletior, opera et studio Th. Horne. Londini, 1634. P. 1–160.
22. Tarrant, R. *Introduction*. Virgil. *Aeneid*. Book XII. Cambridge, 2012. P. 1–54.
23. Gasparov, M.L. “*Solominka*” *Mandelstam: Poetika chernovika* [Mandelstam’s “Straw”: Draft Poetics]. Gasparov, M.L. *Izbrannye statji* [Selected Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 185–197. (In Russ.)
24. Vejdle, V.V. *Pevuchie yamby* [Singing Iambic]. Vejdle, V.V. *Nasledie Rossii* [Russia’s Heritage]. Moscow; Berlin, Direkt-Media Publ., 2017, pp. 392–428. (In Russ.)
25. Dionysii, Halicarnassensis *De compositione verborum liber*. Graece et latine. Ed. G.H. Schaefer. Lipsiae et al.: In libraria Weidmannia, 1808. 683 p.
26. Orlov, V. *Pereputya* [Crossroads]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1976. 365 p. (In Russ.)
27. Averincev, S. *Tak pochemu zhe vse-taki Mandelstam?* [So Why Mandelstam after all?]. *Novyj mir* [New World]. 1998, No. 6, pp. 216–220. (In Russ.)
28. Mandelstam, N.Ya. *Vospominaniya. Kniga vtoraya* [Memories. Book Two]. Paris, YMCA Publ., 1983. 722 p. (In Russ.)
29. Danilova, S.F. Andronikova Salomeya. *Mandelstamovskaya enciklopediya: v 2 t. Gl. red. P.M. Nerler, O.A. Lekmanov* [The Mandelstam Encyclopedia: in 2 Vols. Ed. P.M. Nerler, O.A. Lekmanov]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2017, Vol. 1, pp. 74–75. (In Russ.)
30. Teffi, N.A. *Moya letopis* [My Chronicle]. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 378 p. (In Russ.)
31. Musatov, V.V. *Lirika O. Mandelstama* [Lyrics by O. Mandelstam]. Kyiv, Nika-Centr Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
32. Mets, A.G. *Kommentarii* [Comments]. Mandelstam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 3-h t. T. 1. Stihotvoreniya. Sost. A.G. Mets* [Complete Works and Letters: In 3 Vols. Vol. 1. Ed. A.G. Mets]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009, pp. 517–735. (In Russ.)
33. Limonov, E. *Krasavica, vdohnovlyavshaya poeta* [The Beauty Who Inspired the Poet]. *Sintaksis* [Syntax]. Vol. 29. Paris, 1990, pp. 139–149. (In Russ.)
34. Zholkovsky, A.K. *Limonov na literaturnyh Olimpih (Limonov / Mandelstam)* [Limonov at the Literary Olympics (Limonov / Mandelstam)]. Zholkovsky, A.K. *Izbrannye statji o russkoj poezii: invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Selected Articles about Russian Poetry: Invariants, Structures, Strategies, Intertexts]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 2005, pp. 232–245. (In Russ.)
35. Nerler, P.M. *Primechaniya* [Notes]. Mandelstam, O. *Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. Stihotvoreniya* [Essays in Two Volumes. Vol. 1. Poems]. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 1990, pp. 441–611. (In Russ.)
36. Dutli, R. *My age, my beast: Osip Mandelstam. Biography / Transl. from the German K. Azadovsky*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)
37. Surat, I.Z. *Mandelstam and Pushkin*. Moscow, IMLI Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)
38. Hardzhiev, N.I. *Primechaniya* [Notes]. Mandelstam, O. *Stihotvoreniya. Sost. i primech. N.I. Hardzhieva. Vstup. st. A.L. Dymshitsa* [Poems. Ed. N.I. Hardzhiev. Introductory by A.L. Dymshitsa]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1978, pp. 249–316. (In Russ.)
39. P. Rutilii, Lupi *De figuris sententiarum et elocutionis libri duo*. Leiden: Apud Samuelem et Joannem Luchtmans, Academias Typographos, 1768. 276 p.
40. Eizenshtein, S.M. *Montazh (1938)* [Mounting (1938)]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2016. 71 p. (In Russ.)
41. Ivanov, V.V. *Dva primera anagrammaticeskikh postroenij v stihah pozdnego Mandelstama* [Two Examples of Anagrammatic Constructions in the Poems of the Late Mandelstam]. Ivanov, V.V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kultury. T. 2* [Selected Works on Semiotics and Cultural History. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoj kultury Publ., 2000, pp. 435–442. (In Russ.)
42. Averincev, S.S. *Sudba i vest Osipa Mandelstama* [The Fate and Message of Osip Mandelstam]. Mandelstam, O.E. *Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. Stihotvoreniya* [Essays in Two Volumes. Vol. 1. Poems]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1990, pp. 5–64. (In Russ.)
43. Lunts, L.N. *Cekh poetov [1922]* [Workshop of Poets [1922]]. Lunts, L.N. *Literaturnoe nasledie* [Literary Heritage]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2007, pp. 340–343. (In Russ.)
44. Freidin, G. *A coat of many colors: Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation*. Berkley & Los Angeles: Univ. of California Press, 1987. 421 p.
45. Kozhevnikov, A.Yu. *Bolshoj sinonimicheskij slovar russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskij*

- spravochnik. V 2-h t. T. 2* [A Large Synonymous Dictionary of the Russian Language. Speech Equivalents: a Practical Guide. In 2 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Neva Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
46. Mandelshtam, O.E. "Kogda, solominka, ne spish v ogromnoj spalne...". *Chernovoj avtograf* ["When, Straw, You Don't Sleep in a Huge Bedroom...". Rough Autograph]. Mandelshtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 3-h t. T. 1. Stihotvoreniya. Sost. A.G. Mets* [Complete Works and Letters: In 3 Vols. Vol. 1. Poems. Ed. A.G. Mets]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009, pp. 453–455. (In Russ.)
47. Panova, L. "Uvorovannaya" Solominka. *K literaturnym prototipam lyubovnoj liriki Osipa Mandelshtama* ["The Stolen" Straw. To Literary Prototypes of Osip Mandelshtam's Love Lyrics]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2009, No. 5, pp. 111–151. (In Russ.)
48. Ivanov, V.V. *Mandelshtam i nashe budushchee* [Mandelshtam and Our Future]. Mandelshtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 3 t. T. 1* [Complete Works and Letters: In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009, pp. 3–40. (In Russ.)
49. Taranovsky, K.F. *Ocherki o poezii Mandelshtama* [Essays on Mandelstam's Poetry]. Taranovsky, K.F. *O poezii i poetike* [About Poetry and Poetics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2000, pp. 13–208. (In Russ.)
50. Tolstoy, A.N. *O dramaturgii* [About Drama]. *A.N. Tolstoy o literature i iskusstve* [A.N. Tolstoy on Literature and Art]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1984, pp. 144–162. (In Russ.)
51. Chukovsky, N.K. *O tom, chto videl* [About what I saw]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 686 p. (In Russ.)
52. Mabbott, Th.O. Notes [to Ligeia]. The collected works of Edgar Allan Poe. In 3 vols. Ed. T.O. Mabbott. Vol. 2. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1978. P. 330–334.
53. Sochivko, A.V., Kaabak, L.V. *Opredelitel babochek Rossii. Dnevnye babochki* [The Determinant of Butterflies of Russia. Daytime Butterflies]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 320 p. (In Russ.)
54. Ronen, O. An approach to Mandel'shtam. Jerusalem: Magnes Press, 1983. 396 p.
55. Kshondzer, M.K. *Reminiscencii iz Edgara Po v lirike Osipa Mandelshtama* [Reminiscences from Edgar Poe in the Lyrics of Osip Mandelstam]. *Smert i bessmertie poeta: M-ly nauch. konf.* [Death and Immortality of the Poet. Materials of the Scholar Conference]. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 89–100. (In Russ.)
56. Kalmykova, V.V. Khlebnikov Velimir. *Mandelshtamovskaya enciklopediya: v 2 t. Gl. red. P.M. Nerler, O.A. Lekmanov* [The Mandelstam Encyclopedia: in 2 Vols. Ed. P.M. Nerler, O.A. Lekmanov]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2017, Vol. 1, pp. 507–512. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 декабря 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 января 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
 Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 27, 2022
 Revised on January 12, 2023
 Accepted on February 15, 2023
 Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей

© 2023 г. Р. К. Потапова

Доктор филологических наук,
профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38
rkpotapova@yandex.ru

© 2023 г. В. В. Потапов

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
volikpotapov@gmail.com

Резюме. Смена традиционного эпистолярного стиля обмена информацией между людьми на сверхскоростной способ интернет-коммуникации оказала большое влияние не только на интеллектуальную составляющую коммуникантов, но прежде всего на формирование эмоционального состояния последних, а также на формирование когнитивно-эмоционального восприятия окружающего мира. Этот фактор особое значение имел не только для формирования молодежной психики общающихся, но и для изменения целостной картины мира, в которой эмоционально-модальные составляющие коммуникации играют далеко не последнюю роль в формировании личности представителей современного молодого поколения.

Благодарность. Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ). Проект № 22-28-01050.

Ключевые слова: молодежная интернет-коммуникация, современный эпистолярный стиль Интернета, формирование эмоционального портрета личности коммуникантов, когнитивная картина мира, киберугроза.

Для цитирования: Потапова Р.К., Потапов В.В. Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 52–62. DOI: 10.31857/S160578800025501-7

On Emotionally Colored Speech of Internet Users

© 2023 Rodmonga K. Potapova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics
at the Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russia
rkpotapova@yandex.ru

© 2023 Vsevolod V. Potapov

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
volikpotapov@gmail.com

Abstract. The switch from the traditional epistolary style of information exchange between people to the ultra-high-speed Internet communication had a great impact not only on the intellectual component of the communicants, but primarily on the formation of the emotional state of the latter, as well as the formation of the cognitive-emotional perception of the world around. This factor was of particular importance not only for the formation of the psyche of young communicants, but also for changing the holistic picture of the world, where the emotional and modal components of communication play an important role for the formation of the personalities of the representatives of the modern young generation.

Acknowledgements. The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01050.

Key words: Internet communication among youth, modern epistolary style of the Internet, formation of an emotional portrait of the personalities of communicants, cognitive picture of the world, cyberthreat.

For citation: Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Ob emocionalno okrashennoj rechi internet-polzovatelej* [On Emotionally Colored Speech of Internet Users]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 52–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Введение

На протяжении всей истории человечества основополагающей формой развития личности было непосредственное или опосредованное общение. В этом отношении формы общения отличались большим разнообразием: от первобытных рисунков до современных средств коммуникации. Особое значение приобрел эпистолярный стиль коммуникации, в процессе развития которого совершенствовались языковые формы влияния на адресатов сообщения.

С течением времени разрабатывался и совершенствовался эпистолярный стиль, который позволял коммуникантам не только описывать события, формулировать требования и т.д., но влиял также и на эмоциональное состояние адресата. Эта особенность эпистолярного стиля является основополагающей для описания эмоционального “портрета” коммуникантов с охватом огромного диапазона положительных и отрицательных эмоций.

При рассмотрении современной интернет-коммуникации с позиции классических норм обмена информацией можно утверждать, что “...с точки зрения диалогичности сущность конкретного человека есть совокупность всех его диалогических отношений с другими людьми и объективным миром... Существующие между конкретными людьми отношения диалогичности разделяет на диалогические, антидиалогические и индифферентные. Диалогические отношения

всегда являются одновременно субъект-субъектными и субъект-объектными, индифферентными и антидиалогическими — субъект-объектными” [1, с. 30]. Таким образом, с нашей точки зрения, началом всех начал обмена информацией можно считать любое диалогическое единство, становящееся исходным элементом модели межличностной коммуникации, отражающей “картину мира” информационного и эмоциогенного характера. Поэтому можно предположить, что классический эпистолярный стиль заложил основу современной интернет-коммуникации, впитав в себя все оттенки человеческих отношений. Огромную отрицательную роль сыграли факторы снятия барьеров (табу) личной ответственности (анонимность), а также факторы влияния и подражания, что органично вписалось в мировую парадигму интернет-коммуникации.

Особенности межличностной коммуникации в эпоху цифровых технологий

В процессе преобразования вербального сигнала, то есть сигнала гуманитарного профиля в цифровой код, во всем мире используется так называемая OSI-Model (Модель связи открытых систем — Open Systems Interconnection Model), предназначенная для переноса разноуровневых данных, которая была разработана Международной организацией по стандартизации (International Organization for Standardization — ISO). Данная модель является многослойной и включает семь уровней позиций: от уровня

цели применения до уровня переноса информации в битах, включая уровни презентации, локализации, транспортизации (переноса), доставки и безопасности [2, с. 46]. Применительно к гуманитарным наукам использование цифровых технологий целесообразно, если речь идет о решении таких задач, как, например, проведение анализа на большом статистически значимом текстовом массиве, поиск языковых конструкций определенного типа и т.д. (см. [Там же]). Что же касается исследования тонких семантических нюансов, аллюзий, авторского стилистического своеобразия при передаче смысла текста и т.д., то в данном случае возникает задача более сложная по сравнению с ранее упомянутыми задачами. Поскольку наша задача определяется выявлением особенностей поведения человека в эпоху цифровизации, соотносящихся с отражением этих особенностей в акте цифровой коммуникации, постольку на передний план выходят эмоциональные корреляты информационного наполнения в рамках коммуникативного акта в целом. Особое значение приобретает исследование, в ходе которого в центре внимания рассматривается субъект-пользователь Интернета, находящийся в условиях постоянного взаимодействия не только с другими интернет-коммуникантами, но и со знаково-символическими кодами самой виртуальной среды [3].

Все вышесказанное позволяет поставить вопрос: а насколько нова эмоциосфера человека в “эпоху цифры”? Чем она отличается и отличается ли от опыта всей предшествующей эры коммуникации? Известно, что эмоции всегда отличались свойством “заражать” тех, на кого они направлены в соответствующих ситуациях и жизненных условиях: например, в ситуациях эскалации: от тревожности, обеспокоенности, боязни, страха к ужасу, панике, шоку... Насколько это ново в эпоху цифры?

Эмоциогенный характер определенного рода стимулов хорошо известен в психологии и психиатрии. Именно *emotio*, а не *ratio*, прежде всего, толкает людей на совершение преступлений, неординарных поступков и т.д. В то же время, мы наблюдаем, что именно масштабность цифровой коммуникации способствует преобразованию диалога в антидиалог. Способствует этому также масштабная виральность, то есть распространение информконтента методом “вирусного заражения” [4].

Современная цифровая среда, в которую в наше время “помещен” человек, коренным образом отличается от всех видов ситуативных предпосылок, при которых развивались, наблюдались,

изучались, классифицировались и интерпретировались эмоции человека ранее. Человек и его эмоциональные реакции на окружающую действительность рассматривались прежде всего как результат биологических, физиологических, психологических процессов [5]; [6].

Благодаря сетевой коммуникации изменились виды социального взаимодействия, не ограниченного никакими рамками этики, условностей, правил, правдоподобия, честности, истинности. Современная “цифровая личность” (ранее мы ввели понятие “электронная личность” [7]) функционально вовлечена в постоянные итерации между собственным “Я” и сетевым окружением. И чем шире это пространство, тем разнообразнее комбинаторика эмоциональных реакций. Функционирующие в цифровой среде *информационные процессы* коренным образом изменяют *когнитивную модель мира* индивидуума, подчиняя набор индивидуальных эмоционально-модальных реакций этой сформулированной в цифровой сети модели общепринятому когнитивному “эталону”.

“Согласно когнитивно-поведенческому подходу, который преобладает в настоящее время в современных представлениях о дисфункциональных эмоциях, эмоциональные реакции — это интерпретация психосоциального мира...” [6, с. 20]. Человек, помещенный в условия интернет-коммуникации, с нашей точки зрения, оказывается в положении “частички” целостного цифрового организма, по правилам которого ему надлежит функционировать, постоянно приспосабливаясь к его особенностям, преодолевая свое природное идиосинкразическое начало, “ломая” себя в эмоционально-модальном плане. Тем самым цифра оказывает “перестраивающее” воздействие на личность, изменяя ее настроение, темперамент, эмоции. Существенную роль при этом играет функционирование “конфликтогена”, рассматриваемого нами как следствие эндогенных и экзогенных процессов формирования личности [8]. Идиосинкразия цифровой личности переструктурируется, исчезает индивидуальность, образуется мнение “цифрового монстра” — толпы. Все эмоционально-модальные индивидуальные различия стерты. Все подчинено цифровому Молоху. Отсюда возникает эффект преобладания негативных эмоционально-модальных состояний, невроза, раздражительности, дистресса, злости, страха, враждебности, агрессии, беспокойства и т.д., который “вырывает” человека из контекста классического эпистолярного стиля и превращает его в обладателя *квазитекста (квазиинформации)*, не имеющего ничего общего с первичным

исходным информирующим текстом [лат. quasi – как будто, будто бы].

Цифровая коммуникативистика с учетом эмоционально-модального подхода

Современная цифровая коммуникативистика, по нашему мнению, нарушает индивидуальную когнитивно-мотивационно-реляционную модель поведения человека в сетевой среде, позволяя, с одной стороны, войти в число исследуемых областей цифровой гуманитаристики, с другой стороны, проанализировать особенности передачи эмоциональной информации с помощью дименсионального (параметрического) подхода, который включает факторно-аналитические способы определения минимального числа параметров, соотносящихся с наибольшим числом эмоциональных вариантов. Благодаря этому подходу были определены три основные категории изучения эмоций: *позитивность – негативность, напряженность – релаксация, активация – дезактивация (торможение)* [7, с. 89]. Для каждой конкретной эмоции были разработаны ключевые реляционные ситуации, которые, по нашим наблюдениям, полностью вписываются в вариативность сетевого цифрового поведения коммуникантов (Таблица 1).

Таблица 1

Любовь	Участие в привязанности
Благодарность	Признательность
Сочувствие	Желание быть полезным

Все вышеперечисленные эмоционально-модальные состояния в рамках исследуемой проблемы являются, с одной стороны, результатами процесса коммуникации, с другой стороны, эмоциогенным *триггером* (спусковым механизмом) для начала нового витка эмоциональной модификации, то есть реализуется *модель, которая бесконечна, спиралеобразна и итеративна*.

В ходе развития эмоции дифференцируются и образуют у человека различные виды, различающиеся по своим психологическим особенностям и закономерностям своего протекания. К эмоциональным, в широком смысле, процессам в настоящее время принято относить аффекты, собственно эмоции и чувства [9]. К эмоциональным объектам относится, как правило, широкий класс процессов внутренней регуляции деятельности человека. Эту функцию они выполняют, отражая тот смысл, который имеют, и ситуации, воздействующие на субъекта, их значения для осуществления его жизни [Там же, с. 77]. В отличие от аффектов собственно эмоции представляют собой длительные состояния. Они имеют отчетливо выраженный ситуативный характер, то есть выражают оценочное, личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них [Там же, с. 77–78]. Более условным и менее общепринятым является выделение *чувств* как особого подкласса эмоциональных процессов. Основанием для их выделения служит их отчетливо выраженный предметный характер, возникающий в результате специфического обобщения эмоций. Существенную роль в формировании и развитии высших человеческих чувств имеют социальные установки [Там же, с. 79].

Что же касается аффектов¹, то «...у человека аффекты вызываются не только факторами, затрагивающими поддержание его физического существования. Они могут возникать также в складывающихся *социальных отношениях*, например, в результате социальных оценок и санкций.

¹ По Аристотелю, аффект (лат. afficere – воздействовать, поражать) – это “обозначение всех душевных побуждений, которые сопровождаются удовольствием или страданием: влечение, гнев, страх, отвraga, злоба, радость, любовь, ненависть, тоска, зависть и жалость. Примыкая к учению Платона о душе, ... стоики определяли аффекты как неразумные душевные состояния, которые способствуют разрушению естественных побуждений” [11, с. 35].

Некоторые примеры причинно-следственной связи между реальным стимулом и эмоциональной реакцией

Гнев	Ответ на унижение, оскорбление
Тревога	Чувство неопределенности, угрозы
Испуг	Моментальная, конкретная, всеохватывающая физическая опасность
Чувство вины	Нарушение моральных установок
Чувство стыда	Неудача в достижении эго-идеала
Печаль	Переживание безвозвратной потери
Зависть	Состояние несправедливой обделенности
Ревность	Обида за утрату привязанности
Счастье	Достижение желаемой цели
Гордость	Повышение собственной эго-идентичности
Облегчение	Изменение к лучшему после пережитого
Надежда	Вера в улучшение ситуации

Повторение ситуаций, вызывающих то или иное отрицательное аффективное состояние, ведет к аккумуляции аффекта, которая может разрядиться в бурном неуправляемом аффективном поведении – «аффективном взрыве» [Там же, с. 77].

С нашей точки зрения, изучение эмоций на материале интернет-коммуникации должно базироваться прежде всего на комплексном междисциплинарном подходе, в основе которого лежит поведенческая психология индивидуума. Например, К. Ясперс объединяет рассмотрение чувств и эмоциональных состояний с позиций психологического поведения [10], включая феноменологическую классификацию согласно объекту чувства, источнику, биологической цели, интенсивности и длительности процесса.

По мнению Р. Филера, любой вид межличностной коммуникации может быть представлен с помощью ряда моделей ответных эмоциональных реакций со стороны адресата, то есть с позиций современной исследовательской идеологии является эмоциональным триггером дальнейшей коммуникативной реакции. К числу моделей эмоциональных ответных реакций адресата Р. Филер [12, с. 96–97] относит: физиологические реакции (дрожь, побледнение); невокализованные невербальные реакции (мимика, жестика, проксемика); вокализованные невербальные реакции (смех, стон, аффектированные звуки); вербальные проявления (выбор слов, выбор темы, призывы, упреки и т.д.); вербально-эмоциональные средства коммуникации (упреки, угрозы); вербализацию значительных событий, процессов; описание ситуативных подробностей пережитого события; вербализацию пережитых событий и их тематические подробности и т.д.

На основе психометрических исследований были обнаружены некоторые физиологические корреляты эмоциональных измерений. Установлено, что связь между позитивными и негативными эмоциями тем слабее, чем более длительным является период оценки их испытуемыми [13]. В данной модели принимается во внимание активация и дезактивация эмоций, реализуемая в сферическом пространстве. В сферической модели два полюса: полюс интенсивного негативного переживания (активация) и полюс слабого негативного переживания (дезактивация). Подобная зависимость наблюдается и для положительных эмоций.

Современный фреймовый подход к проблеме описания эмоций

Для анализа эмоциосферы в цифровой сети определяющее значение имеет анализ фреймов,

цель которого: выявление, описание и изучение устойчивых смысловых структур (фреймов), в рамках которых реализуется информационное содержание анализируемого материала. Обычно предполагается [14], что: первичными исходными системами фреймов являются фреймы социума, культуры, природы; число и виды фреймов зависят от формирования реальности; системы фреймов не заданы в качестве жестких алгоритмов, так как находятся постоянно в процессе формирования; фреймы – это ключи, которые способны переключать наше внимание, восприятие с одного уровня на другой.

На перцептивном, ментальном и когнитивном уровнях функционируют пять основных фреймовых ключей (по И. Гофману) [15]: «фейк» – выдумка, посредством которой осуществляется постановочное представление ситуации [16], отличающееся от реальности (театр, кинематограф, СМИ); «состязания» – переключение фрейма схватки (борьбы) в безопасную сферу игры (ощущение риска и неопределенности); «церемониал» как ритуальные действия, запускающие механизм приписывания социальных ролей и распределения соответствующих полномочий; «техническая переделка» или «перенастройка», с помощью которой реальная ситуация представлена ее образами в сопровождении четких фоновых указаний на их восприятие; «переосмысление» как своеобразный ключ к пониманию мотивов действия игроков в ситуациях, когда образ не соответствует реальности (махинации и подтасовки фактов) [17].

По мнению ряда исследователей Германии в области психологии и науки о коммуникации (коммуникативистики), современная психология пост-фактов (то есть фактов, изложенных в сообщениях и их отражений в цифровой среде) характеризуется эмоциогенностью; вниманием к обсуждению известных личностей, деятелей и т.д.; главным сдвигом в информационном содержании в сторону наиболее негативных фактов, событий и т.д. Выбор алгоритмов должен быть согласован с типами информконтента и личностью, о которой идет речь. Эти алгоритмы подачи информконтента о личности должны заранее отражать связь между данной личностью и относящейся к ней информацией, совпадающей с исходным мнением об этой личности [18].

Так, например, с точки зрения М. Аппеля [19], картина выглядит мрачно. При обмене мнениями вместо правды и правдоподобия преобладают буллинг, троллинг, ложь, жульничество, мошенничество и т.д. Автор считает, что в связи с установкой

“все поставить с ног на голову” возникло много неологизмов. К ним относятся прежде всего такие слова, как: *das Postfaktische*, *postfaktisch* (нем.), *post-truth* (англ.) (постфакты, постфактический) (сообщения). Для обозначения начала эпохи лжи для информконтента было введено новое слово “постфактический / постфактуальный период (эра)”, которое в Германии в 2016 г. было объявлено Юридическим Обществом немецкого языка Германии “словом года”. Постфактическая эра охватывает медийный период за последние 25 лет и связана с распространением Интернета с 1990-х годов, а также с появлением с конца 2000-х таких социально-сетевых платформ, как Фейсбук, Инстаграм, Твиттер.

По мнению немецких исследователей [17], Интернет предоставляет информацию в еще никогда до этого не существовавшей форме доступа. Более того, он позволяет беспрепятственно распространять информацию лицам, не являющимся ни журналистами, ни экспертами в содержательной области информации и т.д. Все это с учетом большого числа пользователей, получающих информацию, ведет к снижению и изменению содержания и качества самой информации.

Вседоступность к обмену информацией в Интернете привела к тому, что все особенности индивидуальности психики человека, его социальные и антисоциальные поведенческие привычки, уровень интеллектуального развития, психопатологические наклонности и т.д. оказались “достоянием” макросоциума благодаря свободе и беспрепятственности передачи информационного контента. Естественно, что мультимодальная поликодовая природа передачи информации в цифровую эпоху стала основным оптимальным каналом, включающим вербальный текст, образительно-художественную иллюстративность и музыкальное сопровождение, служащие для решения основной коммуникативной задачи – воздействовать на психику человека, изменить его когнитивно-оценочные реакции на окружающий мир и т.д.

Признак “токсичность” в интернет-коммуникации

В настоящее время в процессе анализа языка СМИ крайне распространенным является термин “токсичность” [20, с. 188]; [21, с. 214], который характеризует вредоносный характер содержания высказывания. В вербальной сетевой коммуникативистике появился ряд лексем, служащих для обозначения наличия фактов “токсичности”, например: буллинг, троллинг, хейтинг, моббинг, сталкинг, менспрединг, сексинг и др. Сам термин

“токсичность” является частью семантического поля “заразность”, “заразить”, “заразительный”, что соотносится со значениями в данном случае переносного характера: воспринять, усвоить от кого-либо, увлечься чем-либо, нести в себе заразу, заставить других подражать, нанести себе вред от процесса заражения и т.д. Поливекторный подход к анализу различных видов проявления “интернет-токсичности” обеспечивает междисциплинарное рассмотрение феномена “интернет-токсичность”: а) поликодовость языковых средств, включающая, помимо вербальных, другие коды передачи информации (например, графические, образительные); б) жанровость, охватывающая различные типы медийного общения (например, посты, чаты, комментарии, мемы и т.д.); в) тестирование шкалы для измерения склонности к использованию интернет-токсичности; г) психологический анализ личности, склонной к реализации интернет-токсичности, включая элементы психопатологии и психопатии; д) провокативно-эвокативная роль интернет-токсичности.

К числу основных причин, побуждающих к токсичности в Интернете, можно отнести следующие: агрессию, жажду издевательств над слабыми, потребность в жертве, садизм, мазохизм, самоутверждение, подражание, тщеславие, физические и психические недостатки, моду, стремление к известности любой ценой, недостаток в социально ориентированном воспитании и т.д. Кроме того, типичным для проявления токсичности является вторжение в запретные, неприличные и обидные темы как компенсация собственной несостоятельности, а также, как следствие известности, наличия команды единомышленников и общественной значимости; использование “подставных профилей” (подставных авторов постов). Для токсичных постов характерно также использование таких терминов, как хейтер – ненавистник, волонтер (отсутствие собственной социальной и творческой реализации, скрытая жажда признания); сталкинг, сталкеры – выход в реальный мир; моббинг – коллеги “любят” того, кто “встряхнул их болото”, и др.

Те, кому свойственны демонстративность, эгоцентричность, истероидный склад психики, любят быть в центре внимания, страдают от его отсутствия. При наличии циклотимии возникает резкая смена настроения: от эйфории и агрессии до апатии и депрессии, мнительность, повышенная возбудимость, подверженность разнообразным фобиям и т.д. В число представителей, “наделенных токсичностью” в Интернете, как

правило, входят “недолайканные” – недополучившие публично восхищения, известности, и “недобаненные” – те, у которых личная жизнь однообразна, неинтересна, монотонна.

Что же понимается под термином “интернет-токсичность”? На этот вопрос существует много ответов, смысл которых концентрируется вокруг понятия “поведение коммуниканта в социальной сети, вводящее в заблуждение адресата(-ов), препятствующее нормальной коммуникации, содержащее элементы противоречия, а также иронию, которая не должна быть понята другими пользователями, включающая оскорбления, издевки, угрозы насилия и т.д. Одним словом, включающие ярко выраженную эмотивную составляющую” [22]. Интернет-токсичность имеет особенно широкое распространение среди молодежи на мировых анонимных платформах, в различного рода чатингах, где типичными языковыми моделями являются “расизмы” и “сексизмы” (приведенные термины являются очень распространенными в классификации негативных оценок в интернет-коммуникации, что связано с оскорблениями и издевательствами в области социальной и гендерной принадлежности интернет-коммуникантов). Исследование психики лиц, склонных к ярко выраженной интернет-агрессии и конфликтогенности, показывает, что все личностные особенности интернет-поведения укладываются в формулу “The Big Five” (“Великая пятерка”). Данная модель была разработана для систематизации психологических показателей, соотносящихся со склонностью личности к различным видам провокационного и эвокационного интернет-поведения. К числу пяти основных признаков, которые у разных личностей имеют индивидуальную степень выраженности, авторы относят *нейротизм, экстравертизм, склонность (открытость) к приобретению опыта, выносливость и порог совестливости* [Там же]. Особую сложность представляют комбинации вышеперечисленных признаков личности в различных пропорциях. Разные соотношения вышеперечисленных признаков могут указывать, например, на преобладание психопатии, садизма, нарциссизма и макиавеллизма [Там же]. Результатом подобной комбинаторики является поиск в сети “жертвы” и целевая манипуляция адресатом(-ами), что приводит к провокационно-эвокационным эффектам разномасштабного формата.

При обращении к вербальным особенностям “интернет-токсичности”, как правило, опираются на лексический и синтактико-семантический анализ исследуемого материала. В этом плане

лингвисты накопили уже достаточно солидный опыт. Активно подключаются программисты совместно с лингвистами, например, для решения этой задачи реализуются разработки программного подхода к автоматизации поиска “следов” семантико-лексической информации. Предложен оригинальный подход к решению задачи с опорой на дистрибуцию деривативных единиц русскоязычного словообразования, а также на метод графемной субституции [23]. Таким образом, вербалика является как бы “поверхностным слоем” интернет-токсичности, включающим вербально-коммуникативную компетенцию коммуникантов, соотносящуюся с шестью функциями речевой коммуникации (по Р. Якобсону) [24]: экспрессивной (вербально отражающей эмотивность высказывания); конативной (апеллятивно-побудительной); референтной (коммуникативно-когнитивно-денотативной); фатической (контактно-устанавливающей); метаязыковой (поясняющей особенности языкового кода, используемого в сообщении); поэтической (концентрирующей внимание на форме сообщения).

Заключение

Если исходить из признака пресуппозиции, то есть учитывать “фонд знаний автора сообщения”, то особое значение приобретает лингвистический вектор анализа при решении задачи, например, портретирования личности, коммуницирующей в поликодовой среде Интернета. Естественно, что список векторов, предложенных в данном сообщении, был бы неполным без привлечения когнитивной информации, соотносящейся с картиной мира интернет-коммуникантов, особенностей ментальных процессов в рамках деятельностной модели коммуникации, характеризующейся *процессуальностью, континуальностью и контекстуальностью*. Именно когниции, охватывающие знание и мышление, реализуются в каждом индивидууме, определяя специфику его поведения.

Изучение и описание “портрета личности” (“profiling”), поведение которой характеризуется токсичностью, на базе различных ситуаций депривации, фрустрации, вражды и ненависти, входит в компетенцию представителей ряда научных направлений. Таким образом, исследование широкомасштабного феномена коммуникативной токсичности в сетевой коммуникации требует междисциплинарного подхода с учетом знаний в области, например, нейрофизиологии, психологии, психиатрии, психопатологии, когнитологии, лингвистики и др. [3]; [25].

В связи с этим возникает проблема специального исследования, позволяющего ответить на следующие вопросы: насколько нова эмоциональная сфера человека в эпоху цифровизации, какие эмоциональные триггеры включены в сетевую коммуникацию, в чем заключается феномен токсичности современных средств передачи поликодовой информации: вербальной, паравербальной, невербальной и экстравербальной [26]; [27]; [28]; [29], использование которой в цифровой среде приобрело гигантские масштабы и позволило расширить границы фреймового анализа цифровой текстовой и дискурсивной материи. В представленной концепции особое внимание уделяется моделированию процесса соотношения – формирования когнитивной сферы человека с учетом факторов: искаженной реальности; реальности и виртуальности с первичной ролью реальности; виртуальности и реальности с первичной ролью виртуальности; абсолютной виртуальности.

Особое внимание следует уделять результатам междисциплинарного исследования в области влияния на когнитивные и нейрофизиологические параметры эмоционального состояния пользователей Интернета цифрового контента. При этом отмечается особая роль копинга (противодействия) во взаимодействии коммуникантов в цифровой среде, а также в изучении когнитивно-поведенческих эмоциональных функций применительно к интернет-коммуникации.

На основе наших исследований была разработана модель хроматических подвидов (модуляций) эмоциональных состояний, реализуемых в процессе коммуникации, а также представлены результаты анализа эффекта информационного резонанса применительно к эмоционально маркированным интернет-нарративам, содержащим эмоционально-модальные переходы от одних эмоционально-модальных состояний к другим. Вседоступность к обмену информацией в Интернете привела к тому, что особенности индивидуальной психики человека, его социальные и антисоциальные поведенческие маркеры, уровень интеллектуального развития, психопатологические наклонности и т.д. оказались достоянием макросоциума благодаря свободе и беспрепятственности передачи информационного контента. Естественно, что мультимодальная поликодовая природа передачи информации в цифровую эпоху стала благоприятным основным каналом, включающим текстовую вербалику, изобразительно-художественную иллюстративность экстравербалики, музыкальное сопровождение и т.д., служащих для решения основной

коммуникативной задачи: *воздействовать на психику человека, изменить его когнитивно-оценочные реакции на окружающий мир* и т.д.

Концепция эпистолярной диалогии преобразуется в концепцию эпистолярной антидиалогии. Сама по себе схема развития: текст → интертекст → *квазитекст* становится универсальной, а модель – итерационной. Естественно, что переход от одних эмоциональных и эмоционально-модальных состояний не дискретен, а, как правило, континуален, что можно сравнить, с нашей точки зрения, с хроматической гаммой в музыке (по полутонам), где переходы от одного эмоционального и эмоционально-модального состояния к другому часто неуловимы, но тем и опаснее для конечного эффекта воздействия на адресата(-ов) (например, от удивления → к раздражению, гневу, шоку и т.д.; от обеспокоенности, тревожности → к страху, ужасу, панике и т.д.). Например, *любой вид фрустрации и депривации порождает итерацию эмоциогенных наслоений, коренным образом изменяя поведение личности*. Следовательно, при цифровом варианте коммуникации происходит подмена факторов, влияющих на психику личности: влияет не внешняя среда как таковая, а многократно переформатированная стимульная сущность, выраженная в моно- и поликодовом режимах: текст, изображение, различного рода музыкальные и акустические шумы и др. Когнитивная сфера индивидуума формируется уже не под влиянием реальности, а под влиянием многократно переформатированной интернет-виртуальности, воспринимаемой пользователями как аналог действительности.

Цифровые технологии настолько облегчили людям задачу уничтожения “противника” с помощью тонкой смысловой перекодировки текстов (от текста, через интертекст → к квазитексту) или посредством создания “искусственного фантома”, обладающего целым набором необходимых для антирекламы свойств. Появилась эмоциогенность невидимого масштаба, устои соотношения между *ratio* и *emotio*, формировавшиеся веками и тысячелетиями с опорой на метафоричность языка, исчезли. Появились новые лингво-стилистические регистры социально- сетевого дискурса, реализуемые на базе фрустрации, депривации, аддикции [30].

Следует еще раз подчеркнуть, что мотивационная сфера жизнедеятельности “цифровой личности” коренным образом отличается от мотиваций представителей предшествующих поколений. Основная причина заключается в скорости, объемах и “пестротекстовости” поступающей

информации, отличающейся зачастую наличием прямой зависимости от установки “заказчиков”, формирующих информационный контент, который в ряде случаев является токсичным.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что информационное содержание цифровой эпистолярной диалогии (и, естественно, полилогии) включает два основных вектора: рациональный и эмоциональный, что, естественно, воздействует не только на отдельных коммуникантов, но и на ход мировых событий в целом.

Таким образом, многоликая, разнообразная и во всех отношениях доступная коммуникация пользователей Интернета является, как мы уже указывали ранее, современным способом реализации эпистолярного жанра обмена информацией, что в силу доступности и скорости передачи информации является существенным фактором формирования современной личности, то есть своего рода “цифровой личности”, и способствует переформатированию эмоционального “портрета” молодежного контингента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буш Г. Диалогика и творчество. Рига: Авотс, 1985. 318 с.
2. Digital Humanities: Eine Einführung / F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2017. 370 S.
3. Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агибалова Т.В. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 136 с.
4. Виральность. Механики и метрики. URL: <http://community.sk.ru/news/reading/b/advisorblog/archive/2013/03/10/mehanizmyvarialnosti.aspx>
5. Panksepp J. Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks // *Neuroscience. Abstracts*. 1988. No. 14. P. 287.
6. Пэйн Р.Л., Кунер К.Л. Эмоции и работа. Теории исследования и методы применения / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 544 с.
7. Потапова Р.К., Потапов В.В. Основы многоаспектного исследования “электронной личности” по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // *Человек: Образ и сущность*. ИНИОН РАН. 2017. № 1–2. С. 87–111.
8. Потапова Р.К. О комбинаторно-конверсиональной природе конфликтогена // *Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак*. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 5–16.
9. Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002. 752 с.
10. Jaspers K. *Allgemeine Psychopathologie*. 8, korrig. Aufl. Springer, 1973. 764 S.
11. Брокгауз. *Философия: концепции, мыслители, понятия* / Пер. с нем. СПб: Амфора. ТИД Амфора: РХГА, 2010. 423 с.
12. Fiehler R. *Kommunikation und Emotion*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1990. 338 S.
13. Watson D., Tellegen A. Toward a consensual structure of mood // *Psychological Bulletin*. 1985. 98. P. 219–235.
14. Minsky M. *A framework for representation knowledge*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1974. 76 p.
15. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston (Mass.): Northeastern University Press; 1986. 586 p.
16. Вахитейн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011. 334 с.
17. Сарна А. Интертекстуальный анализ // *Новые медиа: социальная теория и методология исследований* / Отв. ред. О.В. Сергеева, О.В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017. С. 87–89.
18. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. 224 S.
19. Appel M. Die Psychologie des Postfaktischen—Einleitung und Überblick // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 1–7.
20. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. Изд. 17-е. М.: Русский язык, 1985. 797 с.
21. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
22. Rieger D., Dippold J., Appel M. Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet // *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 45–58.
23. Потапов В.В., Маслова Н.Е. О структурном моделировании провокационно-эвокационных словоформ русскоязычного сегмента Интернета // *Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак*. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 50–61.
24. Jakobson R. *Verbal communication* // *Scientific American*. 1972. Vol. 227. № 3. P. 73–80.

25. Потанова Р.К., Потанов В.В., Лебедева Н.Н., Агубалова Т.В. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М.: Издательский Дом ЯСК, 2015. 352 с.
26. Потанова Р.К. Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. Изд. 4-е, доп. М.: Книжный дом “Либроком”, 2010. 600 с.
27. Потанова Р.К., Потанов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. 496 с.
28. Potapova R.K., Potapov V.V. Kommunikative Sprech-tätigkeit: Rußland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2011. 320 S.
29. Потанова Р.К., Потанов В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.
30. Potapova R. From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // International Conference “Global Science and Innovation”. USA, Chicago, November 18–19th, 2015. P. 129–137.
8. Potapova, R.K. *O kombinatorno-konversionalnoy prirode konfliktogena* [On the Combinatorial-Conversion Nature of the Conflictogen]. *Yazyk v globalnom kontekste: yazykovyye kontakty i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Sb. nauch. Trudov. Otv. red. V.V. Potapov, Ye.A. Kazak* [Language in a Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World: Collection of Scientific Works. Ed. V.V. Potapov, E.A. Kazak]. Moscow, INION RAN Publ., 2021, pp. 5–16. (In Russ.)
9. *Psikhologiya motivatsii i emotsiy. Pod red. Yu.B. Gippenreyter, M.V. Falikman* [Psychology of Motivation and Emotions. Ed. Yu.B. Gippenreyter, M.V. Falikman]. Moscow, CheRo Publ., Moskovskiy psikhologosotsialnyy institut Publ., 2002. 752 p. (In Russ.)
10. Jaspers, K. *Allgemeine Psychopathologie*. 8, korr. Aufl. Springer, 1973. 764 S. (In German)
11. Brokgauz. *Filosofiya: kontseptsii, mysliteli, ponyatiya* [Philosophy: Concepts, Thinkers, Concepts]. St. Petersburg, Amphora Publ., 2010. 423 p. (In Russ.)
12. Fiehler, R. *Kommunikation und Emotion*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1990. 338 S. (In German)
13. Watson, D., Tellegen, A. Toward a consensual structure of mood. *Psychological Bulletin*. 1985, No. 98, pp. 219–235.
14. Minsky, M. *A framework for representation knowledge*. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 1974. 76 p.
15. Goffman, E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston (Mass.), North-eastern University Press, 1986. 586 p.
16. Vakhshteyn, V.S. *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of Everyday Life and the Theory of Frames]. St. Petersburg, Yevropeyskiy un-t Publ., 2011. 334 p. (In Russ.)
17. Sarna, A. *Intertekstualnyy analiz* [Intertextual analysis]. *Novyye media: sotsialnaya teoriya i metodologiya issledovaniy. Otv. red. O.V. Sergeeva, O.V. Tereshchenko* [New Media: Social Theory and Research Methodology. Ed. by O.V. Sergeeva, O.V. Tereshchenko]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2017, pp. 87–89. (In Russ.)
18. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. 224 S. (In German)
19. Appel, M. *Die Psychologie des Postfaktischen: Einleitung und Überblick. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, “Lügenpresse”, Clickbait & Co*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2020. S. 1–7. (In German)
20. Ozhegov, S.I. *Slovar russkogo yazyka. Izd. 17-ye* [Dictionary of the Russian Language. The 17th Edition]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 797 p. (In Russ.)
21. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Modern Explanatory Dictionary of

REFERENCES

1. Bush, G. *Dialogika i tvorchestvo* [Dialogue and Creativity]. Riga, Avots Publ., 1985. 318 p. (In Russ.)
2. *Digital Humanities: Eine Einführung*. F. Jannidis, H. Kohle, M. Rehbein (Hg.). Stuttgart, J.B. Metzler Verlag, 2017. 370 S. (In German)
3. Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V. *Polikodovaya sreda Interneta i problemy valeologii* [Polycode Environment of the Internet and Problems of Valueology]. Moscow, Izdatelskiy Dom YASK Publ., 2020. 136 p. (In Russ.)
4. *Viralnost. Mekhaniki i metriki* [Virality. Mechanics and Metrics]. URL: <http://community.sk.ru/news/reading/b/advisorblog/archive/2013/03/10/mehanizmyvarialnosti.aspx> (In Russ.)
5. Panksepp, J. Posterior pituitary hormones and separation distress in chicks. *Neuroscience. Abstracts*. 1988, No. 14, pp. 287.
6. Payne, R.L., Cooper, C. *Emotsii i rabota. Teorii issledovaniya i metody primeneniya. Per. s angl.* [Emotions at Work: Theory, Research and Applications. Transl. from English]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2008. 544 p. (In Russ.)
7. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Osnovy mnogoaspektного issledovaniya “elektronnoy lichnosti” po golosu i rechi v informatsionno-kommunikatsionnoy srede Interneta* [Fundamentals of the Multi-Versatile Voice and Speech Research of the “Electronic Personality” on the Information and Communication Internet Medium]. *Chelovek: Obraz i sushchnost* [Man: Image and Essence]. INION RAN. 2017, No. 1–2, pp. 87–111. (In Russ.)

- the Russian Language. Ed. S.A. Kuznetsov]. Moscow, Riderz Daydzhest Publ., 2004. 960 p. (In Russ.)
22. Rieger, D., Dippold, J., Appel, M. Trolle gibt es nicht nur in Märchen – das Phänomen Trolling im Internet. *Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, "Lügenpresse", Clickbait & Co.* Berlin, Heidelberg, Springer Verlag, 2020. S. 45–58. (In German)
23. Potapov, V.V., Maslova, N.Ye. *O strukturnom modelirovanii provokatsionno-evokatsionnykh slovoform russkoyazychnogo segmenta Interneta* [On Structural Modeling of Provocative-Evocative Word Forms in the Russian-Speaking Segment of the Internet]. *Yazyk v globalnom kontekste: yazykovyye kontakty i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Sb. nauch. Trudov. Otv. red. V.V. Potapov, Ye.A. Kazak* [Language in a Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World: Collection of Scientific Works. Ed. V.V. Potapov, E.A. Kazak]. Moscow, INION RAN Publ., 2021, pp. 50–61. (In Russ.)
24. Jakobson, R. Verbal communication. *Scientific American*. 1972, Vol. 227, No. 3, pp. 73–80.
25. Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V. *Mezhdistsiplinarnost v issledovanii rechevoy poliiinformativnosti* [Interdisciplinarity in the Study of Speech Polyinformativity]. Moscow, Izdatelskiy Dom YASK Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
26. Potapova, R.K. *Rech: Kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika. Izd. 4, dop.* [Speech: Communication, Information, Cybernetics. The 4th Extended Edition]. Moscow, Knizhnyy dom "Librokom" Publ., 2010. 600 p. (In Russ.)
27. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Yazyk, rech, lichnost* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2006. 496 p. (In Russ.)
28. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Kommunikative Sprechfähigkeit: Rußland und Deutschland im Vergleich*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2011. 320 S. (In German)
29. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Rehevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech Communication: From Sound to Utterance]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2012. 464 p. (In Russ.)
30. Potapova, R. From Deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication. *International Conference "Global Science and Innovation"*. USA, Chicago, November 18–19th, 2015, pp.129–137.

Дата поступления материала в редакцию: 27 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 26 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 27, 2022

Revised on January 26, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025502-8

Эпическое слово: др.-исл. *holl* ‘палата, чертог’ в “Старшей Эдде”

© 2023 г. Т. В. Топорова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
t1960@list.ru

Резюме. Многокомпонентный анализ др.-исл. *holl* ‘палата, чертог’ в скандинавском эпосе – “Старшей Эдде” – призван объяснить принципы дистрибуции данной лексемы и её дериватов. Используются методы *статистические*, учитывающие частотность употреблений, *грамматические*, описывающие её падежную парадигму, *морфологические*, определяющие типы сочетания компонентов композита в дериватах, *синтаксические*, устанавливающие релевантные функции, *этимологические*, способные к актуализации в определённых ситуациях, *мифологические*, характеризующие тяготение к тем или иным мифологемам, мотивам, сюжетам или мифам, *поэтические* (аллитерации, звуковые повторы, анаграммы) и *экстралингвистические*, указывающие на связь с “миром вещей”. Можно констатировать, что др.-исл. *holl* использовалось для номинации *нижнего мира*, загробного царства (др.-исл. *Val-holl* ‘павших чертог’), предназначенного для погибших на поле брани, а затем после ассоциации с *небом*, куда были перенесены жилища богов, первоначально локализуемые на земле, приобрело черты идеального пространства, рая, символом которого являлась *пиришественная палата*.

Ключевые слова: древнеисландский язык, эпос, “Старшая Эдда”, мифопоэтическая модель мира, контекст, семантика, грамматика, морфология, синтаксис, этимология, семантическая реконструкция.

Для цитирования: Топорова Т.В. Эпическое слово: др.-исл. *holl* ‘палата, чертог’ в “Старшей Эдде” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 63–71. DOI: 10.31857/S160578800025502-8

Epic Word: O.-Icel. *holl* ‘hall, dwelling’ in the Elder Edda

© 2023 Tatyana V. Toporova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
t1960@list.ru

Abstract. Multicomponent analysis of O.-Icel. *holl* ‘hall, dwelling’ in the Scandinavian epic – “The Elder Edda” – is intended to explain the principles of distribution of this lexeme and its derivatives. *Statistical* methods are used, taking into account the frequency of use, *grammatical*, describing its case paradigm, *morphological*, determining the types of combination of components of the composite in derivatives, *syntactic*, establishing relevant functions, *etymological*, capable of actualization in certain situations, *mythological*, characterizing the attraction to certain mythologems, motifs, plots or myths, *poetic* (alliterations, sound repetitions, anagrams) and *extralinguistic*, indicating a connection with the “world of things”. It can be stated that O.-isl. *holl* was used to nominate the underworld (O.-Icel. *Val-holl* ‘the hall of the slain’), intended for those who died on the battlefield, and then, after association with the sky, where the dwellings of the gods,

originally localized on earth, were transferred, acquired features of an ideal space, paradise, the symbol of which was the banquet hall.

Key words: Old Icelandic language, epic, “Elder Edda”, mythopoetic model of the world, context, semantics, grammar, morphology, syntax, etymology, semantic reconstruction.

For citation: Toporova, T.V. *Epicheskoe slovo: dr.-isl. höll ‘palata, chertog’ v “Starshej Edde”* [Epic Word: O.-Icel. *höll* ‘hall, dwelling’ in the Elder Edda]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 63–71. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025502-8

Эпическое слово, функционирующее в знаменитом древнеисландском поэтическом памятнике – “Старшей Эдде” ([1]; [2], основная рукопись Codex Regius 2365 второй половины XIII в.), объединяющей песни мифологического и героического циклов, – уникально по своей природе и требует особого ориентированного на контекст или текстоцентрического [3] подхода, так как оно обладает аксиологическим статусом и отражает концепты архаической мифопоэтической модели мира, определяемой как “сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах” [4, с. 161].

Для адекватного исследования эпического слова и кодируемых им денотатов разработана специальная схема описания¹, учитывающая многообразие факторов, влияющих на конституирование его значения:

- решающее значение для определения лексико-семантических тождеств и различий приобретает *контекст* как непосредственная среда существования слова;
- для осмысления принципов дистрибуции лексемы в тексте применяется анализ распределения эпического слова по числам и падежам, и учитываются статистические данные;
- этимология позволяет увидеть индоевропейскую перспективу формирования значения;
- мифология эксплицирует тяготение слова к тому или иному мифу, сюжету или мотиву;
- поэтика отражает актуальные связи лексем в пределах эддического текста.

Перейдём к непосредственному анализу интересующей нас лексемы.

¹ Она основана на исследованиях русского фольклора [5]; [6] и впервые была применена автором при анализе обозначений *горы* в “Старшей Эдде” [7, с. 9–11].

1) Заголовочное слово: др.-исл. **höll**;

2) Фонетические / морфологические варианты: **hallr, hallar, hallir, höll, höllina, höllinni, höllo**;

3) Контексты:

а) в мифологических песнях: Inn scal ganga Ægis **hallir** í, / á þat sumbl at síá (Ls. 3; 4) “Внутрь должен я войти в *палаты* Эгира / на этот пир посмотреть”*; Síðan gecc Loki inn **höllina** (Ls. 5 проз. 1) “После этого Локи вошёл в *палату*”; Þyrstr ec kom þessar **hallar** til, / Loptr, um langan veg (Ls. 6) “Жаждой томимый, я пришёл к этой *палате*, / Лофт, после долгого пути”*; síðr oss Loki qveði lastastofom / Ægis **höllo** í (Ls. 10) “чтобы Локи не начал говорить нам бранные речи / в *палате* Эгира”*; at þú qveðira lastastofom / Ægis **höllo** í (Ls. 16) “чтобы ты не говорил бранные речи / в Эгира *палате*”*; Losa ec qveðsa lastastofom / Ægis **höllo** í (Ls. 18) “Локи я не говорю бранные речи / в *палате* Эгира”*; Veit ec, ef fyr útan værac, svá sem fyr innan emc / Ægis **höll** um kominn (Ls. 14) “Знаю я, что если бы я был снаружи, как сейчас я внутри / вошёл Эгира *палаты*”*; Veiztu. ef ec inni ættac Ægis **höllom** í / Baldri lícan bur (Ls. 27) “Знаешь, если бы я имела внутри Эгира *палат* / сына, подобного Бальдру”*;

б) в героических песнях: Sigurðr reið einn saman oc kom til **hallar** Grípis (Grp. проз. 3) “Сигурд ехал один и приехал в *палату* Грипира”*; Lét hon mar fara moldveg sléttan, / unz at hári kom **höll** standandi, / oc hon inn um gecc endlangan sal (Od. 3) “Пустила коня по ровным путям, / пока к высокому не приехала *дому* стоящему / и не прошла внутрь вдоль зала”*; at gogðom kom hann Giúca oc at Gunnars **höllo**, // becciom aringreypom oc at bióri svásom (Акв. 1) “к чертогам прибыл он Гьюки и *залу* Гуннара, / к скамьям у очага и сладкому пиву”*; Inn kom þá annspilli, hvat úti drýgðo, // hátt fyr **höllo**; heyrðo þræl segia (Am. 45) “Дошли новости, что снаружи происходили, / громко перед *домом*; услышали, что слуга говорит”*; þá er í **höll** húnscar þjóðar / eld á iofri ormbæðs litom (Gðr. I 26) “когда мы увидели в *доме* гуннов / на князе огонь

ложа дракона²”; Umðo ǫlscálar Atla, vínhoǫgar, // þá er í **höll** saman Húnar tǫlduz (Акв. 34) “Звенели чаши Атли, от пива тяжёлые, / когда в *палате* гунны собрались”³; mér í **höll**o Herkia sagði, / at þit Þjóðregr undir þaki svæfit (Gðr. III 2) “Херкья сейчас мне в *палате* сказала: / с Тьодреком ты уснула на ложе”; Þiggja knáttu, þengill, í þinni **höll**o // glaðr at Guðrúno gnadda niðfarna (Акв. 33) “Конунг, прими в *палате* твоей / радостный от Гудрун зверёнышей, в хель ушедших”³; Glaumr var í **höll**o, halir ǫlreifr (Нм. 18) “Шум был в *палате*, люди весёлые от пива”³; Sæll es þá þættomc, ef es síá knætta // Namði oc Sǫrla í **höll**o minni (Нм. 21) “Счастливы я был бы Сёрли и Хамдира / увидеть в *доме* моём”; hiálm oc sciöld hvítastan, kominn ór **höll** Kiárs (Акв. 7) “шлем и щит белейший, происходящие из *дома* Кьяра”³; **höll** gacc þú ór snemma! (Акв. 15) “из *дома* уходи скорее!”³; Hann hittir mann at máli úti fyrir **höllinni** (Grp. проз. 4) “Он встретил какого-то человека для разговора снаружи перед *палатой*”³; unz es **höll** Hálf, háva, þærac (Gðr. II 13) “пока я *дом* Хальва высокий не заметила”³; enn eptir drap hon Atla oc brendi **höllina** oc hirðina alla (Акв. проз. 3) “а потом убила самого Атли и сожгла *палату* и всю дружину”; þótt vér qván eigim, þá er þér kunnid, / eða ióð eigim innan **hallar** (Vkv. 33) “хотя мы жену имеем, тебе известную, / и дитя имеем внутри *палаты*”³; Hon beð broddi gaf blóð at drecca, // hendi helfússi, oc hvelpa leysti; // hratt fyrir **hallar** dygg, oc húskarla vacpi (Акв. 41) “Постель она с лезвия кровью напоила, / рукой, к Хель готовой, и псов отпустила; / толкнула дверь *палаты* и домочадцев разбудила”³;

4) Количество словоупотреблений:

а) в мифологических песнях: 9;

б) в героических песнях: 17;

5) Толкование: “**höll** f, ‘halle’, das (einräumige) wohnhaus der großen, auch Odins u. der riesen; vgl. val-, þys-höll” [9, S. 109]; “**höll** f. ‘hall’, (one-room) dwelling of people of high rank; also used of Odin’s and the giants’ halls; cf. val-, þys-höll” [10, p. 132]; “**höll** f. <...> [A.S. heal, Engl. hall, Hel. halla, but not found in old and mid. H.G. the mod. Germ. halle being a borrowed word <...>; — a hall, but in the Norse only of a king’s or earl’s hall, whereas a private dwelling is called skáli, eldhús, and thus ‘hall’ never could be used of an Icel. dwelling. In earlier times it seems to have had a more general sense, which remains in a verse of Kormak, Korm. 42: — in the mythology and old poems ‘hall’ is also used of the hall of gods, giants, Vm., Нум.,

Ls.; **Val-höll**, Valhalla, the hall of the slain, of Odin; as also **Guðs höll**, God’s hall = the heaven, Geisli; **dags höll**, day’s hall, the sky <...>. For the building, structure, seats of a hall see the Sagas” [11, p. 1957, 309–310];

6) Денотат: *палаты* морского великана Эгира, в которых был устроен пир для богов (Ls.); *палаты* Грипира, сына Эйлими, брата Хьёрдис (Grp. проз. 3); *палаты* Гьюки и Гуннара (Акв. 1); *палаты* Атли (Акв. проз. 3); *палаты* гуннов (Акв. 34); *палаты* византийского императора (Акв. 3); *иной мир*, ‘павших чертог’ (др.-исл. Val-höll), в котором обитают воины, погибшие на поле брани;

7) Грамматическая информация:

– тип основы: -ō- основа;

– род: женский;

– число: ед. ч. (Ls. 5 проз. 1; 6; 10; 14; 16; 18; Vkv. 33; Grp. проз. 3; 4; Gðr. I 26; Gðr. II 13; Gðr. III 2; Od. 3; Акв. проз. 3; 1; 7; 15; 33; 34; 41; Am. 45; Нм. 18; 21); мн. ч. (Ls. 3; 4; 27);

– падеж (+ модель управления): род. пад. (**hallar** (Акв. 41); innan **hallar** “внутри палаты” (Vkv. 33); **hallar** til “к палате” (Ls. 6); til **hallar** Gripi (Grp. проз. 3)); дат. пад. (at ... **höll**o “к палате” (Акв. 1); fyrir **höll**o “перед домом” (Am. 45); fyrir **höllinni** “перед палатой” (Grp. проз. 4); í **höll** (Gðr. I 26; Акв. 34); í **höll**o (Gðr. III 2; Акв. 33; Нм. 18; 21); **höll**o í “в палате” (Ls. 10; 16; 18); **höllom** í “в палатах” (Ls. 27); ór **höll** “из дома” (Акв. 7); **höll** ... ór (Акв. 15); вин. пад. (**höll** (Gðr. II 13); at ... **höll** “к палате” (Od. 3); fyrir innan ... **höll** “внутри ... (в) палату” (Ls. 14); **höllina** (Акв. проз. 3); inn **höllina** “в палату” (Ls. 5 проз. 1); Inn ... **hallir** í (Ls. 3; 4) “Внутри ... в палаты”);

8) Этимология: “**höll** f. ‘halle’, nisl. höll, fär. höll, nnorw. schw. hall, ndä. hal. <...> ae. heall, as. ahd. halla. — vgl. hel ‘totenreich; Todesgöttin’” [12, S. 281];

9) Словообразование: -;

10) Словосложение в мифологических песнях:

а) в качестве первого элемента композита: -;

б) в качестве второго элемента композита:

Val-höll ‘павших чертог’ (“f. welsche halle (Акв. 2 u. 14); vgl. Valhöll als halle der gefallenen” [9, S. 213]) < др.-исл. valr ‘павший на поле боя’ (“valr m. die leichen auf der walstatt” [9, S. 213]) & др.-исл. höll ‘чертог’: enn Frigg um grét í Fensǫlom // vá **Valhallar** (Vsp. 33) “оплакала Фригг, в Фенсалир сидя, / *Вальхаллы* скорбь”;

² “Огонь ложа дракона — золото” [8, с. 242].

³ “Кьяр — в данном случае, вероятно, византийский император” [8, с. 247].

⁴ Некоторые существительные ж. р. склонения на -ō- (“на-пример, höll ‘палата’) имеют в дат. ед. ч. окончание -u” [8, с. 55].

en gullbiarta // **Valhöll** víð of þrumir; // enn þar Hroptir kúss hverian dag // vápndauda vera (Grm. 8) “Радости дом называется пятый [чертог], там золотом яркая / *Вальхалла* широкая пребывает; // Там Один выбирает каждый день / воинов, убитых в бою”⁵; Fimm hundruð dura oc um fiórom togom, // svá hygg es at **Valhöllu** vera (Grm. 23) “Пять сотен дверей и сорок ещё // думаю я, есть в *Вальхалле*”⁵; nú er rōc rōcra, rīða vit scolom // til **Valhallar** oc til vés heilags (Hdl. 1) “Тьма тьмушая, поскакать мы должны // в *Вальхаллу* и в святилище священное”⁵;

11) Количество словоупотреблений в мифологических песнях:

- а) в качестве первого элемента композита: -;
  - б) в качестве второго элемента композита: 4;
- 12) Словоупотребление в героических песнях:
- а) в качестве первого элемента композита: -;
  - б) в качестве второго элемента композита:

Naugr var gorr eptir Helga. Enn er hann kom til **Valhallar**, þá bauð Óðinn hánom at ráða með sér (НН. II 38 проз. 1–2) “Холм был насыпан на могиле Хельги. И когда он пришёл в *Вальхаллу*, Один предложил ему править вместе с ним”⁵; Drusso þar dróttmegir – enn dyliendr þogðo – // vín í **valhöllu**, vreiði sáz þeir Húna (Акв. 2) “Пили дружинники, – молчали предатели -, / вино в *вальхалле*”⁵; enn þar drass Atli vín í **valhöllu**; verðir sátu úti (Акв. 14) “Атли там пил в *вальхалле* вино; стражи сидели снаружи”⁵;

Þys-höll ‘шума чертог’ (“*f. lærmvolle halle* (Акв. 29)” [9, S. 245]) < др.-исл. **þyss** ‘шум’ (“*þyss*, m. *an uproar, tumult from a crowd*” [11, p. 755]) & др.-исл. **höll** ‘чертог’: Guðrún sigtíva // varnaði víð tárom, vaðin í **þyshöllu** (Акв. 29) “Гудрун победы богов / воздержалась от слёз, войдя в *шума палату*”⁵;

13) Количество словоупотреблений в героических песнях:

- а) в качестве первого элемента композита: -;
- б) в качестве второго элемента композита: 4;

14) Грамматика сложных слов с обозначением *палаты* в качестве второго компонента:

- а) в мифологических песнях: -;
- б) в героических песнях: **subst. & subst. (val-höll** ‘павших палата’; **þys-höll** ‘шума палата’);

15) Морфологические модели композитов с обозначением *палаты*:

- а) в мифологических песнях: -;

⁵ “*Вальхалла*. – Так названы палаты Атли в данной песни (обычно *Вальхалла* – палаты Одина)” [8, с. 247].

б) в героических песнях: -;

16) Семантика композитов:

а) в мифологических песнях: -;

б) в героических песнях:

павший & палата: др.-исл. **val-höll**;

шум & палата: др.-исл. **þys-höll**;

17) Синонимы: at **gōrðom** kom hann Giúca oc at Gunnars **höllu**, // becciom aringreupom oc at bióri svásom (Акв. 1) “к *чертогам* прибыл он Гьюки и *залу* Гуннара, / к скамьям у очага и сладкому пиву”⁵; Lét hon mar fara moldveg sléttan, / unz at hári kom **höll** standandi, / oc hon inn um gecc endlangan **sal** (Od. 3) “Пустила коня по ровным путям, / пока к высокому не приехала *дому* стоящему / и не прошла вдоль *палаты*”⁵;

18) Антонимы:

палата – дорога: Þyrstr es kom þessar **hallar** til, / Loþtr, um langan **veg** (Ls. 6) “Жаждой томимый я, пришёл к этой *палате*, / Лофт, после долгого *пути*”⁵; Lét hon mar fara moldveg sléttan, / unz at hári kom **höll** standandi (Od. 3) “Пустила коня по ровному *пути*, / пока к высокому не приехала *дому* стоящему”⁵;

палата – снаружи: Veit es, ef fyr **útan** værac, svá sem fyr innan emc / Ægis **höll** um kominn (Ls. 14) “Знаю я, что если бы я был *снаружи*, как сейчас я внутрь / вошёл в Эгира *палаты*”⁵; Inn kom þá annspill, hvat **úti** drýgðo, // hátt fyr **höllu**; heyrðo þræl segia (Am. 45) “Дошли новости, что *снаружи* происходили, / громко перед *домом*”⁵; Hann hitti mann at máli **úti** fyrir **höllinni** (Grp. проз. 4) “Он встретил какого-то человека для разговора *снаружи* перед *палатой*”⁵;

19) Гиперонимы: -;

20) Гипонимы: -;

21) Ассоциативный комплекс:

а) с существительными:

палата – пиво: Glaumr var í **höllu**, halir ölfreifir (Hm. 18) “Шум был в *палате*, люди весёлые от *пива*”⁵; at gōrðom kom hann Giúca oc at Gunnars **höllu**, // becciom aringreupom oc at bióri svásom (Акв. 1) “к *чертогам* прибыл он Гьюки и *залу* Гуннара, / к скамьям у очага и сладкому *пиву*”⁵; Umðo ölfscálar Atla, vínhoðgar, // þá er í **höll** saman Húnar tōlduz (Акв. 34) “Звенели чаши *пива* Атли, от *пива* тяжёлые, / когда в *палате* гунны собрались”⁵;

палата – шум: Glaumr var í **höllu**, halir ölfreifir (Hm. 18) “*Шум* был в *палате*, люди весёлые от *пива*”⁵; Umðo ölfscálar Atla, vínhoðgar, // þá er í **höll** saman Húnar tōlduz (Акв. 34) “*Звенели* чаши *пива*

Атли, от пива тяжёлые, / когда в *палате* гунны собрались”*

б) с прилагательными:

палата — радостный / счастливый: Þiggia knáttu, þengill, í þinni **hóllo** // **gláðr** at Guðrúno gnadda nifffarna (Акв. 33) “Конунг, прими в *палате* твоей / *радостный* от Гудрун зверёнышей, в хель ушедших”*; **Sæll** ec þá þættomc, ef ec síá knætta // Hamði oc Sǫrla í **hóllo** minni (Нм. 21) “*Счастлив* я был бы Сёрли и Хамдира / увидеть в *доме* моём”;

в) с наречиями:

палата — внутри: Veit ec, ef fyr útan værac, svá sem fyr **innan** emc / Ægis **hóll** um kominn (Ls. 14) “Знаю я, что если бы я был снаружи, как сейчас я *внутри* / вошёл Эгира *палаты*”*; Veiztu. ef ec **inni** ættac Ægis **hóllom** í / Baldri lícan bur (Ls. 27) “Знаешь, если бы я имел *внутри* Эгира *палат* / сына, подобного Бальдру”*; еða ióð eigim **innan hallar** (Vkv. 33) “и дитя имеем *внутри палаты*”*;

22) *Палаты* — субъект (что? — подлежащее): см. предикаты субъекта;

23) *Палаты* — объект (что? — дополнение): ср. именное словосочетание *палаты дверь*: hratt fyr **hallar dyrr**, oc húskarla vasþi (Акв. 41) “толкнула *дверь палаты* и домохозяев разбудила”*; см. также предикаты объекта;

24) Поссесоры *палат* (чьи *палаты*?): **великаны** (Эгир (Ls. 3; 4; 10; 14; 16; 18; 27); **Гьюки, Гуннар** (Акв. 1); **Атли** (Акв. проз. 3; 34); **Хальв** (Gðr. II 13); **Грипир** (Grp. проз. 3); **гунны** (Gðr. I 26); **император** (Акв. 7);

25) *Палаты* — локус (где? — в *палатах*): см. предикаты локуса;

26) *Палаты* — направление, цель (куда? — в *палаты*): см. предикаты направления, цели;

27) *Палаты* — инструмент (чем? — *палатами*): -;

28) Атрибуты *палат*:

высокий: lét hon mar fara moldveg sléttan, / unz at **hári** kom **hóll** standandi, / oc hon inn um gecc endlangan sal (Od. 3) “Пустила коня по ровным путям, / пока к *высокому* не приехала *дому* стоящему / и не прошла *внутри* вдоль *палаты*”*; unz ec **hóll** Hálfis, **háva**, þesrac (Gðr. II 13) “пока я *дом* Хальва *высокий* не заметила”*;

29) Предикаты *палат*:

— предикаты *палат* как субъекта:

стоять: unz at hári kom **hóll standandi** (Od. 3) “пока к *высокому* не приехала *дому* *стоящему*”*;

— предикаты *палат* как объекта:

видеть (замечать): unz ec **hóll** Hálfis, **háva**, þesrac (Gðr. II 13) “пока я *дом* Хальва *высокий* не заметила”*;

поджигать: enn eptir drap hon Atla oc **brendi hólлина** oc hirðina alla (Акв. проз. 3) “а потом убила самого Атли и *подожгла палату* и всю дружину”;

— предикаты *ограды, палат* как локуса:

быть (происходить): Glaumr var í **hóllo**, halir ǫrreifir (Нм. 18) “Шум *был* в *палате*, люди весёлые от пива”*; Inn kom þá annspilli, hvat úti **drýgðo**, // hátt fyr **hóllo**; heugtó þræl segia (Am. 45) “Дошли новости, что снаружи *происходили*, / громко перед *домом*; услышали, что слуга говорит”*;

видеть: þá er í **hóll** húnsкар þjóðar /eld á iǫfri ormbeds **litom** (Gðr. I 26) “когда мы *увидели* в *доме* гуннов / на князе огонь ложа дракона”; Sæll ec þá þættomc, ef ec síá knætta // Hamði oc Sǫrla í **hóllo** minni (Нм. 21) “Счастлив я был бы Сёрли и Хамдира / *увидеть* в *доме* моём”;

встретить: Hann **hitti** mann at máli úti fyrir **hóllinni** (Grp. проз. 4) “Он *встретил* какого-то человека для разговора снаружи перед *палатой*”*;

говорить: síðr oss Loki **qvedi** lastastofom / Ægis **hóllo** í (Ls. 10; аналогично 16; 18) “чтобы Локи не начал *говорить* нам бранные речи / в *палате* Эгира”*; mér í **hóllo** Herkia **sagði**, / at þit Þjóðrecr undir þaki svæfit (Gðr. III 2) “Херкья сейчас мне в *палате* *сказала*: / с Тьодреком ты уснула на ложе”;

иметь: Veiztu. ef ec inni ættac Ægis **hóllom** í / Baldri lícan bur (Ls. 27) “Знаешь, если бы я *имела* *внутри* Эгира *палат* / сына, подобного Бальдру”*; еða ióð **eigim** innan **hallar** (Vkv. 33) “и дитя *имеем* *внутри палаты*”*;

принимать: Þiggia knáttu, þengill, í þinni **hóllo** // gláðr at Guðrúno gnadda nifffarna (Акв. 33) “Конунг, прими в *палате* твоей / *радостный* от Гудрун зверёнышей, в хель ушедших”*;

собираться: ... þá er í **hóll** saman Húnar **tölduz** (Акв. 34) “... когда в *палате* гунны *собрались*”*;

— предикаты *палат* как направления, цели:

быть (происходить из палат): hiálm oc sciöld hvítastan, **kominn** ór **hóll** Kíárs (Акв. 7) “шлем и щит белейший, *происходящие* из *дома* Кьяра”*;

идти, входить, приходиться, приезжать, уходить: Inn scal **ganga** Ægis **hallir** í (Ls. 3; 4) “*Внутри* должен я *войти* в *палаты* Эгира”*; Síðan **gecc** Loki inn **hólлина** (Ls. 5 проз. 1) “После этого Локи *вошёл* в *палату*”; Þyrstr ec **kom** þessar **hallar** til, / Loptr, um langan veg (Ls. 6) “Жаждой томимый, я *пришёл* к этой *палате*, / Лофт, после долгого пути”*;

Ægis höll um kominn (Ls. 14) “вошёл в Эгира *палаты*”⁶; Sigurðr ... kom til hallar Grípis (Grp. проз. 3) “Сигурд ... *приехал в палату* Грипира”⁶; ... unz at hári kom höll standandi (Od. 3) “... пока к высокому не *приехала дому* стоящему”⁶; at gøðom kom hann Giúca oc at Gunnars hóllo (Акв. 1) “к чертогам *прибыл* он Гьюки и *залу* Гуннара”⁶; höll gacc þú ór snetma! (Акв. 15) “из *дома* *уходи* скорее!”⁶;

– предикаты *палат* как инструмента: -;

30) Сравнение, параллелизм: -;

31) Звуковая игра:

– звуковые повторы:

– аллитерация: ... unz at hári kom höll standandi (Od. 3) “... пока к высокому не *приехала дому* стоящему”⁶; hátt fyr hóllo; heyrðo þræl segia (Am. 45) “громко *перед домом*; *услышали*, что слуга *говорит*”⁶; þá er í höll húnskar þjóðar (Gðr. I 26) “когда в *доме* гуннов”; þá er í höll saman Húnar tǫðuz (Акв. 34) “когда в *палате* гунны *собрались*”⁶; mér í hóllo Herkia sagði (Gðr. III 2) “Херкья *сейчас мне в палате* сказала”; Hamði oc Sǫrla í hóllo minni (Hm. 21) “Хамдира и Сёрли / *увидеть в доме* моём”⁶;

AB – AB: hiálm oc sciöld hvítastan, kominn ór höll Kíars (Акв. 7) “шлем и щит *белейший*, *происходящие* из дома Кьяра”⁶; unz es höll Hálfis, háva, þesras (Gðr. II 13) “пока я *дом* Хальва *высокий* не заметила”⁶;

анаграмма: hendi helfússi, oc hvelpa leysti; // hratt fyr hallar dygg, oc húskarla vacði (Акв. 41) “рукой, к Хель *готовой*, и псов *отпустила*; / *толкнула* дверь *перед палатами* и *домочадцев* *разбудила*”⁶.

Комментарий. На основании эддических данных можно сформулировать некоторые закономерности, имеющие непосредственное отношение к специфике функционирования и структуре содержания др.-исл. *höll*. По поводу соотношения *ед.* и *мн. ч.* не возникает никаких сомнений, что *ед. ч.* доминирует (23 словоупотребления), а *мн. ч.* редуцировано (3 словоупотребления, причём в Ls. 3; 4 репрезентирован повтор). Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что *мн. ч.* фигурирует только в одной эддической песне – “Перебранке Локи” и служит для обозначения одного и того же денотата – *палат великана Эгира*, в которых устроен пир для богов. Вполне правдоподобно предположение, что использование *мн. ч.* вместо *ед. ч.* мотивировано экстралингвистическими факторами, а именно влиянием мифопоэтической модели мира, выражающемся

в отождествлении жилища Эгира с *миром богов* в один из самых сакральных моментов – во время пира, праздника⁷ – и его мультипликации, умножении, распространении вовне и заполнении всего пространства. О первичности *ед. ч.* помимо статистических фактов свидетельствует также и способность др.-исл. *höll* не поддаваться воздействию *мн. ч.* синонимичного др.-исл. *gøðom*: at gøðom kom hann Giúca oc at Gunnars hóllo, // becciom aringreupom oc at bíðri svásom (Акв. 1) “к *чертогам* *прибыл* он Гьюки и *залу* Гуннара, / к *скамьям* у очага и *сладкому пиву*”⁶.

Падежную парадигму др.-исл. *höll* представляют в порядке возрастания *род. пад.* (4 словоупотребления), *вин. пад.* (7 словоупотреблений), *дат. пад.* (15 словоупотреблений). Для того чтобы адекватно интерпретировать сложившуюся ситуацию, необходимо учитывать *синтаксические функции*, которые обслуживают данные падежи. При внимательном рассмотрении обнаруживается периферийная зона, образуемая функцией субъекта (1 словоупотребление: *стоять*), прямого объекта (2: *видеть*, *поджигать*), и два практически равновеликих ядра: функция локуса, объединяющая семь компонентов (13: *быть* (2), *видеть* (2), *говорить* (4), *иметь* (2), *встретить* (1), *принимать* (1), *собираться* (1) в *палате*), и достаточно монолитная функция направления, цели (10: *быть из дома* (1), *совершать движение в палату* / *из палаты* (9)).

Др.-исл. *höll* обладает *мифологическими* коннотациями, для экспликации которых исключительную роль играет “Перебранка Локи”, единственная песнь “Старшей Эдды” мифологического цикла, в которой данная лексема зафиксирована 9 раз. В этой эддической песне изображается наиболее релевантная для архаичной мифопоэтической традиции ситуация *праздника (пира)* богов у морского великана Эгира, при этом воссоздаётся прецедент первотворения и детерминируется необходимость функционирования космологической песни, заостряющей внимание на эсхатологической теме. *Палаты* Эгира, не случайно употребляемые во *мн. ч.*, превращаются на время пира в чертоги богов, их жилища (“ограды”). Показательно, что они противопоставляются всему, что *снаружи*, в том числе и *дороге*, и ассоциируются с праздником (нахождением *внутри*, *пивом*, *шумом*, *радостью* / *счастьем*), то есть

⁷ “... временного отрезка, обладающего особой связью со сферой сакрального, предполагающего максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемого как некое институализованное действие” [4, с. 329].

⁶ Анаграммируемое слово – *hallar*.

отождествляются с идеальным пространством. Метафорическая номинация палат Атли при помощи др.-исл. **val-höll** в “Гренландской песни об Атли”⁸ (Акв. 2; 14) не может не вызывать коннотаций с древнеисландской *Вальхаллой*, ‘павших чертогом’, миром иным, где обитают воины, погибшие в битве, и ассоциация с празднованием, вином (*vín í valhöll*) подтверждает приводимую выше гипотезу. Как было установлено [14, S. 377], др.-исл. **val-höll** первоначально служило для обозначения *подземного* чертога, в котором пребывали погибшие в битве воины, возглавляемые богом *смерти* Один, который впоследствии вместе с другими представителями скандинавского пантеона стал ассоциироваться с небом, и денотат, кодируемый данной лексемой, был транспонирован из нижней в верхнюю сферу универсума и приобрёл черты сказочной “*страны блаженства*”, где не прекращается пир избранных [14, S. 379].

Ещё одним убедительным доказательством принадлежности др.-исл. **höll** к ключевым понятиям мифопоэтической модели мира служит сочетание, казалось бы, с совершенно избыточным глаголом *стоять*, расположенным к тому же в непосредственном контакте. Ср.: *Lét hon mar fara moldveg sléttan, / unz at hági kom höll standandi* (Od. 3) “Пустила коня по ровному пути, / пока к высокому не приехала *дому стоящему*”*. Все сомнения рассеиваются, если принять во внимание включевую роль в космогоническом мифе этого глагола, характеризующего важнейшие объекты мироздания, в частности, мировое древо Иггдрасиль. Достаточно привести наиболее показательные контексты: *Ask veit ek standa, heitir Yggdrasill* (Vsp. 19) “Ясень я знаю *стоит*, называется Иггдрасиль”*; *stendr æ ufir, grœnn, Urðar brunni* (Vsp. 19) “всегда *стоит* зелёный над источником Урд (= судьбы)”*; *Scelfr Yggdrasils ascr standandi* (Vsp. 47) “Дрожит Иггдрасиль ясень *стоящий*”. Не исключено, что на использование др.-исл. **höll** для обозначения жилища людей, обладающих высоким социальным статусом (героев эпоса (*Гьюки*, *Гуннара*, *Атли*, *византийского императора*), ярлов), непосредственное влияние оказали типичные для “Перебранки Локи” дистрибуции данной лексемы, кодирующей *чертоги богов во время пира*. В свете приводимых выше аргументов нельзя считать окказиональным переключение кодов с героического плана на мифологический. Ср. упоминание богов, на первый взгляд немотивированное в Акв. 29: *Guðrún sigtíva // varnaði við*

⁸ О мифологическом плане, эксплицируемом в этой песни, см. [13, с. 158–175].

tárom, vaðin í þyshöllu “Гудрун *победы богов* / воздержалась от слёз, войдя в *шума палату*”*.

О значимости др.-исл. **höll** на аксиологической шкале архаической мифопоэтической традиции свидетельствует высокая степень вовлечённости в поэтическую игру (ср. аллитерации, двучленные звуковые повторы, анаграммы).

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что др.-исл. **höll** использовалось для номинации *нижнего мира*, загробного царства (др.-исл. **val-höll** ‘павших чертог’), предназначенного для погибших на поле брани, а затем после ассоциации с *небом*, куда были перенесены жилища богов, первоначально локализуемые на земле, приобрело черты идеального пространства, рая, символом которого являлась *пиршественная палата*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
2. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.—Л., 1963.
3. *Гвоздецкая Н.Ю.* Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова / *Philologica Scandinavica*. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 28–42.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том первый А — К. М., 1980. Том второй К — Я. Главный редактор С.А. Токарев. Члены редакционной коллегии И.С. Брагинский, И.М. Дьяконов, В.В. Иванов, Р.В. Кинжалов, А.Ф. Лосев, В.М. Макаревич (ответственный секретарь), Е.М. Мелетинский (заместитель главного редактора), Д.А. Ольдерогге, Б.Л. Рифтин, Е.М. Штаерман. М.: Советская энциклопедия, 1982.
5. Фольклорная лексикография. Отв. ред. А.Т. Хроленко. Курск: КГПИ, 1994. Выпуск 1.
6. *Никитина С.Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // *Облик слова*. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва. М., 1997. С. 360–373.
7. *Топорова Т.В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в “Старшей Эдде”. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
8. *Стеблин-Каменский М.И.* “Старшая Эдда” // *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья

- и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.—Л., 1963. С. 181—213.
9. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von G. Neckel. Bd. 2: Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. Des Kommentierenden glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968.
  10. *La Farge B., Tucker J.* Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch // Skandinavistische Arbeiten hrsg. von K. von See. Bd. 15. Heidelberg, 1992.
  11. *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Second edition with a supplement by Sir W.A. Craigie. Oxford: Clarendon Press, 1957.
  12. *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, E.J. Brill, 1977.
  13. *Смирницкая О.А.* О многозначности эпического текста (Вводные замечания). Комментарий к "Гренландской песни об Атли" // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М.: Изд.-во МГУ, 1989. С. 158—175.
  14. *Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. Die Götter. Vorstellungen über den Kosmos. Der Untergang des Heidentums. Dritte, unveränderte Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & CO, 1970.
  5. *Folklornaya leksikografiya.* Otv. red. A.T. Hrolenko [Folklore Lexicography. Rep. ed. A.T. Khrolenko]. Kursk, KSPI Publ., 1994. Issue 1. (In Russ.)
  6. *Nikitina, S.E.* O mnogoznachnosti, diffuzii znachenij i sinonimii v tezauruse yazyka folklora [On Polysemy, Diffusion of Meanings and Synonymy in the Thesaurus of the Folklore Language]. *Oblik slova. Sbornik statej pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmelyova* [Shape of the Word. Collection of Articles in Memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev]. Moscow, 1997, pp. 360—373. (In Russ.)
  7. *Toporova, T.V.* *Principy opisaniya epicheskogo slova: koncept gory v "Starshej Edde"* [Principles of Describing the Epic Word: The Concept of a Mountain in the Elder Edda]. Moscow, Academy of Humanitarian Research Publ., 2006. (In Russ.)
  8. *Steblyin-Kamensky, M.I.* *Starshaya Edda* [The Elder Edda]. *Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah. Perevod A.I. Korsuna. Redakciya, vstupitel'naya statya i kommentarii M.I. Steblyin-Kamenskogo* [The Elder Edda. Old Icelandic Songs About Gods and Heroes. A.I. Korsun's Translation. Ed., intr., comm. M.I. Steblyin-Kamensky]. Moscow, Leningrad, Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1963, pp. 181—213. (In Russ.)
  9. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von G. Neckel. Bd. 2: Kurzes Wörterbuch von Hans Kuhn. Dritte umgearb. Aufl. Des Kommentierenden glossars. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1968. (In German)

REFERENCES

1. Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962. (In German)
2. *Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah. Perevod A.I. Korsuna. Redakciya, vstupitel'naya statya i kommentarii M.I. Steblyin-Kamenskogo* [The Elder Edda. Old Icelandic Songs About Gods and Heroes. A.I. Korsun's Translation. Ed., intr., comm. M.I. Steblyin-Kamensky]. Moscow, Leningrad, Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1963. (In Russ.)
3. *Gvozdezkaya, N.Yu.* *Prolegomeny k tekstocentricheskoy opisaniyu semantiki drevneanglijskogo poeticheskogo slova* [Prolegomena to the Text-Centric Description of the Semantics of the Old English Poetic Word]. *Philologica Scandinavica. Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Steblyin-Kamenskogo* [Philologica Scandinavica. Collection of Articles Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of M.I. Steblyin-Kamensky]. St. Petersburg, 2003, pp. 28—42. (In Russ.)
4. *Mify narodov mira. Enciklopediya. 2 t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia in 2 Vols]. Moscow, 1980—1982. (In Russ.)
10. *La Farge B., Tucker, J.* Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch. Skandinavistische Arbeiten hrsg. von K. von See. Bd. 15. Heidelberg, 1992.
11. *Cleasby, R., Vigfusson, G.* An Icelandic-English Dictionary. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Second edition with a supplement by Sir W.A. Craigie. Oxford: Clarendon Press, 1957.
12. *Vries, J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E. J. Brill, 1977. (In German)
13. *Смирницкая, О.А.* *O mnogoznachnosti epicheskogo teksta (Vvodnye zamechaniya). Kommentarij k "Grenlandskoj pesni ob Atli"* [On the Polysemy of the Epic Text (Introductory Remarks). Commentary on the "Greenland Song about Atli"]. *Epos Severnoj Evropy. Puti evolyucii* [Epos of Northern Europe. Ways of Evolution]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1989, pp. 158—175. (In Russ.)
14. *Vries, J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. Die Götter. Vorstellungen über den Kosmos. Der Untergang des Heidentums. Dritte, unveränderte Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & CO, 1970. (In German)

Сокращения**Названия эддических песен**

Akv. Atlaqviða in grœnlenzsa, “Гренландская песнь об Атли”	Gðr. III. Guðrúnarqviða in þriðia, “Третья Песнь о Гудрун”
Am. Atlamál in grœnlenzso, “Гренландские речи Атли”	Hdl. Hyndloljóð, “Песнь о Хюндле”
Grm. Grímnismál, “Речи Гримнира”	НН. II Helgaqviða Hundingsbana önnor, “Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга”
Grp. , Grípisspá, “Пророчество Грипира”	Нм. Hamðismál, “Речи Хамдира”
Gðr. I. Guðrúnarqviða in fyrsta “Первая Песнь о Гудрун”	Ls. Lokasenna, “Перебранка Локи”
Gðr. II. Guðrúnarqviða önnor, “Вторая Песнь о Гудрун”	Od. Oddrúnargrátr, “Плач Оддрун”
	Vkv. Völundarqviða, “Песнь о Вёлунде”
	Vsp. Vǫlospá, “Прорицание вёльвы”

Дата поступления материала в редакцию: 24 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 24, 2023

Revised on January 29, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025503-9

А. Ф. Лабзин — автор “Плача Иеремиева, преложеного в стихи”: опыт атрибуции

© 2023 г. В. Л. Коровин

Доктор филологических наук,
профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь,
район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
korovinv@yandex.ru

Резюме. В статье доказывается, что автором “Плача Иеремиева, преложеного в стихи”, опубликованного без подписи в журнале “Вечерняя заря” (1782), был А.Ф. Лабзин (1766–1826), влиятельный в царствование Александра I литератор, переводчик европейских мистиков, издатель журнала “Сионский вестник” и один из руководящих деятелей Российского Библейского общества. Парафраза Плача Иеремии — одно из первых произведений Лабзина и самое объемное из написанных им в стихах, а в истории русской литературы это одно из первых полных переложений целой (хоть и небольшой) библейской книги.

Ключевые слова: А.Ф. Лабзин, русская литература XVIII в., журнал “Вечерняя заря” (1782), Плач Иеремии, Библия, стихотворные парафразы.

Для цитирования: Коровин В.Л. А.Ф. Лабзин — автор “Плача Иеремиева, преложеного в стихи”: опыт атрибуции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 72–76. DOI: 10.31857/S160578800025503-9

A. F. Labzin is the Author of “The Lamentations of Jeremiah, Translated into Verse”: The Experience of Attribution

© 2023 Vladimir L. Korovin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Faculty of Philology
of the Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, no. 1 p. 51, Moscow, 119991, Russia,
Professor of Shenzhen MSU-BIT University, No. 1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
korovinv@yandex.ru

Abstract. This article is about “The Lamentations of Jeremiah, translated into verse”, published without a signature in the magazine “Evening Dawn” (1782). We prove that the author of this work was A.F. Labzin (1766–1826), an influential writer in the reign of Alexander I, translator of European mystics and publisher of the magazine “Zion Bulletin”, who participated in the activities of the Russian Bible Society. This Paraphrase of The Lamentations of Jeremiah is one of the first works of Labzin and the most voluminous of those written in verse, and in the history of Russian literature this is one of the first complete paraphrase of an entire (albeit small) Biblical book.

Key words: A.F. Labzin, Russian Literature of the 18th century, the Magazine “Evening Dawn” (1782), The Lamentations of Jeremiah, Bible, poetic paraphrases.

For citation: Korovin, V.L. *A.F. Labzin – avtor “Placha Ieremiyeva, prelozhennogo v stikhi”: opyt atributsii* [A.F. Labzin is the Author of “The Lamentations of Jeremiah, Translated into Verse”: The Experience of Attribution]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 72–76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025503-9

“Плач Иеремиев, предложенный в стихи”, опубликованный без подписи в 1782 г. в апрельском номере журнала “Вечерняя заря” [1], – первое полное стихотворное переложение одной из канонических книг Ветхого Завета, появившееся в русской печати после переложений Псалтири Симеона Полоцкого (1680) и А.П. Сумарокова (1774)¹. Во всех 12 номерах “Вечерней зари” других парафраз из Библии не находится, как не было их и в журнале “Утренний свет” (1777–1780), продолжением которого стала “Вечерняя заря”, несмотря на религиозную направленность этих изданий (в них встречаются переложения церковных молитв или, например, стихи о пользе чтения Евангелия, но не библейские парафразы, и только в следующем журнале московских масонов “Покоящийся трудолюбец” (1784–1785) появится пять переложений псалмов, в том числе два ранее уже печатавшихся стихотворения И.Ф. Богдановича и одно Г.Р. Державина)².

Уникальность парафразы Плача Иеремии среди материалов “Вечерней зари” не отмечалась писавшими об этом журнале, да и вообще данный текст лишь однажды был упомянут в научной литературе: А.И. Незеленов процитировал одну его строфу как пример того, что среди “религиозных стихотворений” в этом журнале “иные не лишены поэтического достоинства” [3, с. 331–332]. Вопрос об авторстве затрагивался попутно лишь в одной нашей работе [4, с. 233–234].

Есть основания считать, что автором “Плача Иеремиева, предложенного в стихи” был Александр Федорович Лабзин (1766–1825)³, который

¹ Можно еще назвать переложение одной “неканонической” книги, сделанное силлабическими стихами: *Засецкий А.А.* Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, сочиненная стихами. [М.]: при Имп. Моск. ун-те, 1777. [2], 99, [3] с. Псалтирь В.К. Тредиаковского, завершенная в 1753 г., оставалась в рукописи до 1989 г.

² Комментированные росписи содержания “Вечерней зари” и “Покоящегося трудолюбца” см.: [2, с. 285–341, 342–391] (ср.: *Симанков В.И.* Из разысканий о журнале “Вечерняя заря” (1782) // XVIII век. Сб. 26. СПб.: Наука, 2011. С. 169–187).

³ См. о нем, например: [5]; [6]; см. также сост. А.Н. Стрижéвым библиографию сочинений и переводов Лабзина и литературы о нем (Литературоведческий журнал. 2014. № 35. С. 225–263).

в предуведомлении от издателей к первому номеру “Вечерней зари” был назван в числе девяти студентов Московского университета, “трудящихся в издании одного журнала”⁴. Давно установлено, что Лабзину принадлежат, как минимум, два стихотворения, напечатанные в “Вечерней заре” без подписи, оба сатирические: 1) “Французская лавка” (Ч. 2. Июль. С. 230–233), перепечатанная в 1784 г. в “Собеседнике любителей российского слова” (авторство раскрыто Н.А. Добролюбовым), и 2) “Французский променад” (Ч. 2. Август. С. 311–314), текст которого позднее издавался отдельными книжками под заглавиями “Чертик на дрожках” (СПб., 1791) и “Француз на дрожках” (М., 1805) и долго ошибочно приписывался Д.И. Фонвизину (см.: [8]). Атрибутировать Лабзину какие-либо другие тексты в “Вечерней заре” еще никто, кажется, не пытался, что не очень удивительно, поскольку, по замечанию современного исследователя этого журнала, пока он “...относится к наименее изученному разряду современных изданий, выходящих в типографии Н.И. Новикова” [2, с. 285].

Насчет парафразы Плача Иеремии есть собственное свидетельство Лабзина, что он когда-то перелагал эту книгу в стихи. В статье “О чтении книг”, напечатанной в 1818 г. в издаваемом им журнале “Сионский вестник” [9] (и в свое время широко известной благодаря перепечатке в одной из хрестоматий А.Д. Галахова⁵), Лабзин вспоминал, как он, “быв еще 15-ти лет”, внимал наставлениям “одного просвещенного мужа” (И.Г. Шварца), чье “простое слово... исторгло из рук многих соблазнительные и безбожные книги <...> и поместило на место их святую Библию”. В те времена, писал Лабзин, многие почитали ее “книгою,

⁴ Кроме Лабзина были названы М.И. Антоновский, П.П. Брауншвейг, Л.Я. Давыдовский, Л.М. Максимович, А.В. Могилянский, П.А. Пельский, Ф.Л. Тимонович и И.А. Фабиан. Из них только Пельский позднее стал заметным стихотворцем, но получил репутацию вольтерьянца и, как видно по ошибкам в его переводе “библейской” поэмы в прозе Ж.-Ж. Руссо “Ефраимский левит” (СПб., 1802), не сильно увлекался чтением Библии (см.: [7, с. 46–48]).

⁵ См.: *Галахов А.Д.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: [В 2 т.]. Т. 2 (От Карамзина до Пушкина). СПб.: Тип. Морского министерства, 1864. С. 468–476.

для церквей только потребною, для попов одних годною”, и почти совсем не читали: “...а если кто и читал, то разве историческую часть ради любопытства, или много для примера в поведении; впрочем никто к чтению Библии не увещевался, и никто не предполагал, что Библия служит даже и к просвещению разума; напротив того самые набожные люди имели тогда несчастную мысль, что от чтения священной сей книги люди с ума сходят. **В малолетстве моем я раз наказан был от матери моей из набожности за то, что читал Библию и предлагал в стихи плач Иеремии**” [8, с. 222, 223–224; выделено мной. – В.К.]

На это краткое автобиографическое сообщение обратил внимание еще П.А. Бессонов, автор одного из первых очерков о Лабзине, отметив, что “эта черта замечательна для биографа” [10, с. 822], а вслед за ним и другие авторы ([5, № 9, с. 183] и др.), но никто при этом не вспомнил о публикации в “Вечерней заре”, а связь между нею и воспоминанием Лабзина, на наш взгляд, очевидна. Хотя он употребил выражение “в малолетстве моем”, по контексту можно понять, что речь идет о том времени, когда он был “15-ти лет”. Столько лет ему исполнилось в 1781 г. 28 апреля (по старому стилю), а в “Вечерней заре” парафраза Плача Иеремии появилась через год, в апрельском номере. Маловероятно, что кто-то другой, причем тоже принадлежащий к кругу сотрудников журнала, в это же самое время занимался переложением той же библейской книги. Если даже предположить, что такое возможно или Лабзин имел в виду какой-то свой действительно детский и не дошедший до печати литературный опыт, возникнет вопрос, кто из известных сотрудников “Вечерней зари”, с одной стороны, всерьез занимался изучением Библии, а с другой – обнаруживал “способность к стихотворству”, всегда признававшуюся за Лабзиным [10, с. 820], хоть он позднее и редко писал стихи? Из названных издателями журнала сотрудников-студентов (см. выше сноску 4) только о Лабзине, который впоследствии станет одним из видных деятелей Российского Библейского общества, достоверно известно, что он совмещал в себе эти качества.

Литературные образцы, на которые мог ориентироваться автор “Плача Иеремиева, преложенного в стихи”, это стихотворение Сумарокова “Из 1 главы Плача Иеремиина”, впервые опубликованное в его “Стихотворениях духовных” (1774), а затем перепечатанное в первом томе изданного Новиковым собрания его сочинений (1781), и поэма Ф.Т.М. де Бокуляра д’Арно “Lamentations de Jérémie” (1752), неоднократно переиздававшаяся с параллельным

латинским текстом, а в 1797 г. вышедшая и на русском языке в прозаическом переводе Анастасия (Братановского)⁶. Однако никакой зависимости от этих произведений в тексте, опубликованном в “Вечерней заре”, не обнаруживается (не похож он на них и по стихотворной форме). В отличие от сумароковского вольного подражания фрагменту библейской книги, это ее точная и полная парафраза, а в отличие от поэмы Бокуляра д’Арно, избыливающей амплификациями, сделана строго по тексту своего оригинала, в качестве которого был избран славянский перевод (другие, видимо, не использовались). Однако стиль переложения не является славянизированным, а напротив, приближен к “среднему” стилю, очевидно, для удобопонятности.

Вот, например, вторая строфа, соответствующая стихам Плач 1:3–4 (“Преселися Иуда ради смирения своего и ради множества работы своея: седе во языцех, не обрете покоя. Все гонящии его постигнуша и среде стужающихъ ему. Путие Сиони рыдают, яко несть ходящих по них в праздник, вся врата его разорена, жерцы его воздыхают, девицы его ведымы, и сам огорчеваем в себе”):

Смиренья ради преселился,
И ради множества труда.
Куда Иуда удалился,
Гонители пошли туда;
Среди врагов его постигли,
И брань против него воздвигли.
Рыдает горестный Сион.
Жрецы его все воздыхают,
Враги девиц их похищают,
И сам рыдает в грусти он. [1, с. 309]

Парафраза разделена на пять глав, как и сам Плач Иеремии, и вся написана 4-стопными ямбами: первые четыре главы – 10-стишными строфами AbAbCCdEEd⁷, пятая (“Молитва Иеремии Пророка”) – четверостишиями. В первых двух главах каждая строфа соответствует двум стихам библейского текста: по 22 стиха в главе в оригинале (по числу букв еврейского алфавита), по 11 строф – в парафразе. В третьей главе в оригинале 66 коротких стихов (22×3), в парафразе – те же 11 строф. И только в четвертой и пятой главах,

⁶ Плач Иеремии пророка, в шести песнях. Творение Арнода / переведено Синодальным Членом, Ставропигиального Московского Новоспасского Монастыря Архимандритом Анастасием. СПб.: Тип. Св. Синода, 1797. [16], 72 с.

⁷ Такими же строфами написана ода Лабзина “Торжественная песнь Екатерине II <...> на вожденнейшее Ея Величества прибытие в столичный град Москву из предприятого путешествия в <...> Тавриду и другие южные области...” (М., 1787), понравившаяся императрице, и две анонимные оды в “Вечерней заре”: “К войне” (“О ты, кровавой что рукою...”) и “К миру” (“Златой источник благоденства...”) (1782. Ч. 2. Июнь. С. 152–155, 155–158). Не исключено, что их автором тоже был Лабзин.

где в оригинале тоже по 22 стиха, в парафразе соответственно 8 и 13 строф, однако и здесь автор следует за оригиналом в основном без упущений. Там же, где он все-таки что-то пропускает, можно заподозрить, что это не случайный технический пропуск, а намеренное купирование исходного текста. По крайней мере, можно указать на два таких примера, очень характерных.

В предпоследней строфе четвертой главы читаем:

Гонители везде нас гнали:
В степях, в пустынях, на горах;
Повсюду как орлы летали,
Везде нам причиняя страх,
За грех народа Иудейска.
Ликуй, ликуй, дочь Идумейска,
Наш жребий на тебя придет;
Почувствуешь ты горесть нашу,
И испиешь Господню чашу,
Он гнев свой на тебя прольет. [1, с. 325]

В оригинале этому соответствуют три стиха: *“Скорейшии быша гонящи ны паче орлов небесных, на горах гоняху нас, в пустыни приседоша нам. Дух лица нашего, помазанный Господь ят бысть в растлениих их, о немже рехом: в сени его пожием во языцех. Радуйся и веселися, дщи Идумейска, живущая на земли, и на тебе приидет чаша Господня, и упиешися и излишии”* (Плач 4:19–21).

Выделенный 20-й стих в переложении пропущен, и это именно тот стих, который всегда вызывал наибольшие разногласия. По известному, но не общепринятому толкованию Феодорита Кирского, это пророчество о Мессии, о Христе. Для автора парафразы тут возникала экзегетическая и богословская трудность, к тому же он мог опасаться, что в любом случае навлечет на себя обвинения — если не религиозные, то политические (переложение этого стиха как относящегося к пленному царю могло быть сочтено за какой-то неблагонамеренный намек), поэтому просто оставил этот стих без переложения.

В начале пятой главы читаем:

О! Боже сжался ты над нами,
Вспомни, что я претерпел!
Наследством нашим и домами,
Иноплеменник завладел.
Египту все мы уступаем,
И все Ассур у отдаем;
Свои дрова мы покупаем,
И воду мы за деньги пьем. [1, с. 326]

Ср.: *“Помяни, Господи, что бысть нам: призри и виждь укоришну нашу: достояние наше обратися к чуждим и дома наша ко иноплеменником: сирь быхом, несть отца, матери наша яко вдовы. Воду нашу за сребро пихом, дрова наша за цену куповахом:*

на выя наша гоними быхом, трудихомся, не почихом. Египет даде руку, Ассур в насыщение их” (Плач 5:1–4).

Здесь в парафразе пропущен 3-й стих о смерти или пленении отцов и вдовстве матерей. Оба родителя Лабзина в 1782 г. были живы, и он мог пропустить этот стих по личным (а может, и суеверным) соображениям, хотя, как мы помним, все равно “наказан был от матери... из набожности за то, что <...> прелагал в стихи плач Иеремии” [8, с. 224].

Выбор именно этой книги для переложения объясняется ее малым объемом и лирическим характером, привлекательными для стихотворца, а также ее содержанием, корреспондирующим с повышенным интересом в кружке московских “мартинистов” к эсхатологии, к темам смерти и катастрофы, отражавшимся и в их поэтической продукции (см., например, оду “Страшный суд”, перевод из Л. Кампистрона, в последнем номере “Вечерней зари”). В целом о парафразе Плача Иеремии можно заметить, что она делалась не только с поэтическими целями, но и чтобы представить эту книгу на удобопонятном русском языке, и делалась обдуманно и ответственно, что вполне согласуется с позднейшим ревностным участием Лабзина в работе над русским переводом Библии.

Непрямой характер сделанного им в 1818 г. признания в авторстве за 36 лет до того опубликованного произведения, возможно, объясняется тем, что отношение к стихотворным переложениям из Библии и вообще к стихам у Лабзина к тому времени изменилось не в их пользу. Во всех номерах его “Сионского вестника” (1806, 1817–1818) появилось только пять стихотворений, одно из них — “Из Исаии гл. XI и XII” (“И жезл от корени / Прозябнет Иессея...”), библейская парафраза, но принадлежащая не Лабзину, а Н.Ф. Грамматину (1818. Ч. 8. Кн. 6. С. 379–384). Зато в журнале находится, например, перевод на русский язык 1-го Послания к Коринфянам апостола Павла, напечатанный для популяризации нового русского перевода Библии сразу вслед за цитировавшейся статьей “О чтении книг” (1818. Ч. 8. Кн. 2. С. 231–271).

В 1814 г. вышла новая стихотворная парафраза Плача Иеремии, написанная священником Г.А. Пакатским как отклик на пожар Москвы 1812 года и посвященная московскому главнокомандующему графу Ф.В. Ростопчину⁸. Возможно, знакомство

⁸ Пакатский Г., священник. Поэма Плач Иеремии, переложенный стихами. СПб.: Тип. Военного министерства, 1814. [4], IV, 61 с. (Ценз. разр. 30 июня 1813 г.). Поэма написана 6-стопным ямбом с парной рифмовкой, изобилует амплификациями и разделена, в отличие от оригинала, на девять, а не на пять глав.

с этой книгой и стало для Лабзина поводом вспомнить о своем юношеском поэтическом опыте, а затем сообщить о нем читателям “Сионского вестника”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плач Иеремиев, преложенный в стихи // Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. Апрель. С. 309–328.
2. Simankov, V.I. *Originals and Translations: A Study Based on Old Slavic Texts and Russian Eighteenth-Century Journals*. A Diss. ... Ph.D. in the Department of Slavic Languages at Brown University. Providence, Rhode Island, 2017. 612 p. (на рус. яз.)
3. Незеленов А.И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. XIV, 446 с.
4. Коровин В.Л. Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 491 с.
5. Дубровин Н.Ф. Наши мистики-сектанты: Александр Федорович Лабзин и его журнал “Сионский вестник” // Русская старина. 1894. № 9. С. 145–203; № 10. С. 101–126; № 11. С. 58–91; № 12. С. 98–132; 1895. № 1. С. 56–91; № 2. С. 35–52.
6. Васильева Ю.С. А.Ф. Лабзин в общественной жизни столиц и провинции конца XVIII – первой четверти XIX века. Самара: Офорт, 2009. 142 с.
7. Коровин В.Л. К истории русских переводов Ж.-Ж. Руссо: “Ефраимский левит” в переводах П.А. Пельского и В.А. Жуковского // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 39–53.
8. Семенников В.П. Фонвизин и два стихотворения “Чертик на дрожках” и “Матюшка-разносчик” // Русский библиофил. 1914. № 4. С. 65–72.
9. [Лабзин А.Ф.] О чтении книг // Сионский вестник. 1818. Ч. 7. Кн. 2 (февраль). С. 207–230.
10. Бессонов П.А. А.Ф. Лабзин: (Литературно-биографический очерк) // Русский архив. 1866. № 6. Стб. 817–836.
2. Simankov, V.I. *Originals and Translations: A Study Based on Old Slavic Texts and Russian Eighteenth-Century Journals*. A Diss. ... Ph.D. in the Department of Slavic Languages at Brown University. Providence, Rhode Island, 2017. 612 p. (In Russ.)
3. Nezelenov, A.I. *Nikolay Ivanovich Novikov, izdatel zhurnalov 1769–1785 gg.* [Nikolay Ivanovich Novikov, Publisher of Magazines 1769–1785]. St. Petersburg, 1875. XIV, 446 p. (In Russ.)
4. Korovin, V.L. *Bibleyskiye temy v russkoj poezii XVIII – pervoj chetverti XIX veka.* [Biblical Themes in Russian Poetry of the 18th – First Half of the 19th Century]. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Moscow, 2017. 491 p. (In Russ.)
5. Dubrovina, N.F. *Nashi mistiki-sektanty: Alexandr Fyedorovich Labzin i yego zhurnal “Sionskij vestnik”* [Our Mystics-Sectarians: Alexander Fedorovich Labzin and His Magazine “Zion Bulletin”]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1894, No. 9, pp. 145–203; No. 10, pp. 101–126; No. 11, pp. 58–91; No. 12, pp. 98–132; 1895, No. 1, pp. 56–91; No. 2, pp. 35–52. (In Russ.)
6. Vasilyeva, Yu.S. *A.F. Labzin v obschestvennoj zhizni stolits i provintsii XVIII – pervoj chetverti XIX v.* [A.F. Labzin in the Public Life of Capitals and Provinces of the late 18th – First Quarter of the 19th Century]. Samara, Ofort Publ., 2009. 142 p. (In Russ.)
7. Korovin, V.L. *K istorii russkikh perevodov Zh.-Zh. Russo: “Yefraimskij levite” v perevodakh P.A. Pelskogo i V.A. Zhukovskogo* [On the History of Russian Translations by J.-J. Rousseau: “The Levite of Ephraim” in the Translations of P.A. Pelsky and V.A. Zhukovsky]. *Literaturovedcheskij zhurnal* [Literary Journal]. 2012, No. 31, pp. 39–53. (In Russ.)
8. Semennikov, V.P. *Fonvizin i dva stikhotvoreniya “Chyortik na drozhkakh” i “Matyushka-raznoschik”* [Fonvizin and Two Poems “Devil on the Drash” and “Matyushka the Peddler”]. *Russkij bibliofil* [Russian Bibliophile]. 1914, No. 4, pp. 65–72. (In Russ.)
9. [Labzin, A.F.] *O chtenii knig* [About Reading Books]. *Sionskij vestnik* [Zion Bulletin]. 1818, Part 7, Book 2, pp. 207–230. (In Russ.)
10. Bessonov, P.A. *A.F. Labzin: (Literaturnyj i biograficheskij ocherk)* [A.F. Labzin: (Literary and Biographical Essay)]. *Russkij arkhiv* [Russian Archive]. 1866, No. 6, pp. 817–836. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Plach Ieremiyev, prelozhennyj v stikhi* [Lamentation of Jeremiah, Translated into Verse]. *Vechernyaya zarya* [Evening Dawn]. 1782, Part 1, April, pp. 309–328. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 января 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 января 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 24, 2023
Revised on January 29, 2023
Accepted on February 15, 2023
Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025504-0

Книжные источники текста ранних произведений И. А. Бунина

© 2023 г. С. Н. Морозов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 191069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
morozov.sn@yandex.ru

Резюме. В статье впервые рассматривается важный источниковедческий вопрос: степень авторского участия в подготовке книжных изданий ранних произведений И.А. Бунина 1887–1902 гг. В свете начавшейся работы по подготовке первого научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина необходимо отдельно исследовать эту проблему, чтобы определить, какие издания являются авторскими и могут быть источниками текста в текстологической работе с ранними произведениями писателя, а какие издания не являются авторскими. С привлечением всех известных свидетельств (переписка, издательские договоры и соглашения, биографические данные писателя) подробно рассмотрена история издания нескольких книг Бунина: поэтических и прозаических сборников. Определена степень участия Н.Д. Телешова в подготовке к изданию двух книг Бунина (чтение корректуры и подписание книги в печать). Выявлены неавторские книжные издания бунинских произведений, к которым автор не имел никакого отношения, в связи с чем они не могут быть источниками текста при научной публикации сочинений писателя.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 “Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)”.

Ключевые слова: И.А. Бунин, раннее творчество, источники текста, источниковедение, текстология.

Для цитирования: Морозов С.Н. Книжные источники текста ранних произведений И.А. Бунина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 77–85. DOI: 10.31857/S160578800025504-0

Book Sources of the Text of Ivan Bunin’s Early Works

© 2023 Sergey N. Morozov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 191069, Russia
morozov.sn@yandex.ru

Abstract. This article presents the first attempt to shed light on an important source study issue: the degree of Ivan Bunin’s participation in the preparation of book editions of his early works of 1887–1902. In the light of the work on the first academic Complete Works and Letters of Ivan Bunin, it is necessary to investigate this problem in its own right in order to determine which editions are ‘authorial’ and thus can be considered sources for the textual work with the writer’s early works, and which editions are not. Drawing on all the known evidence (correspondence, publishing contracts and agreements, biographical data of the writer), we have examined in detail the history of the publication of several books by Bunin (poetry and prose collections).

The degree of N. D. Teleshov's participation in the preparation for the publication of two books by Bunin was estimated (proofreading and signing the book into print). Non-author's book editions of Bunin's works, to which the author had no relation whatsoever, have been identified (therefore, they cannot be sources for the scholarly (critical) publication of the writer's works).

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 "Ivan Bunin's early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)".

Key words: Ivan Bunin, early works, text sources, source studies, textual criticism.

For citation: Morozov, S.N. Knizhnye istochniki teksta rannikh proizvedenii I.A. Bunina [Book Sources of the Text of Ivan Bunin's Early Works]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 77–85. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025504-0

Вопрос о степени авторского участия в подготовке книжных изданий произведений И.А. Бунина еще не возникал в современном буниноведении. Однако он требует отдельного внимания и специального исследования, особенно в свете начавшейся подготовки первого научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина.

Писатель всегда очень тщательно и требовательно подходил к подготовке издания каждой своей новой книги. Однако иногда были небольшие отступления от этого правила, а некоторые издания вообще готовились без участия автора, иногда и без его ведома и разрешения. Цель настоящей статьи – исследовать этот важный вопрос и отделить авторские издания произведений Бунина от других прижизненных изданий его сочинений.

Необходимо отметить, что в данной работе речь пойдет только о книжных изданиях, в которые были включены ранние произведения Бунина 1887–1902 гг. Что касается публикаций сочинений писателя в периодических изданиях и литературных сборниках, то это тема для отдельного исследования, которое будет предпринято в наших будущих статьях.

История подготовки первого поэтического сборника Бунина "Стихотворения 1887–1891 гг." [1] начинается летом 1890 г. В письме к старшему брату Ю.А. Бунину от 22 июля 1890 г. Бунин писал из Орла: «<...> ред<акция> "Орл<овско-го> вестн<ика>" покупает у меня стихи, дают 500 руб. (клянусь Богом!), но с тем, чтобы они печатать могли сколько угодно изданий и чтобы стихотв<орений> было штук 150. Я на это не соглашаюсь; они предлагают еще условие: 100 руб. за одно издание, издать только в 500 экземплярах. Как думаешь, согласишься? Напиши, ради Бога, об этом поскорее. Издадут, говорят, превосходно» [2, с. 35–36].

Значительно позднее, в письме от 10 декабря 1890 г. Бунин писал Ю.А. Бунину из Орла: "Бориса Петр<овича> я не застал: он в Калуге. Завтра, должно быть, приедет. Тогда напишу и о результате стихов" [2, с. 57]. В письме упомянут Б.П. Шелехов – фактический редактор газеты "Орловский вестник". Возможно, что именно к декабрю 1890 г. Буниным был уже составлен поэтический сборник. Б.П. Шелехов, окончательно решив его издавать, отдал подготовленный текст книги в цензуру. Следует обратить внимание, что на обороте титульного листа книги обозначено две даты цензурного разрешения на выпуск книги: 31 января и 30 сентября 1891 г. Это может означать только одно – данную книгу отдавали в цензуру дважды, следовательно, после первого цензурного разрешения в книге были сделаны изменения: дополнение новыми стихотворениями или замена одних текстов на другие. По причине продолжающейся работы с текстом книги (можно предположить, что она велась по инициативе Бунина) ее пришлось вновь подавать в цензуру. В итоге в книгу было включено автором 48 стихотворений.

О процессе печатания книги в типографии газеты "Орловский вестник" мы знаем из краткого сообщения в письме Бунина к Ю.А. Бунину от 25 ноября 1891 г.: "Книжка моя печатается без меня – мне тайком от Б<ориса> П<етровича> доставили уже отработанные первые 2 листа, и я зрел такие грубые коррект<урные> ошибки, что в некоторых местах совершенно нет размера! Как это тебе нравится? А Б<орис> П<етрович> сказал, что ни за что не допустит меня к книжке. При этом – действует настолько нахально и своевольно, что печатает 2000 экз., когда я выдал расписку только на тысячу. / Что мне делать с эдаким мерзавцем?" [2, с. 134]. Отношения между Буниным и Б.П. Шелеховым были неровными и подчас очень напряженными. Книга вышла в середине декабря

1891 г. в качестве бесплатного приложения к газете “Орловский вестник”.

В истории издания первой книги Бунина один из самых важных моментов — это степень авторского участия в подготовке ее к печати. Как видно из вышеизложенного, книга начинающего писателя печаталась только под некоторым наблюдением автора, хотя нельзя исключать и того, что Бунин с Б.П. Шелеховым мог помириться и на заключительной стадии подготовки книги все-таки прочел всю верстку сборника. После изучения текста книги можно сделать вывод, что Бунин сам готовил ее к изданию и читал корректуру — в стихотворениях не обнаружено явных опечаток или ошибок, о которых упоминалось в переписке с братом. Однако следует принимать во внимание всю историю подготовки первого сборника Бунина к печати, чтобы в процессе текстологической работы при встречающихся сомнительных местах сверять тексты стихотворений с предыдущими и дальнейшими их публикациями, если, конечно, публикация в сборнике не была единственной.

Следующую книгу “На край света и другие рассказы” (СПб., 1897) [3] Бунин готовил тщательно, выполнив весь издательский цикл (составление сборника, чтение корректуры), и даже обсуждал с издательницей О.Н. Поповой внешний вид своей книги.

По поводу издания новой книги “Под открытым небом” [4] Бунин писал Ю.А. Бунину 1 июня 1898 г. из Царицыно: “Уеду я, думаю, дней через десять — нельзя бросить печатание стихов у Тихом<ирова>, да и денег нет” [2, с. 254]. Сборник стихотворений издавался редакцией журнала Д.И. Тихомирова “Детское чтение”. По одному этому упоминанию мы видим, что Бунин принимал непосредственное участие в подготовке издания этой книги, которая вышла в свет в середине августа 1898 г.

Скорее всего и другая книга Бунина “Стихи и рассказы” [5], вышедшая в издании редакции журнала “Детское чтение” в начале апреля 1900 г., тоже готовилась непосредственно Буниным, почти весь март 1900 г. писатель жил в Москве. Цензурное разрешение на выпуск данной книги было получено 29 марта 1900 г.

История подготовки и издания поэтического сборника Бунина “Листопад” [6] прослеживается по нескольким сохранившимся архивным материалам: прежде всего, по “Условию” издания книги, подписанному Буниным с издательством “Скорпион”, и упоминаниям ее в переписке автора с издателями. Уезжая из Москвы через Одессу

в Париж, Бунин писал В.Я. Брюсову 4 октября 1900 г. о подготовке своей книги: «Я очень виноват перед “Скорпионами”, но я был дьявольски занят неотложными делами и потому никак не мог приготовить рукопись в надлежащем виде. Теперь оставляю Вам 97 стихотворений. Я не перенумеровал их, ибо буду присылать вставки. Надеюсь из Одессы (нынче в 12 ч. ночи уезжаю в Одессу, а оттуда в Париж) прислать Вам несколько стихотворений, поправив их дорогой; при этом напишу, куда вставить их <...>. Мы говорили с С<ергеем> А<лександровичем> Поляковым, и он дал мне право делать поправки в корректуре и даже перемещения. И то и другое я буду делать непременно, ибо некоторые стихотворения сейчас неприличны, благодаря пошлым строкам. <...> Первые два-три листа можно и теперь отдать в печать. <...> Поэтому хорошо было бы, если бы Вы прислали мне в Париж эти 2–3 листа первых. Я, вероятно, там же подписал бы их к печати. А приехавши в Москву, получил бы от Вас остальные и там сделал перемещения и поправки. Относительно рисунка на обложку мы говорили с С<ергеем> А<лександровичем>. Он предлагает выбрать из Васнецова заставку. Сообщите мне, какую выберете, а я выпрошу у Васнецова. “Витязь”, очевидно, отставляем. Называйте уж видно книгу “Листопад”» [2, с. 329]. По концовке письма понятно, что писатель планировал назвать свой сборник “Витязь”, однако позднее изменил свое намерение.

История подготовки Буниным к изданию книги “Полевые цветы” [7] прослеживается по кратким упоминаниям в переписке. Так, уезжая рано утром 27 июля 1901 г. из Малаховки, где жил в гостях у Н.Д. Телешова, Бунин оставил записку, в которой просил передать издателю С.В. Курнину по поводу будущей книги: “Заглавие выдумай нынче-завтра и напишу тебе. Скажи Курнину, что пора печатать” [2, с. 384]. В ответном письме от середины августа 1901 г. Н.Д. Телешов писал Бунину: «<...> как мокрая курица, сидишь, не в состоянии выдумать заглавие к курнинской книжке. Он ругается и хочет назвать ее “Облако” — по одному из стихотворений, которое пустит первым. Если не нравится, то скорее присылай другое заглавие» [8, кн. 1, с. 531]. 1 сентября 1901 г. Бунин, уже будучи в Одессе, спешит сообщить Телешову: «Курнину заглавие послал — пусть поставит первым стихотворением стих<отворение> “Вечерняя звезда”, и, значит, обложка будет такова: *Ив. Бунин. Вечерняя звезда*. Стихи и рассказы. Очень прошу тебя потребовать к себе корректуру обложки, посмотри с женой и решай» [2, с. 389].

Из этого письма видно, что Бунин не только тщательно относился к составлению своей книги и чтению корректуры, которую он прочитал, очевидно, во второй половине июля, когда жил в Москве и в гостях у Телешова в Малаховке, но и к заглавию новой книги. Однако сборник вышел под другим названием: “Полевые цветы. Сборник стихотворений и рассказов для юношества”. На книге напечатаны две даты цензурного разрешения: на обороте титульного листа – 29 сентября 1901 г., на обложке – 7 ноября 1901 г. Обложка была не типографская шрифтовая, а художественная, выполненная в цвете с изображением цветов и нарисованным текстом: заглавие, подзаголовок, фамилия автора, издательство; цензурная дата напечатана на нижнем поле обложки. Вероятно, в связи с тем, что обложка была художественная, потребовалось ее представить в цензуру отдельно. Таким образом, окончательное заглавие книги было утверждено, скорее всего, в октябре 1901 г., так как требовалось время для выполнения художественной обложки и представления ее в цензуру. Можно предположить, что после письма от 1 сентября 1901 г. у Бунина было достаточно времени вновь изменить заглавие своего сборника. Книга вышла в свет в самом начале декабря 1901 г.

Бунин доверял своему близкому другу Н.Д. Телешову и не раз просил его о помощи в подготовке к изданию своих книг. Следующий пример яркое тому подтверждение.

История издания книги Бунина “Новые стихотворения” [9], которая печаталась в типографии О.О. Гербека, начинается с сообщения А.А. Карзинкина в письме Бунину от 25 ноября 1901 г.: “Я сдал рукопись Гербеку. Он уже приступил к отливке шрифта. Она займет около месяца и, следовательно, книжка не может появиться раньше 2-ой половины или, вернее конца января. <...> кланяюсь Вам и Вашей изящной Музе” [10, с. 441]. В письме к А.П. Чехову от 11 января 1902 г. Бунин из Одессы сообщал: “Теперь сижу, прикованный к месту корректурой – выпускаю томик нов<ых> стих<отворений> <...>” [2, с. 396]. 24 января 1902 г. Бунин из Одессы спрашивал в письме Телешова о своем поэтическом сборнике: “Что же это Алекс<андр> Андр<еевич> Карзинкин со стихами-то? Скажи немедленно, пожалуйста. Жду корректуры” [2, с. 398].

31 января 1902 г. было получено цензурное разрешение на выпуск этой книги. 1 февраля 1902 г. Бунин в нетерпении пишет А.А. Карзинкину: “Тщетно жду корректуры. Что же Гербек над нами делает? Добавлений к книге мне делать

не хочется, и во всяком случае добавлений можно не ждать. Ведь если они и будут, то в конце книги. Присылайте корректуру – там видно будет, сделаю добавления или нет” [2, с. 399]. В этот же день Телешов пишет Бунину: “Александр Андреевич <Карзинкин> говорит, что корректуру тебе посылает. Чудаки вы с ним оба: лить шрифты, когда в любой типографии их девать некуда. Книга давно бы вышла, кабы в хорошую типографию обратились” [8, кн. 1, с. 536].

Наконец, получив корректуру сборника “Новые стихотворения” и прочитав ее, Бунин посылает ее из Одессы Телешову, а в сопроводительном письме от 22 февраля 1902 г. просит:

Митрич! Горячо прошу о помощи в корректуре моей книги стихов. Посылаю ее не в типографию, а тебе. Пусть Александр Андреевич <Карзинкин> извинит, что не пишу ему отдельно, ибо не тебя одного, но и его прошу об этой помощи в корректуре, и обоим Вам говорю: вручаю свою судьбу в Ваши руки, – посмотрите корректуру, измените, если можно, что-либо в ее внешности – даю Вам самые широкие полномочия, предоставляю Вам разрешить печатать и т. д., ибо посылать еще раз ко мне – это очень долго. А корректура меня сильно огорчила. Такой небрежно-говенной корректуры я еще не получал. Свинья Гербек! Прошу тебя, Митрич, <...> потребуй и исправленный экз. и грязный – *тщательно* сверь – сделаны ли мои поправки и т. д. <...>

NB Шрифт оказался крупен, приходится ломать строки – как быть?

Затем Гербек набрал так, что в одних стих<отворениях> строчки расставлены на полдвойма, а в других – на четверть. Надо все одинаково сделать и не лучше ли полдвойма, чем на четверть. Впрочем – *твоя воля и А<лександра> А<ндреевича>* [2, с. 399–400].

В письме от 28 февраля 1902 г. Бунин просил Телешова поставить перед некоторыми стихотворениями заглавия и четко указал их, а также писал: “Кроме того: я уничтожил везде звездочки над стих<отворениями> без заглавий и черточки после стих<отворений> ввиду их безобразия. Прошу тебя решить: не возобновить ли, если будут черточки другие, и то и другое? *Дорогой, похлопочи обо мне!* Возобнови, если можно” [2, с. 401]. В изданной книге перед стихотворениями без заглавия сохранены звездочки, а в конце каждого стихотворения стоит волнистая черта.

Отвечая на первое письмо-просьбу, Телешов сообщал в письме Бунину 28 февраля 1902 г., что отправил через А.А. Карзинкина корректуру книги О.О. Гербеку и писал: “Чудак ты, право! Как я могу взять на себя выпуск книги? А вдруг тебе не понравится, или я что-нибудь не усмотрю? Впрочем что ж – ну, поругаемся малость. Не беда! Только такие длинные строки, как в первой вещи, мудрено вытянуть в линию и, вероятно,

невозможно» [8, кн. 1, с. 540]. В ответном письме от 8 марта 1902 г. Бунин успокаивает друга: «Дорогой Николай Дмитриевич, не сердись, что навязал на тебя корректуру, — к кому же мне обратиться, как не к тебе? А<лександра> А<ндреевича Карзинкина> мне совестно беспокоить. А что касается твоей боязни не “угодить” мне, то это, конечно, глупости. Вполне полагаюсь на тебя, и ругаться нам не придется» [2, с. 402].

Дальнейшая история подготовки к изданию этого поэтического сборника Бунина, получившая уже драматический характер, разворачивается в письме Телешова к Бунину от 15 марта 1902 г.:

Ну, брат, задал ты мне задачу! — Избави тебя Бог подумать, что это я тебе в упрек говорю или жалуясь. — Нет, Иван Алексеевич, — не жалуясь, не упрекаю, а только рассказываю и докладываю. Такого олуха, такой свиньи, как Гербек, я еще не встречал. <...> книгу с твоими поправками и желаниями я отправил в типографию, через несколько дней получил новый оттиск, но в виде возмутительном, который я правил, правил, но, наконец, на 80-й странице изругался и написал прямое оскорбление Гербеку. Больше не хватило сил писать вежливо. Это была такая мерзость, такая возмутительная корректура, каких я сроду не видывал. Не стану пока говорить тебе подробностей, но если бы ты увидал то, что он сделал (после я скажу тебе), то у тебя волосы поднялись бы дыбом. <...>

Через неделю получил опять новый (поправленный) оттиск, который в тот же вечер отослал назад как негодный, с новыми поправками. <...>

Я не только перечитал всю книгу восемь раз, но переглядел всякую букву (между прочим, ты пропустил немало грамматических ошибок), и не только переглядел, но и пересчитал строки по буквам, чтоб кое-что доказать этому сукину сыну! <...>

Сегодня, наконец, получил четвертую корректуру — на толстой бумаге, в чистом виде, в том виде и формате, как будет все издание. Приблизительно 2/3 я подписал, 1/3 все-таки закрестил и “повелеваю” переделать по-моему. <...> Извини, пожалуйста, и опять не истолковывай в дурном смысле, но я скажу: мучение! Прямо мучение, а не книга! <...>

Бумага выходит толстая, и книга будет здоровенная. Если Гербек не подпакует самовольно, да если я до тех пор не сойду с ума или не застрелюсь от волнений и ссор из-за книги, то издание будет красивое. Это правда.

Только ты молчи. Не думай, что я отягощен, или там что еще. Мне самому интересно вырвать у этой стервы хоть клочок шерсти. Я с удовольствием все это делаю; только боюсь, что проведет он меня [8, кн. 1, с. 543–544].

С сожалением Бунин писал Телешову 21 марта 1902 г.: “Жаль мне тебя, Митрич, и стыдно мне... Но что же я могу сделать? Дай Бог тебе сил на одоление этого подлеца. Как выйдет книга, вышли мне, дорогой, хоть десять экз. или 20 в Ялту почтой. Жажду видеть книгу” [2, с. 404].

В письме от 23 мая 1902 г. Телешов сообщал Бунину: «Книга твоя застряла. Она сидит в цензуре из-за добавленного стихотворения <“Чатырдаг”>. Чем это все кончится — не могу даже представить» [8, кн. 1, с. 548]. Из этого письма видно, что Бунин добавил в свой сборник еще одно стихотворение — это перевод “крымского сонета” А. Мицкевича “Чатырдаг”, который завершал книгу. В результате всех этих перипетий и треволнений книга Бунина “Новые стихотворения” вышла в свет в начале июня 1902 г.

Из истории издания этой книги мы видим, что в основном готовил ее к изданию Телешов, однако у него был экземпляр корректуры книги, выправленный Буниным, по которому он и работал. Кстати, после сравнения книги “Новые стихотворения” с перепиской писателей, можно констатировать, что Телешов очень аккуратно внес все исправления, о которых его просил Бунин в письмах. В связи со всем вышеизложенным данное издание тоже можно считать авторским.

Ранние стихотворения Бунина вошли в его сборник “Избранные стихи для юношества” (М., 1909) [11], вышедший в издательстве И.А. Белоусова “Утро”. История подготовки этого сборника начинается с письма И.А. Белоусова к Бунину от 5 мая 1908 г., в котором, в частности, говорится: “Слушай, говорю серьезно: собери ты сборник своих рассказов и стихов и дай мне издать; ругаться не будем, и не накладно тебе будет” [10, с. 737]. В ответном письме от 16 мая 1908 г. Бунин сообщал И.А. Белоусову: «Даю тебе слово непременно дать и стихов, и рассказ для сборника <“Утро”>, даю слово очень скоро собрать и для отдельных книг того и другого <...>» [10, с. 738–739].

Сохранилось “Соглашение” об издании этой книги, подписанное автором и издателем 11 ноября 1908 г.¹ В письме от 20 ноября 1908 г. из Глозово Бунин спрашивал у Белоусова, почему типография не присылает ему корректурные листы его сборника, и подчеркивает: “Беспокоюсь” [12, с. 90]. Сборник Бунина “Избранные стихи для юношества” вышел в свет в конце ноября 1909 г.

Судя по цитатам из переписки, Бунин сам отобрал для своего сборника стихотворения. Но остается вопрос, читал ли он корректуру этой книги? Исходя из того, что в письме от 20 ноября 1908 г. Бунин выражает беспокойство об отсутствии корректуры, а через несколько дней (в конце ноября) эта книга уже вышла в свет, можно сделать вывод, что корректуру этого сборника

¹ РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 6.

Бунин не читал, а подготовил книгу к изданию полностью Белоусов. Помимо этого, в сборнике поэма “Листопад” была представлена только отрывком. Сделал ли это сокращение поэмы сам поэт или Белоусов установить практически невозможно, так как по этому поводу не сохранилось никаких свидетельств. Можно только предположить, что, будучи близкими друзьями, Бунин и Белоусов договорились обо всем устно при встречах в Москве: Бунин дал тексты стихотворений, а Белоусов уже подготовил и выпустил этот сборник в своем издательстве “Утро”. Таким образом, степень участия Бунина в подготовке к изданию данного сборника представляется небольшой — сборник был только составлен автором. Однако считать его неавторским мы тоже не можем, поскольку Бунин сам составил книгу и подписал официальное соглашение на ее издание. При текстологической работе со стихотворениями Бунина необходимо помнить обо всех этих обстоятельствах и при возникновении каких-то спорных моментов в тексте данного сборника перепроверять их по другим изданиям.

Подготавливая к новому изданию свои ранние рассказы, вошедшие в 1-й том Собрания сочинений, выпущенный товариществом “Знание” в трех изданиях [13] (СПб., 1902, 1903, 1904), Бунин дополнил этот сборник другими рассказами и выпустил 4-е издание (исправленное и дополненное) под заглавием “Перевал и другие рассказы” в “Московском книгоиздательстве” в 1912 г. [14]. Судя по переписке Бунина с братом Ю.А. Буниным [12, с. 190], автор сам составил новое издание своего 1-го тома, добавив в него некоторые рассказы из сборника “На край света и другие рассказы” [3]. В это время Бунин жил на Капри, поэтому к чтению корректуры 4-го издания сборника рассказов автор вновь привлек Телешова. В письме к нему от 25 ноября (8 декабря) 1911 г. Бунин писал: «Отослал в “Моск<овское> книгоизд<ательство>” и материал 1-го тома, <...> измарал, исправляя, все вдребезги. Дорогой, в ножки поклонюсь — не можешь ли просмотреть *последнюю* корректуру этого тома? Стыдно просить, да что делать? Если мне будут слать, — когда книга выйдет?» [12, с. 192].

8 (21) декабря 1911 г. Бунин вновь пишет Телешову по поводу своей книги: «И еще: как дело насчет того, что я просил тебя просматривать для подписи мой первый том, издаваемый “М<осковским> к<нигоиздательством>”, эти гнусные рассказы, столь измазанные мною? Повторяю — если можно, просмотри и распоряжайся со всем так, точно это твоя книга, ни о чем

меня не спрашивая. Не до спросов — и так книга страшно поздно выйдет» [12, с. 195–196].

14 (27) января 1912 г. Телешов сообщил Бунину в письме:

Корректуру твою читаю. Уже 80 страниц отбарабанил. Печатают довольно чисто, ошибок мало, но все же встречаются. Ловлю, что замечаю. Но злюсь на тебя за бабы слова: чуть не по 10 раз на странице встречается “много-много”, “далеко-далеко”, “медленно-медленно”. Так бы и вытолкал в шею это второе слово! Точно институтка поздравление пишет: “очень-очень рада, крепко-крепко целую”. Но — пропускаю, ударяя кулаком по каждому ненужному слову.

Забыл, хоть убей, но *сажень* женского рода, а не мужского. Исправил. Не мог пропустить. И “подземки” нет, а есть “поземка”. А то выходит вроде “подземельного налога”. И вот в этом духе зачеркиваю, но очень мало [8, кн. 1, с. 605–606].

В ответном письме от 20 января (2 февраля) 1912 г. Бунин в очередной раз подтверждал предоставленную Телешову полную свободу в подготовке книги и писал: «Быль молодцу не укор, дорогой Киребеевич, — ведь эти “далеко-далеко” я писал “давно-давно”. А главное — ведь я же просил тебя черкать!» [12, с. 206].

В этот же день Телешов послал встречное письмо, в котором сообщал: “Дело идет ходом: полкниги твоей отзубрил. Не нынче-завтра пришлют еще три листа. Я не задерживаю. Рассказы твои перечитываю с удовольствием. Талантливый ты парень! Иной раз такую штуку загнешь, что просто прелесть, — несмотря на то, что рассказы давнишние. Хвалю за ухватку! Немножко однотонным ты сделал 1-й том: всё про деревню. Зато впечатление не дробится. Это, пожалуй, хорошо” [8, кн. 1, с. 607].

Сборник “Перевал и другие рассказы” вышел в “Московском книгоиздательстве” в марте 1912 г. И как следует из процитированной выше переписки, готовил к изданию эту книгу Телешов. Бунин передал Телешову (как и в случае со сборником “Новые стихотворения”) свой исправленный текст всех рассказов, вошедших в это издание, а также дал ему полное право выполнить весь издательский цикл выпуска книги в свет (чтение корректуры, проверка внесенной правки, подпись в печать). Телешов использовал данные ему широкие полномочия корректно и аккуратно, исправляя только явные ошибки и опечатки, но не вторгался в авторский текст. Таким образом, эта книга является авторским изданием.

Отметим, что Бунин лично готовил к изданию свои многотомные издания: как первое собрание сочинений, выпущенное товариществом “Знание” [13], так и Полное собрание сочинений

в шести томах [15], в первые два тома которого вошли ранние стихотворения и рассказы. История подготовки и издания этих собраний сочинений прослеживается в переписке писателя с А.М. Горьким и К.П. Пятницким, и с А.Е. Розинером [2]; [12]².

В 1914 г. Бунин подготовил для книжной серии “Народно-школьная библиотека” сборник “Избранные рассказы” [16], куда вошли в основном ранние его произведения. 31 мая 1914 г. Бунин писал об этом сборнике сотруднику редакции “Книгоиздательства писателей в Москве” Н.С. Клецову: “Я чуть-чуть почеркаю эти рассказы и вышлю Вам вскоре” [12, с. 307]. Эта книга вышла в свет в конце ноября 1914 г.

Сборник “Избранные рассказы” был переиздан дважды – в 1918 и 1919 гг. [17]; [18]. Вопрос о степени авторского участия в этих переизданиях не возникал бы, если бы тексты всех трех изданий были идентичными. Однако во втором и третьем изданиях сборника имеются мелкие различия (сокращенные союзы и слова, измененные слова и т.д.). По поводу второго издания своей книги Бунин сообщал в письме Н.С. Клецову от 15 июня 1917 г.: «“Парус” ничего не имеет против второго издания моих “Избранных рассказов”, – я получил на днях сообщение об этом от самого А.Н. Тихонова, хозяина “Паруса”» [12, с. 391]. Накануне Бунин продал издательству “Парус” свое собрание сочинений, поэтому требовалось согласие издательства на публикацию некоторых произведений отдельным изданием.

Можно предположить, что писатель участвовал в подготовке к выпуску 2-го издания сборника “Избранные рассказы”, вышедшего в 1918 г., так как Бунин с В.Н. Муромцевой уехал из Москвы 5 июня 1918 г. (по новому стилю), поэтому вполне мог прочесть корректуру книги и внести в текст незначительную правку. Однако утверждать мы этого не можем, потому что не сохранилось никаких свидетельств о подготовке и выпуске 2-го издания этой книги.

Что касается 3-го издания “Избранных рассказов” (М., 1919), то можно с полной уверенностью утверждать, что Бунин не имел отношения к его подготовке и выпуску, поскольку его не было в Москве. При этом 3-е издание вышло уже в новой орфографии, что сам Бунин, будучи принципиальным ее противником, не одобрил бы. При переводе со старой орфографии на новую издатели пошли так далеко, что в рассказе “На край света” даже фразы, написанные на украинском

языке, были набраны по-русски, например, вместо украинского “сокіл” в книге напечатано “сокил”. И другая незначительная правка, внесенная в 3-е издание сборника, явно сделана редактором, а в некоторых местах допущены опечатки.

Таким образом, в текстологической работе с ранними рассказами 2-е издание сборника “Избранные рассказы” может быть использовано с известной долей осторожности, а 3-е издание этой книги не может быть источником текста при текстологическом исследовании вошедших в нее рассказов.

Этот вывод подтверждают письма Бунина в начале эмиграции. Бунин писал Е.А. Ляцкому из Парижа 23 апреля 1920 г.: «Что до издания моих книг, то я весь к Вашим услугам – я совершенно свободен, а в России моих сочинений нет ни одного тома, – уезжая из Москвы в мае 1918 г. я не дал “Книгоиздат<ельству> писателей” разрешения издавать что-либо» [19, с. 121–122]. В письме к И.В. Гессену от 3 мая 1920 г. Бунин сообщал: «С удовольствием готов и издаваться у Вас. <...> я еще не связан нигде, – (равно как и в России, где, будучи сохозяином “Книгоизд<ательства> писателей в Москве”, я сам хозяин себе, а уезжая, запретил издавать что-либо мое без меня, так что в России уже давно нет ни одной моей книги)» [20, с. 161].

Многие ранние произведения Бунина (стихотворения и проза) были включены писателем в один из первых эмигрантских сборников “Начальная любовь” (Прага, 1921). Никаких документальных свидетельств о подготовке и издании этой книги не сохранилось. Известно только одно упоминание этого сборника в письме Бунина к П.М. Бицилли от 14 января 1951 г.: «Ужасно огорчен, что Вам попала в руки без моего ведома изданная когда-то (кажется, в Праге) книжка моих очень давних рассказов “Начальная любовь”!» [21, с. 170].

В этом письме есть две неточности. Во-первых, в сборник “Начальная любовь” вошли не только 11 рассказов, но и 78 стихотворений. Во-вторых, судя по внесенной правке в тексты произведений, вошедших в данный сборник, можно с уверенностью сказать, что ее вносил Бунин. Однако столь категоричное заявление в письме (“без моего ведома”), возможно, связано с тем, что Бунин, исправив тексты рассказов и стихотворений, не имел возможности окончательно просмотреть корректуру сборника. Это аргументированно подтверждает Т.М. Двинятина на примере текстов стихотворений этого сборника [22, с. 634]. Таким образом, несмотря на процитированное

² См. указатель писем по адресатам.

позднее заявление Бунина о своей книге, сборник “Начальная любовь” можно считать авторским изданием.

Следует обязательно обратить внимание на советские прижизненные издания Бунина. За 1926–1930 гг. в СССР было издано девять книг Бунина, из них в пяти книгах были напечатаны, в частности, ранние рассказы писателя. Все эти издания были выпущены без ведома и согласия Бунина, поэтому никак не могут быть авторскими.

В заключение отметим, что по существу почти все издания книг Бунина, включавших его ранние произведения, являются авторскими. Следовательно, они являются источниками текста при текстологической подготовке сочинений писателя для публикации в Полном собрании сочинений и писем Бунина. Однако при текстологической работе необходимо принимать во внимание все особенности подготовки и выпуска некоторых книг писателя, о которых шла речь в данной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Стихотворения 1887–1891 гг. Орел: Тип. газ. “Орловск. вестн.” Н.А. Семеновской, 1891.
2. Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
3. Бунин И.А. На край света и другие рассказы. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897.
4. Бунин И.А. Под открытым небом: Стихотворения. М.: Изд. редакции журнала “Детское чтение”; И.Н. Кушнерев и К^о, 1898. (Сер. «Библиотека “Детского чтения”»).
5. Бунин И.А. Стихи и рассказы. М.: Изд. редакции журнала “Детское чтение”; В. Рихтер, 1900. (Сер. «Библиотека “Детского чтения”»).
6. Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М.: Скорпион, 1901.
7. Бунин И.А. Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества. М.: Изд. торг. дома С. Курнин и К^о; тип. И.Н. Кушнерев и К^о, 1901.
8. Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: в 2 кн. / ред. А.Н. Дубовиков, С.А. Макашин, Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973.
9. Бунин И.А. Новые стихотворения. М.: Тип. О.О. Гербека, 1902.
10. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Том первый, 1870–1909 / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
11. Бунин И.А. Избранные стихи для юношества. М.: Утро, 1909.
12. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
13. Бунин И.А. [Собрание сочинений: в 6 т.]. Т. 1: Рассказы. СПб.: Изд. т-ва “Знание”, 1902; 2-е изд. СПб.: Изд. т-ва “Знание”, 1903; 3-е изд. СПб.: Изд. т-ва “Знание”, 1904.
14. Бунин И.А. Перевал и другие рассказы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912.
15. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Бесплатное приложение к журналу “Нива”).
16. Бунин И.А. Избранные рассказы. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. (Сер. “Народно-школьная библиотека”).
17. Бунин И.А. Избранные рассказы. 2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. (Сер. “Народно-школьная библиотека”).
18. Бунин И.А. Избранные рассказы. 3-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. (Сер. “Народно-школьная библиотека”).
19. Из пражского архива: письма И.А. Бунина и А.И. Куприна к Е.А. Ляцкому / публ. Л.С. Кишкина, В.А. Моторного; вступ. ст. и примеч. Л.С. Кишкина // Лепта. 1993. № 6. С. 120–143.
20. Бунин И.А. Письмо И.В. Гессену / публ. С.П. // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 160–161.
21. И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / ред.-сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010.
22. Двинятина Т.М. Общий очерк текстологии поэзии И.А. Бунина // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 557–703. (Академический Бунин; вып. 1).

REFERENCES

1. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia 1887–1891 gg.* [Poems 1887–1891]. Orel, Tip. gaz. “Orlovsk. vestn.” N.A. Semenovoi Publ., 1891. (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Pisma 1885–1904 godov. Pod obshch. red. O.N. Mihajlova. Podgot. teksta i komment. S.N. Morozova, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi* [Letters of 1885–1904, ed. by O.N. Mikhailov; Text Preparation and Commentary by S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Na krai sveta i drugie rasskazy* [To the End of the World and Other Stories]. St. Petersburg, Izd. O.N. Popovoi Publ., 1897. (In Russ.)

4. Bunin, I.A. *Pod otkrytym nebom: Stikhotvoreniia* [Under the Open Sky. Poems]. Moscow, Izd. redaktsii zhurnala "Detskoe chtenie"; I.N. Kushnerev i K^o Publ., 1898. («Biblioteka "Detskogo chteniia"» Series). (In Russ.)
5. Bunin, I.A. *Stikhi i rasskazy* [Poems and Stories]. Moscow, Izd. redaktsii zhurnala "Detskoe chtenie"; V. Rikhter Publ., 1900. («Biblioteka "Detskogo chteniia"» Series). (In Russ.)
6. Bunin, I.A. *Listopad: Stikhotvoreniia* [Leaf Fall. Poems]. Moscow, Skorpiion Publ., 1901. (In Russ.)
7. Bunin, I.A. *Polevye tsvety: Sbornik stikhotvoreniia i rasskazov dlia iunoshestva* [Wildflowers. Collection of Poems and Short Stories for Young People]. Moscow, Izd. torg. doma S. Kurnin i K^o; tip. I.N. Kushnerev i K^o Publ., 1901. (In Russ.)
8. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. T. 84: *Ivan Bunin: v 2 kn. / red. A.N. Dubovikov, S.A. Makashin, T.G. Dinesman* [Vol. 84: Ivan Bunin: 2 Books, ed. by A.N. Dubovikov, S.A. Makashin, T.G. Dinesman]. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
9. Bunin, I.A. *Novye stikhotvoreniia* [New Poems]. Moscow, Tip. O.O. Gerbeka Publ., 1902. (In Russ.)
10. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the Life and Works of Ivan Bunin], comp. S.N. Morozov. Vol. 1 (1870–1909). Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. (In Russ.)
11. Bunin, I.A. *Izbrannye stikhi dlia iunoshestva* [Selected Poems for Youth]. Moscow, Utro Publ., 1909. (In Russ.)
12. Bunin, I.A. *Pisma 1905–1919 godov. Pod obshch. red. O.N. Mihajlova; otv. red. S.N. Morozov; podgot. teksta i komment. S.N. Morozova, R.D. Devisa, L.G. Golubevoj, I.A. Kostomarovoj* [Letters of 1905–1919, ed. by O.N. Mikhailov, S.N. Morozov; Text Preparation and Commentary by S.N. Morozov, R.D. Devis, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. (In Russ.)
13. Bunin, I.A. [*Sobranie sochinenii: v 6 t.*] [Collected Works in 6 v.]. Vol. 1: Stories. St. Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1902; the 2nd Ed. St. Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1903; the 3^d Ed. St. Petersburg, Izd. t-va "Znanie" Publ., 1904. (In Russ.)
14. Bunin, I.A. *Pereval i drugie rasskazy* [The Pass and Other Stories]. The 4th Ed., Revised and Expanded. Moscow, Moskovskoe knigoizdatelstvo Publ., 1912. (In Russ.)
15. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in 6 Volumes]. Petrograd, Izd. t-va A.F. Marks Publ., 1915. (*Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu "Niva"* ["Niva" Series]). (In Russ.)
16. Bunin, I.A. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1914. ("Narodno-shkolnaia biblioteka" Series). (In Russ.)
17. Bunin, I.A. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. The 2nd edition. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1918. ("Narodno-shkolnaia biblioteka" Series). (In Russ.)
18. Bunin, I.A. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. The 3^d edition. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1919. ("Narodno-shkolnaia biblioteka" Series). (In Russ.)
19. *Iz prazhskogo arkhiva: pisma I.A. Bunina i A.I. Kuprina k E.A. Liatskomu. Publ. L.S. Kishkina, V.A. Motornogo; vstup. st. i primech. L.S. Kishkina* [From the Prague Archive: Letters of I.A. Bunin and A.I. Kuprin to E.A. Lyatsky, publ. by L.S. Kishkin, V.A. Motorny; Introductory Article and Notes of L.S. Kishkin]. *Lepta* [Pitch]. 1993, No. 6, pp. 120–143. (In Russ.)
20. Bunin, I.A. *Pismo I.V. Gessenu* [Letter to I.V. Hessen], publ. S.P. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 1993, No. 4, pp. 160–161. (In Russ.)
21. *I.A. Bunin. Novye materialy* [I.A. Bunin. New Materials]. Issue II, ed. by and comp. O. Korostelev, R. Devis. Moscow, Russkii put Publ., 2010. (In Russ.)
22. Dviniatina, T.M. *Obshchii ocherk tekstologii poezii I.A. Bunina* [A General Essay on the Textology of I.A. Bunin's Poetry]. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiya)*, red.-sost. O.A. Korostelev, S.N. Morozov [I.A. Bunin's Creative Work in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Studies), ed. by and comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 557–703. (Akademicheskii Bunin series; issue 1). (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 11, 2023

Revised on January 22, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025505-1

Два “Освобождения Толстого”: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве

© 2023 г. Л. В. Дубаков

Кандидат филологических наук,
доцент Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь,
район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
dubakov_leonid@mail.ru

Резюме. В статье соотносятся книга И.А. Бунина “Освобождение Толстого” (1937) и одноименное эссе А.Л. Иванченко (2005). В центре рассмотрения оказываются авторские литературно-религиозные интенции (всех трех писателей), особенности создаваемого образа Л.Н. Толстого в обоих эссе, тематика и проблематика толстовского художественного творчества и его религиозно-философской публицистики, определенным образом воспринятые Буниным и Иванченко, специфика повествования. Ключевая проблема, которой касаются оба автора, — освобождение Толстого. Бунин видит его в пределе как освобождение от смерти, Иванченко — как освобождение от личности, погруженной в сансару. В обоих “Освобождениях Толстого” авторы, говоря о великом писателе, проговаривают свои собственные представления о смысле жизни и о характере и цели писательского ремесла. Бунин стоит на специфической “христианско-буддийской” позиции, сближаясь с Толстым в его желании “буддийского растворения” и одновременно его опасаясь, стремясь к полноте чувственного бытия. Иванченко как буддист видит в Толстом того, кто интуитивно подошел к буддийскому учению и его практике окончательного самоосвобождения. Бунинский полифоничный текст о Толстом, формирующий пространство и процесс размышлений, у Иванченко оказывается монологом автора, логично выстраивающего мысль от начала к концу и ироническими заголовками отменяющего свету и тщету мирской жизни. Также в статье привлекаются другие тексты А.Л. Иванченко, в которых тот обращается к образу Л.Н. Толстого. В цикле литературно-философских эссе «“Номо Mysticus”. Сутры солнечного удара» и в “Живом журнале” (в записях аккаунта “Verbarium”) он понимает Толстого как образец писателя, который от слов идет к молчанию, от внешнего творчества — к творчеству экзистенциальному.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.Л. Иванченко, буддизм, буддийский текст, эссе, параллелизм и полемика, проблема творчества.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Два “Освобождения Толстого”: И.А. Бунин и А.Л. Иванченко о смерти и творчестве // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 86–91. DOI: 10.31857/S160578800025505-1

Two “Liberations of Tolstoy”: I. A. Bunin and A. L. Ivanchenko on Death and Creativity

© 2023 Leonid V. Dubakov

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Dayun New Town,
Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The article correlates the book, or essay by I. Bunin “The Liberation of Tolstoy” (1937) with the essay by A. Ivanchenko “The Liberation of Tolstoy” (2005). The author’s literary and religious intentions (of all three writers), the features of the created image of Leo Tolstoy in both essays, the themes and problems of Tolstoy’s creative work and his religious and philosophical journalism, perceived in a certain way by Bunin and Ivanchenko, the specifics of the narrative are in the center of consideration. The key problem that both authors are concerned with is the liberation of Tolstoy. Bunin sees it as liberation from death, Ivanchenko – as liberation from the personality immersed in samsara. In both “Tolstoy’s Liberations”, the authors, speaking of the great writer, express their own ideas about the meaning of life and about the nature and purpose of the writer’s craft. Bunin stands on a specific “Christian-Buddhist” position, approaching Tolstoy in his desire for “Buddhist dissolution” and at the same time fearing him, striving for the fullness of sensual existence. Ivanchenko as a Buddhist sees in Tolstoy someone who intuitively approached Buddhist teaching and his practice of final self-liberation. Bunin’s polyphonic text about Tolstoy, which forms the space and the process of reflection, turns out to be Ivanchenko’s monologue of the author, logically building a thought from beginning to end and eliminating the bustle and vanity of worldly life with ironic headings. The article also draws on other texts by A. Ivanchenko, in which he refers to the image of L. Tolstoy. In the cycle of literary and philosophical essays “Homo Mysticus. The Sunstroke Sutras” and in LiveJournal, in the records of the “Verbarium” account, he understands Tolstoy as a model of a writer who goes from words to silence, from external creativity to existential creativity.

Key words: I.A. Bunin, A.L. Ivanchenko, Buddhism, Buddhist text, essays, parallelism and polemics, the problem of creativity.

For citation: Dubakov, L.V. *Dva “Osvobozhdeniya Tolstogo”: I.A. Bunin i A.L. Ivanchenko o smerti i tvorchestve* [Two “Liberations of Tolstoy”: I.A. Bunin and A.L. Ivanchenko on Death and Creativity]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 86–91. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025505-1

Известно, что образ Л.Н. Толстого, его биография, его художественное творчество в значительной степени повлияли на И.А. Бунина. Вероятно, главным трудом, в котором обнаруживается бунинский интерес к Толстому и его на Бунина воздействие, является книга, или эссе, “Освобождение Толстого” [1]¹. По словам М.А. Пьянзиной, “...посвящая свое итоговое сочинение любимому писателю, Бунин получал возможность высказать сокровенные мысли о писательском мастерстве, о природе художественного творчества и, наконец, о себе как о писателе” [2, с. 118–119].

Спустя семь десятилетий современный писатель А.Л. Иванченко, так же на протяжении многих лет проявляющий интерес к личности и творчеству Л.Н. Толстого, написал свое эссе о великом русском писателе и философе, намеренно дав своему сочинению то же название, что и Бунин, но со своим подзаголовком – “Освобождение Толстого (В чем моя вера? Буддийские

мотивы в жизни и творчестве Л.Н. Толстого)” [3]². И эти произведения, конечно, так или иначе находятся в диалоге. При этом Иванченко практически не оспаривает Бунина, он скорее идет параллельным путем. Иванченко, кажется, даже не в деталях знает бунинское эссе, например, отмечая, что не помнит, в чьих воспоминаниях прочел фразу Толстого “Довольно проявлений!”, хотя она присутствует в этой книге Бунина.

Иванченко, несмотря на то, что много пишет о Толстом и избирает, на первый взгляд, ту же оптику, что и Бунин, – проблему подлинного освобождения Толстого, в своем эссе смещает акцент с личности писателя на интересующую его самого буддийскую проблематику. При внимательном чтении средняя позиция названия иванченковского эссе – “В чем моя вера?” – оказывается главной. Помимо отсылки к одноименному трактату Толстого, она указывает на то, что Иванченко говорит в “Освобождении Толстого” прежде всего о своей собственной вере, а уже потом о вере Толстого. В этом эссе Иванченко размышляет в буддийском ключе о творчестве³, о лично-

¹ Об “Освобождении Толстого” И.А. Бунина есть достаточно обширная литература, в которой, однако, буддийские мотивы специально не рассматриваются. Из работ последнего времени можно назвать, например, следующие: Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции: дис. ... PhD (русская филология). Таллинн, 2009. С. 99–110; Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дис. ... канд. филол. СПб., 2000. 376 с.; Пращерук Н.В. Проза И.А. Бунина в диалогах с русской классикой. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. федерал. ун-та, 2016. 206 с.

² Мы ссылаемся на публикацию 2007 г. [3], однако у нас имеется версия текста без изъятий, предоставленная автором, к сожалению, пока не опубликованная в новой и более полной редакции. Полный вариант названия взят оттуда.

³ О проблеме творчества в эссеистике А.Л. Иванченко подробнее см.: [4].

сти, о персоне другого (в том числе Бога), о государстве, об этике и проч. Более того, некоторые из рубрик “Освобождения Толстого” (например, “Творчество и чудотворчество” (в четырех частях) [5]) можно обнаружить в цикле «“Номо Mysticus”. Сутры солнечного удара», и там в них не упоминается Толстой, то есть они существуют как бы и вне толстовского контекста.

На все “Освобождение Толстого” Иванченко можно посмотреть как на цикл авторских литературно-“философских миниатюр” о человеке в его “мистическом измерении” – на примере Толстого. Неслучайно эта книга Иванченко, как и его “Номо Mysticus...”, на уровне структуры поделена на отдельные рубрики с такими же ироническими заголовками, “обнажающими тщету и суетность западной культуры перед совершенством мысли Востока” [6].

Иванченковское “Освобождение Толстого”, в отличие от бунинского “Освобождения Толстого”, менее полифоничный текст. Там, где у Бунина система нескольких нарраторов и сложное соединение нескольких дискурсов [2]; [7], Иванченко создает прежде всего литературно-философское эссе с преимущественно монологической речью. Вместе с тем, как и книга Бунина, иванченковское “Освобождение Толстого” содержит краткие и пространные цитаты из Толстого. Так, оно начинается и завершается двумя большими фрагментами из книги “В чем моя вера?” и “Холстомера”, которые в истолковании Иванченко оказываются ключевыми толстовскими текстами с точки зрения понимания его основных мотивов – сопротивление земному закону в противовес закону божественному и обнаружение иллюзии земной реальности.

Цитаты из буддийских текстов, которые имеются у Бунина, у Иванченко превращаются в большие пассажи, воспроизводящие буддийские медитации (подобно тому, как это было в его романе “Монограмма”). Вероятно, для Иванченко важно не столько обнаружить близость мыслей Толстого к буддийскому учению, хотя тот “близко <...> подошел к проблеме *самоосвобождения*, методу личного спасения, который составляет в буддизме узловой момент <...> духовной практики” [2, с. 347], сколько ввести в текст эссе подробную и четкую инструкцию по освобождению для любого человека.

Бунинского столкновения различных взглядов на Толстого у Иванченко нет, нет и споров о Толстом. Иванченко лишь иногда моделирует возможные дискуссии – например, между Толстым и Достоевским, – чтобы в конечном итоге

предложить свою версию: “Спасти красоту и красотой может только Бог, продиктовавший художнику свои формы, но художник редко слушает небо. Он сам себя называет Богом” [3, с. 339].

Толстой в иванченковском тексте оказывается в большей степени буддийским философом, чем на взгляд Бунина, у которого философия освобождения Толстого по сути своей “носит характер глубоко христианский” [2, с. 124]. В.Д. Агафонова отмечает, что в “Освобождении Толстого” Бунин “соединяет буддийские и христианские взгляды” [8, с. 16] и что «наряду с захваченностью буддийским “комплексом”, в мирозерцании писателя всегда существовало противовесное сознание, связанное прежде всего с острым ощущением самоценности личностных начал и их “притязаний»» [8, с. 15]. Философская публицистика и творчество Толстого проявляют в эссе Иванченко свои многочисленные буддийские мотивы, равно как и буддийские по сути своей мотивы-побуждения проявляются в осмысляемой в “Освобождении Толстого” жизни великого писателя.

Бунинский Толстой преодолевает смерть, фраза “Довольно проявлений!” видится Бунину как индусско-буддийская интенция к прекращению рождений. Иванченковский Толстой преодолевает себя как писателя, он движется к “прямоговорению” [3, с. 350]: в словах “Довольно проявлений!” Иванченко слышит не только идею об уходе от перевоплощений в сансаре, но и другие слова: “Довольно *художественных* перевоплощений, довольно воображения!”, и это “заключительный аккорд очищающегося от сансарических воплощений сознания”, “заключительная ступень высшего духовного пути” [3, с. 349]. О.А. Бердникова пишет, что для Бунина Толстой был образцом творца, стремившегося к расширению границ личностного бытия [9], Иванченко видит основное его достоинство – в противоположном.

Таким образом, два “Освобождения Толстого” – бунинское и иванченковское – говорят об одном и том же – освобождении Л.Н. Толстого. Однако Иванченко понимает это освобождение шире и, возможно, глубже, имея в виду не только сражение писателя с телесной смертью, но и с самим собой как писателем (а человека вообще – с обмирщением сознания и даже с собственным “я”). Бунинский текст проводит параллели между Толстым и буддизмом, но написан на основе христианского мировоззрения (может быть, с некоторыми элементами буддийского), иванченковское эссе о Толстом – подлинно буддийский текст, являющийся не только философией

о буддизме, но и буддийской теорией и практикой на примере жизни и творчества Толстого.

Бунин спорит с современниками о своем видении Толстого, Иванченко утверждает Толстого как буддийского философа и писателя, а современников великого классика лишает права ими быть: “...современники делают классиков своими соучастниками. За бессилием стать их современниками” [3, с. 360]. Бунинский текст демонстрирует “процесс раздумий” [2, с. 124] и обретение истины, иванченковский текст в самом начале заявляет основные тезисы и на протяжении остальных страниц развивает эти тезисы, он не ищет истину, он ее обосновывает.

Помимо эссе “Освобождение Толстого” Иванченко обращается к фигуре Толстого и в других текстах. Так, в эссе «Измерение. Куй, куй чобиток. Философия тела в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина”» он делит культуру на опасную и неопасную для “я”. Опасная культура прекращает бытие “я”: “Опасен Будда, не опасен Христос. Истинные мысли человечности исходят от *опасных* людей. Неопасные порождают слабость и насилие. Они вечная угроза свободе и миру и превращение его в истинную опасность” [10]. Это эссе само по себе оказывается попыткой прочесть роман Толстого через буддийское миропонимание — “как историю расставания человека с телом, с иллюзией плоти и материи и как самоопределение в страдании его измученного духа” [10]. По мнению Иванченко, Анне Карениной в последних мгновениях бытия открывается “рябь майи на смыкающейся поверхности обмана”, “железная сеть майи” [10], скованная мужичонком из украинской народной песни.

Вспоминает Толстого Иванченко также в своем “Живом журнале”, где его аккаунт называется “Verbarium”. (Эти записи с точки зрения жанра можно определить как небольшие эссе. В отличие от “Homo Mysticus...”, они не включены в законченную структуру, однако, судя по тегам (например, “Человек мистический”, “Наледи”), писатель смотрит на них как на логическое продолжение своих эссеистских сборников. Записи “Verbarium” близки к эссе “Homo Mysticus...” и “Наледям” своими художественными ходами: как правило, Иванченко отталкивается от литературных, культурных, политических впечатлений и осмысляет / переосмысляет их, опираясь на буддийские установки. Кроме того, записи “Verbarium” можно квалифицировать и как мистические интуиции писателя в буддийской сфере. Аккаунт “Verbarium” имеет расшифровку “Террариум слов”. В этом словосочетании можно

увидеть и отношение писателя к словам как к живым существам — растениям или беспозвоночным (например, при произвольной, но возможной культурной ассоциации — как к паукам или змеям), и восприятие слов как выразителей относительной, ограниченной, земной реальности, и взгляд на слова как на порождение человеческого ума.)

Одна из тем “Verbarium” — “стихийные” буддийские открытия русской литературы. Запись “Камма Сологуба” от 14 мая 2014 г. поднимает проблему западного восприятия доктрины перерождений. Поэт “приближается к Дхамме”, но, по мнению Иванченко, упускает из виду главное — несуществование “я”, а значит, несуществование времени, ведь «наблюдатель прошлого <...> присваивает себе мнимые функции мнимого “я” и распространяет их на “настоящее” и “будущее»” [11]. В комментариях к этой записи можно увидеть что-то вроде полемики, в которой обсуждается проблема возможности адекватного разговора о сложных метафизических вещах. Иванченко, обосновывая необходимость двойного языка (конвенционального и абсолютного) в рамках одного высказывания, а также говоря о молчании как следствии устремления к абсолютному языку, приводит примеры из творчества Ф.М. Достоевского. Федор Сологуб, Достоевский, Ницше для него — это примеры “каммически развитых” людей, способных на отдельные или многие верные интуиции, но из-за веры в личность («гордыня заблуждения “личности” почти всегда мешает художнику сознательно проникнуть на собственную глубину»⁴) они “обречены на долгие скитания в сансаре” [11]. Кода к этой полемике — фраза “Ушел в ритрит”: полемика завершена писателем на “верхней высоте, за которой только молчание” [11]. В отличие от вышеназванных писателей, Толстой в его понимании, напротив, человек, который шел путем Будды — “от слов к молчанию, через художественный искус к прямому высказыванию, и от него — к безмолвию”, но не дошел, потому что “ему помешало искусство” [13] (запись “Внутри слов и внутри безмолвия” от 21 ноября 2010 г.). Его уход из Ясной Поляны “сопоставим с ночным уходом из дома Сидхаттхи Готамы, Будущего Будды” [14] (запись “Толстой: 100 лет со дня ухода из Ясной Поляны” от 10 ноября 2010 г.).

В записи от 16 июля 2010 г. «Роман как сверхединство “не-я”» Иванченко определяет особенность романного жанра с точки зрения его воздействия на автора: «В романной форме “я” (это

⁴ Комментарий к записи от 14 октября 2013 года “О природе стиля”. См.: [12].

сначала гипертрофируется, а затем теряет свои границы и полностью обесценивается, самоуничтожается до ядра» [15]. Роман в этом смысле не столько литературный жанр, сколько форма экзистенциального творчества, “романная структура сознания”: “Будда, Христос, мыслители Веданты, Платон, Толстой, Паскаль, Шопенгауэр написали свои романы” [15].

Итак, Иванченко вслед за Буниным создает свой портрет и свою внешнюю и внутреннюю биографию Толстого. Как и Бунин, он пишет “Освобождение Толстого” — текст, в котором великий русский писатель, в жизни и творчестве которого обнаруживаются буддийские черты, устремляется к Освобождению [16]. Бунинский Толстой освобождается прежде всего от смерти, иванченковский — от обмирщения человеческого, и в частности писательского, сознания. Иванченко, как и Бунин, в “Освобождении Толстого” пишет не только о Толстом, но и о себе — своих взаимоотношениях с миром и писательским искусством, которое в идеале должно быть направлено на растворение личности, полной страстей. Об этой же проблематике А.Л. Иванченко пишет в “Живом журнале” (в аккаунте “Verbarium”) и в эссе «“Номо Mysticus”. Сутры солнечного удара», в отдельных записях которых Лев Толстой предстает писателем, идущим от слов к молчанию как подлинному творчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Полн. собр. сочинений: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 8. С. 15–143.
2. Пьянзина М.А. Природа дискурса и “Освобождение Толстого” // Филология и человек. 2008. № 1. С. 118–119.
3. Иванченко А.Л. Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л.Н. Толстого // Международные яснополянские писательские встречи, 2003–2005. Тула: Ясная Поляна, 2007. С. 331–360.
4. Дубаков Л.В. Проблема творчества в цикле философских эссе А.Л. Иванченко “Номо Mysticus”. Сутры солнечного удара // Философия и/или новое интегративное знание: Сб. мат-лов VII Всероссийской научной конференции (с международным участием), Ярославль, 15–16 апреля 2021 г. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021. С. 64–72.
5. Иванченко А.Л. Творчество и чудотворчество / “Номо Mysticus”. Сутры солнечного удара // Топос: сайт литературно-философского журнала. [URL: <https://www.topos.ru/article/3081> (дата обращения: 04.01.2023)]
6. Иванченко А.Л. Шунья-ашунья. Интервью Николаю Алипову // Современная русская литература с Вячеславом Курицыным: сайт. [URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/ivanchenko/shun.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
7. Луговская Д.А. Особенности нарратива эссе И.А. Бунина “Освобождение Толстого” // Время науки. 2015. № 2. С. 24–32.
8. Агафонова В.Д. Библейско-христианская проблематика в творчестве И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 144 с.
9. Бердникова О.А. Личность творца в книге И.А. Бунина “Освобождение Толстого” // Царственная свобода. О творчестве Бунина. Воронеж, 1995. С. 77–95.
10. Иванченко А.Л. Измерение. Куй, куй чобиток. Философия тела в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина” // Топос: сайт литературно-философского журнала. [URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/izmerenie-kui-kui-chobitok-filosofiya-tela-v-romane-ln-tolstogo-ann> (дата обращения: 04.01.2023)]
11. Иванченко А.Л. Камма Сологуба // LiveJournal: сайт. [URL: <https://verbarium.livejournal.com/230859.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
12. Иванченко А.Л. О природе стиля // LiveJournal: сайт. [URL: <https://verbarium.livejournal.com/186540.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
13. Иванченко А.Л. Внутри слов и внутри безмолвия // LiveJournal: сайт. [URL: <https://verbarium.livejournal.com/104192.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
14. Иванченко А.Л. Толстой: 100 лет со дня ухода из Ясной Поляны // LiveJournal: сайт. [URL: <https://verbarium.livejournal.com/101390.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
15. Иванченко А.Л. Роман как сверх-единство “не-я” // LiveJournal: сайт. [URL: <https://verbarium.livejournal.com/87606.html> (дата обращения: 04.01.2023)]
16. Чебоненко О.С. Буддийский канонический трактат “Сутта-Нипата” в творческом наследии Л.Н. Толстого и И.А. Бунина // Вестник БГУ. 2013. № 10. С. 110–116.

REFERENCES

1. Bunin, I.A. *Osvobozhdenie Tolstogo* [The Liberation of Tolstoy]. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenij v 13 t.* [The Complete Works in 13 Vols.]. Moscow, 2006, Vol. 8, pp. 15–143. (In Russ.)
2. Pyanzina, M.A. *Priroda diskursa i “Osvobozhdenie Tolstogo”* [The Nature of Discourse and the “Liberation

- of Tolstoy”]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2008, No. 1, pp. 118–119. (In Russ.)
3. Ivanchenko, A.L. *Osvobozhdenie Tolstogo: buddijskie motivy v zhizni i tvorchestve L.N. Tolstogo* [Tolstoy’s Liberation: Buddhist Motives in the Life and Work of L.N. Tolstoy]. *Mezhdunarodnye yasnopolyanskije pisatel’skie vstrechi, 2003–2005* [International Yasnaya Polyana Writers’ Meetings, 2003–2005]. Tula, 2007, pp. 331–360. (In Russ.)
  4. Dubakov, L.V. *Problema tvorchestva v cikle filosofskih esse A. L. Ivanchenko “Homo Mysticus. Sutry solnechnogo udara”* [The problem of creativity in the cycle of philosophical essays by A.L. Ivanchenko “Homo mysticus. Sutras of sunstroke”]. *Filosofiya i/ili novoe integrativnoe znanie: Sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), Yaroslavl’, 15–16 aprelya 2021 goda* [Philosophy and/or New Integrative Knowledge: Collection of Materials of the 7th All-Russian Scientific Conference (with International Participation), Yaroslavl, April 15–16, 2021]. Yaroslavl, 2021, pp. 64–72. (In Russ.)
  5. Ivanchenko, A.L. *Tvorchestvo i chudotvorchestvo* [Creativity and Miracle-Working]. Ivanchenko, A.L. “Homo Mysticus”. *Sutry solnechnogo udara* [“Homo Mysticus”. Sutras of Sunstroke]. URL: <https://www.topos.ru/article/3081> (In Russ.)
  6. Ivanchenko, A.L. *Shunya-ashunya. Intervyu Nikolayu Alipovu* [Shunya-ashunya. Interview with Nikolai Alipov]. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/ivanchenko/shun.html> (In Russ.)
  7. Lugovskaya, D.A. *Osobennosti narrativa esse I.A. Bunina “Osvobozhdenie Tolstogo”* [Features of the Narrative of I.A. Bunin’s Essay “The Liberation of Tolstoy”]. *Vremya nauki* [The Time of Science]. 2015, No. 2, pp. 24–32. (In Russ.)
  8. Agafonova, V.D. *Biblejsko-hristianskaya problematika v tvorchestve I.A. Bunina* [Biblical-Christian Problems in the Works of I.A. Bunin]. Phil. cand. diss. Moscow, 2009. (In Russ.)
  9. Berdnikova, O.A. *Lichnost tvorca v knige I.A. Bunina “Osvobozhdenie Tolstogo”* [The Personality of the Creator in I.A. Bunin’s Book “The Liberation of Tolstoy”]. *Carstvennaya svoboda. O tvorchestve Bunina* [Royal Freedom. About Bunin’s Work]. Voronezh, 1995, pp. 77–95. (In Russ.)
  10. Ivanchenko, A.L. *Izmerenie. Kuj, kuj chobitok. Filosofiya tela v romane L.N. Tolstogo “Anna Karenina”* [Measurement. Kui, kui chobitok. The Philosophy of the Body in L.N. Tolstoy’s Novel “Anna Karenina”]. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/izmerenie-kui-kui-chobitok-filosofiya-tela-v-romane-ln-tolstogo-ann> (In Russ.)
  11. Ivanchenko, A.L. *Kamma Sologuba* [Kamma by Sologub]. URL: <https://verbarium.livejournal.com/230859.html> (In Russ.)
  12. Ivanchenko, A.L. *O prirode stilya* [On the Nature of Style]. URL: <https://verbarium.livejournal.com/186540.html> (In Russ.)
  13. Ivanchenko, A.L. *Vnutri slov i vnutri bezmolyiya* [Inside Words and Inside Silence]. URL: <https://verbarium.livejournal.com/104192.html> (In Russ.)
  14. Ivanchenko, A.L. *Tolstoj: 100 let so dnya uhoda iz Yasnoj Polyany* [Tolstoy. 100 Years Since Leaving Yasnaya Polyana]. URL: <https://verbarium.livejournal.com/101390.html> (In Russ.)
  15. Ivanchenko, A.L. *Roman kak sverh-edinstvo “ne-ya”* [Roman as a super-unity of “not-me”]. URL: <https://verbarium.livejournal.com/87606.html> (In Russ.)
  16. Chebonenko, O.S. *Buddijskij kanonicheskij traktat “Sutta-Nipata” v tvorchestvom nasledii L.N. Tolstogo i I.A. Bunina* [Buddhist Canonical Treatise “Sutta-Nipata” in the Creative Heritage of L.N. Tolstoy and I.A. Bunin]. *Vestnik BGU* [Bulletin of BSU]. 2013, No. 10, pp. 110–116. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 26 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 12, 2022

Revised on January 26, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025506-2

О типах “малых” ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы

© 2023 г. И. В. Макаrchук

Старший преподаватель Школы лингвистики,
стажер-исследователь Международной лаборатории языковой конвергенции
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
ilya.makarchuk@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются два типа глагольных дериваций со значением малой степени ситуации, которые мы назвали дисконтинуативами и глагольными диминутивами. Мы показываем, что данные два типа имеют разную диахроническую историю: первый происходит из глагольной множественности, а второй из именных диминутивов. Мы рассматриваем аспектуальные характеристики этих дериваций и показываем различия в сочетаемости, объясняемые их разным происхождением.

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: дисконтинуатив, диминутив, аттенуатив, акциональность, аспектуальные деривации.

Для цитирования: Макаrchук И.В. О типах “малых” ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 92–103. DOI: 10.31857/S160578800025506-2

A Typology of “Small” Evenutalities: Discontinuatives and Verbal Diminutives

© 2023 Ilya V. Makarchuk

Senior Lecturer of the School of Linguistics,
Research Assistant at the Linguistic Convergence Laboratory
of the Faculty of Humanities,
HSE University,
21/4 Bld. 1 Staraya Basmanaya Str., Moscow, 105066, Russia
ilya.makarchuk@gmail.com

Abstract. This article looks at two types of verbal derivations with a meaning of a lesser situation, which we have named discontinuatives and verbal diminutives. We show that these two types are of different diachronic origin: the former comes from verbal pluractionality, and the latter comes from nominal diminutives. We describe aspectual properties of the derivations and show how differences in distribution can be explained by the origin of the derivations.

Acknowledgements. This article is an output of the research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Key words: discontinuative, diminutive, attenuative, Aktionsart, lexical aspect.

For citation: Makarchuk, I.V. *O tipah "malyh" situacij: diskontinuativy i glagol'nye diminutivy* [A Typology of "Small" Evenualities: Discontinuatives and Verbal Diminutives]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 92–103. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025506-2

1. Введение

В языках мира встречаются различные деривации со значением ослабленной ситуации, как в примерах ниже:

(1) *Zan kontan sant-sant sega.*
 Жан нравиться.SF петть-петть.SF сега
 ‘Жану нравится **напевать** песни сега’. (маврикийский креол; [1])

(2) *Est-ce qu'il neige toujours? (...) il neigeote, chère madame!*
(...) Quelques vagues flocons dans l'air!
 ‘Снег до сих пор идет? <...> **Снег еле идет**, мадам! <...>
 Несколько снежиночек будет и все!’ (французский; [2])

На первый взгляд, кажется, что эти показатели устроены одинаковым образом. Однако, как мы покажем, они различаются своим аспектуальным поведением. Такие показатели, как в (1), мы назвали **дисконтинуативами**, а такие, как в (2), – **глагольными диминутивами**. Отметим, что это условные ярлыки. Как мы покажем, показатели первого типа развивают аттенуативные значения за рамками собственно дисконтинуативных – т.е. прерывистой множественной ситуации. Однако мы решили все же использовать ярлык “дисконтинуатив”, так как считаем, что ядерное, исходное значение – это значение дисконтинуатива.

В настоящей работе мы рассмотрим отдельные примеры обоих типов показателей в языках мира, обсудим семантические механизмы, стоящие за ними, и сравним их друг с другом. Наш обзор ставит собой целью не перечислить все языки, где есть деривации рассматриваемых типов, а более подробно разобрать яркие примеры исследуемых нами типов, чтобы сравнить их более содержательно и глубоко, чем могла бы позволить более экстенсивная, но поверхностная типология. Если читателя интересует подобный широкий обзор, то мы можем его отослать, например, к [3] и [4].

Эта работа будет устроена следующим образом. После введения в разделе 1 в разделе 2 мы обсудим семантику дисконтинуативов и предложим их анализ. Раздел 3 будет посвящен глагольным диминутивам, где мы также рассмотрим их семантику и происхождение. В разделе 4 мы подведем итоги.

2. Дисконтинуативы

2.1. Редупликация в языках мира

Во многих языках редупликация используется для обозначения глагольной множественности (см., например, [5]), как, например, в языке чви (3) и в суданском языке (4):

(3) *tëetëem* ‘плакать постоянно’ < *tëem* ‘поплакать’ [6, с. 64] цит. по [5]

(4) *gogodag* ‘всё качать и качать головой’ < *godag* ‘качать головой’ [7, с. 354] цит. по [5]

В карибских креолах также продуктивна полная редупликация слова для обозначения глагольной множественности: итератива (5), аугментатива (6) и дистрибутива (7) (примеры из ямайского креола по [8]):

(5) *tiff* ‘украсть’ > *tiff-tiff* ‘красть несколько раз, постоянно’

(6) *fried* ‘испуган’ > *fried-fried* ‘очень испуган’

(7) *trash* ‘мусор’ > *trash-trash* ‘много мусора, несколько кусков мусора’

Парадоксальным образом редупликация в этих языках также может иметь обратное значение ослабленной ситуации, или аттенуатива [8]:

(8) *lepi* ‘зрелый, быть зрелым’ > *lepi-lepi* ‘недозрелый, незреть’ [ндюка]

(9) *lon* ‘бежать’ > *lon-lon* ‘делать вид, что бегаешь’ [ндюка]

(10) *ferfi* ‘красить’ > *ferfi-ferfi* ‘подкрасить чуть-чуть’ [сранан]

Такое же употребление редупликации встречается в малайско-полинезийских языках (выборка из 30 языков в [9]). Ниже приведены примеры из амбримского языка, где редупликация выражает как итеративное (11) и аугментативное (12), так и аттенуативное (13) значение.

(11) *mün* ‘пить’ > *mün-mün* ‘продолжать пить, всё пить и пить’

(12) *nor* ‘думать’ > *nor-nor* ‘обдумывать, продумывать’

(13) *man* ‘смеяться’ > *man-man* ‘улыбаться’

2.2. Редупликация в маврикийском креоле

Показателен пример редупликации в маврикийском креоле [1]; [10]. Глагол в маврикийском креоле различает две формы: Краткую¹ и Полную – как, например, *sant* и *sante* ‘петь’ (гlossируются SF и LF соответственно). Краткая форма используется в контекстах с дополнением (14). Полная форма же используется в контекстах, где у глагола нет зависимого дополнения (15), и некоторых других контекстах. По всей видимости, Краткая форма глагола имеет дистрибуцию глагола, а Полная форма – дистрибуцию целой глагольной группы.

- (14) *Mo ti manz/*manze kari.*
1SG PST есть.SF/LF карри
‘Я съел карри’.
- (15) *Mo ti manze/*manz.*
1SG PST есть.LF/SF
‘Я поел’.

В маврикийском глаголе существует два типа редупликации глагола: на синтаксическом уровне и морфологическом уровне [1]. Синтаксическая редупликация имеет значение итератива и аугментатива, поэтому дальше мы ее будем называть также Итеративной редупликацией. Как видно из (16), обе сочетающиеся глагольные формы – Полные формы. Более того, эти повторяющиеся формы можно разделить союзом *ek* ‘и’ (17). По всей видимости, такая редупликация представляет собой сочинение двух глагольных групп.

- (16) *Zan kontan sante sante.*
Жан любить.SF петь.LF петь.LF
‘Жан любит **по-настоящему петь**’.
- (17) *Li sante (ek) sante (ek) sante.*
3SG петь.LF (и) петь.LF (и) петь.LF
‘Он всё **поет и поет**’.

Морфологическая редупликация, наоборот, имеет значение аттенуатива. В Аттенуативной редупликации первая основа усеченная и соответствует Краткой форме, а вторая основа – это Краткая форма или Полная форма, и выбор основы происходит по тем же правилам, что и у любого другого маврикийского глагола (18)–(19). Более того, глагол, образованный с помощью Аттенуативной редупликации, может быть далее подвергнут синтаксической редупликации (20).

- (18) *Zan kontan sant-sante.*
Жан нравиться.SF петь-петь.LF
‘Жану нравится **напевать** (разные мелодии)’.

¹ Здесь и далее мы следуем общей конвенции писать конкретные языковые категории с большой буквы (например, *русский Генетив*), а категории, которые применимы ко всем языкам, с маленькой (например, *показатели генетива в языках мира*).

- (19) *Zan kontan sant-sant sega.*
Жан нравиться.SF петь-петь.SF сега
‘Жану нравится **напевать** песни сега’.
- (20) *Mari pas so letan*
Мари проводить.SF 3SG.POSS время
manz-manze manz-manze mem.
есть-есть.LF есть-есть.LF только
Букв.: ‘Мари тратит время только на то, чтобы **перекусывать**’.

В зависимости от акционального класса исходной основы Аттенуативная редупликация в маврикийском креоле имеет разную интерпретацию.

Непредельные процессы и близкие к ним состояния стадияльного уровня (статические явления по [11]: состояния, ситуации, положения и местонахождения) с Аттенуативной редупликацией имеют значение собственно дисконтинуатива – прерывистой ситуации:

- (21) *Zan ronf-ronfle lor sez.*
Жан храпеть.SF-храпеть.LF на стул
‘Жан сидит на стуле и **храпит время от времени**’.
- (22) *Mo'-nn dormi-dormi*
1SG-PERF спать-спать.LF
‘Я спал **от случая к случаю, периодически**’.

Аттенуативные дериваты от глаголов с инкрементальной темой (также называемой накопителем эффекта [12]) обозначают ситуацию, совершившуюся частично:

- (23) *Zan inn ranz-ranz*
Жан PERF строить-строить.SF
so lakaz.
3SG.POSS дом
‘Жан **частично построил** свой дом’.

События – т.е. ситуации, представляющие собой мгновенный переход из одного состояния в другое, – при Аттенуативной редупликации имеют интерпретацию раритива – ситуации, случающейся изредка:

- (24) *Ariv-ariv aksidan*
случиться-случиться.SF несчастный_случай
par isi
через здесь
‘Несчастные случаи **происходят тут время от времени**’.

Аттенуативные дериваты от состояний индивидуального уровня (вневременные положения вещей по [11]: качества и свойства) обозначают малую степень выраженности состояния. Как пишут Ф. Анри и Г. Винтерштейн, такое употребление возможно только в определенных контекстах: при прогрессиве *pe*, наречиях меры и степени типа *inpe* ‘немного’ или модификаторах времени типа *depi* ‘с тех пор как’.

(25) *Avan mo bien*
 перед 1SG.POSS хорошо
dekouver so zwe
 узнать.SF 3SG.POSS игра

mo ti pe krwar-krwar li.
 1SG PST PROG верить-верить.SF 3SG
 ‘До того как я узнал его по-настоящему, я **не сильно верил** ему’.

(26) *Mari konn-kone inpe.*
 Мари знать-знать.LF немного.
 ‘Мари **немного знает** [что-то]’.

Аттенуативная редупликация в маврикийском креоле употребляется и с градулируемыми прилагательными:

(27) *Latab la mouye-mouye.*
 стол DEF мокрый-мокрый
 ‘Этот стол **немного мокрый**’.

В [1] представляется, что семантика показателя заключается в том, что на шкале прилагательного степень выраженности свойства ниже, чем стандарт или нормальный уровень. Авторы намекают, что подобную семантику можно распространить на глагольные употребления Аттенуативной редупликация, однако подробно не разрабатывают эту идею.

Как нам видится, морфологическая Аттенуативная редупликация представляет собой дальнейшее развитие и грамматикализацию синтаксической Итеративной редупликации. Как мы покажем в примерах ниже, подобное развитие глагольной множественности в значение аттенуатива встречается не только в маврикийском креоле.

2.3. Чувашский Дисконтинуатив

В чувашском языке есть похожий показатель *-kala* [13]. Он имеет значение прерывистой ситуации и не может употребляться для обычной множественной ситуации (28) (примеры здесь и далее из [13]):

(28) *vaša uj-a suxala-kala-r-ě*
 В. поле-DA пахать-KALA-PFV-3:SG

1. *‘Вася пахал одно поле за другим’.
2. *‘Вася несколько раз пропахал всё поле’.
3. ОК ‘Вася **пахал** (одно и то же) поле **с перерывами**’.

Эта же деривация может иметь другие смежные значения: ситуации, ограниченной по длительности (29), ситуации с малой скоростью (30), частичной ситуации (31).

(29) *vil jurla-kala-r-ě*
 он петь-KALA-PFV-3:SG
 ‘Он поел немного (= некоторое непродолжительное время)’.

(30) *maša koftă-na šix-kele-r-ě*
 М. кофта-DA вязать-KALA-PFV-3:SG
 ‘Маша потихоньку (= медленно) вязала кофту’.

(31) *jivašj šan-kala-r-ě*
 дерево увядать-KALA-PFV-3:SG
 ‘Дерево немного (= частично) усохло’.

С.Г. Татевосов предлагает для *-kala* значение, похожее на анализ маврикийской Аттенуативной деривации: степень реализации ситуации по шкале F ниже, чем стандарт на этой шкале. Эта шкала F задается контекстом из следующего списка возможностей: шкала континуальности (т.е. насколько ситуация непрерывивиста), шкала длительности ситуации, шкала скорости и шкала затронутости объекта. Однако остается не ясным, почему в списке возможных шкал именно те шкалы, которые перечисляет С.Г. Татевосов, и какой механизм стоит за тем, какую шкалу выбирает контекст.

Интересно, что в корпусе Лаборатории чувашского языка² встречаются примеры употребления *-kala* со значением малой степени состояния (32) и раритива (33), подобные употреблением маврикийской Аттенуативной редупликации:

(32) *Музыка-на аста пёле-т-ёр-им*
 музыка-DA мастер знать-NPST-2SG-Q
эсир? – Пёл-келе-т-ён.
 вы – знать-KALA-NPST-1SG
 ‘А вы знаток в музыке? – **Так себе знаток**’.

[Сандров Н.А. Мён тумалла? (1957), перевод В.Л. Сада по корпусу Лаборатории чувашского языка]

(33) *Ял-а таван-сем патне*
 село-DA родным-PL К
кил-келе-т-ён.
 приходить-KALA-PRES-1SG
 ‘**Иногда приезжаю** в деревню к родным’. [Мария Петрова, Сурашнă хёр (2019) по корпусу Лаборатории чувашского языка]

Показатель *-kala*, широко представленный в тюркских языках, по всей видимости, представляет собой сочетание двух показателей множественности³ [14, с. 439]. Например, в [15, с. 55] Л.С. Левитская приводит разложение аналогичного показателя в азербайджанском [16, с. 349 и сл.] на “два элемента с учащательным значением” *-ka* и *-la*. В [14, с. 439] этот показатель также раскладывается на *-ya* и *-la*.

2.4. Горномарийский Фреквентатив

В горномарийском есть схожая деривация Фреквентатива, которая имеет значение

² <https://ru.corpus.chv.su/>

³ Мы благодарим А.В. Савельева за помощь в поиске литературы и консультацию по исторической грамматике чувашского языка.

множественной ситуации с малой степенью интенсивности [17]; [18].

Фреквентатив представляет собой несколько суффиксов: *-əʎ*, *-ed* и *-əšt* — и различные их комбинации. С.К. Михайлов приводит два соображения, почему эти суффиксы следует считать одним показателем. Во-первых, они распределены морфологически, хотя и не совсем строго (за подробностями отсылаем к приведенным выше работам). Во-вторых, эти показатели имеют одну и ту же семантику и часто взаимозаменяемы.

Горномарийский Фреквентатив может иметь интерпретации, типичные для глагольной множественности: альтернатива — разнонаправленной ситуации (34), дисконтинуатива — прерывистой ситуации (35) и дистрибутива — ситуации, распределенной на несколько актантов (36):

(34) *kek* *čongešt-əʎ-eš*
птица лететь-FREQ-NPST.3SG
'Птица туда-обратно летает / кружит (у меня над головой)'.

(35) *levaš gəc jəd vašt pat'k-edəʎ-əñ*
крыша из ночь насквозь капать-FREQ-PRF[3SG]
'С крыши всю ночь **покапливало** (покапает, перестанет)'.

(36) *pi ta=ma-vlä-m üpšəñz-əšt-eš*
собака INDEF=что-PL-ACC нюхать-FREQ-NPST.3SG
С пренебрежительной интонацией: 'Собака что-то **понюхивает то тут, то там**'.

Довольно часто Фреквентатив имеет значения, которые Михайлов условно называет "плохими импликатурами": пониженной интенсивности (37), отрицательного отношения говорящего (38), несерьезного отношения к делу (39). Это похоже на употребления малой степени состояния, как в показателях, о которых мы говорили выше.

(37) *t'et'ä kačk-edəʎ-eš*
ребёнок есть-FREQ-NPST.3SG
'Ребёнок **плохо ест** (потому что нет аппетита)'.

(38) *maša ir=ok godšen*
М. утро=EMPH с
səʎə'klan-əʎ-eš
грустить-FREQ-NPST.3SG

С пренебрежительной интонацией: 'Маша с самого утра **грустит**'.

(39) *pi krolik-vlä-m (xuda-n)*
собака кролик-PL-ACC плохой-ADV
kəč'äl-əšt-eš
искать-FREQ-NPST.3SG
'{На охоте:} Собака **плохо ищет** кроликов (**так-сяк, играючи**)'.

От обычных импликатур такие значения отличается то, что они не отменяемы:

(40) *#kəce jažo-n act'or-vlä*
как хороший-ADV актёр-PL
pop-edəʎ-ə-t
говорить-FREQ-NPST-3PL
Ожид.: 'Как прекрасно актёры (время от времени) **говорят!**'

Михайлов объясняет такую грамматикализацию при помощи механизма ребрендинга по [19].

Ребрендинг — это семантический сдвиг, заключающийся в закреплении некоторой имплицатуры. Например, ребрендингом Е.В. Рахилина и коллеги объясняют переход от значения 'не болеющий' к значению 'большой' у прилагательного *здоровый*. Так произошло потому, что если мы говорим о ком-то, что он *здоровый* (например, *здоровый мужик*), то скорее всего его тело крупное, мощное. Это следствие закрепилось, и слово *здоровый* стало употребляться в значении 'крупный' с неодушевленными существительными (например, *здоровый кусок мяса*), тем самым расширив свою сочетаемость.

Рассмотрим, как Михайлов выводит малую интенсивность из прерывистости на примере (35), повторенном ниже как (41). Если ситуация капания происходит с перерывами, то и воды накапает меньше, чем для обычной ситуации капания. Обобщая, если ситуация S происходит с перерывами, то внешние признаки ее выполнения будут слабо выражены. А если внешние признаки ситуации слабо выражены, то, вероятно, и интенсивность или результативность ситуации ниже, чем нормальная. Так из значения дисконтинуатива развивается значение аттенуатива.

(41) *levaš gəc jəd vašt*
крыша из ночь насквозь
pat'k-edəʎ-əñ
капать-FREQ-PRF[3SG]
'С крыши всю ночь **покапливало** (покапает, перестанет)'.

Закрепление аттенуативного значения можно наблюдать в (42). В этом примере уже нет значения прерывистости, а только значение малой интенсивности.

(42) *izi ängə'r jog-edəʎ-eš*
маленький река литься-FREQ-NPST.3SG
'Маленькая речка (**слегка**) **течёт**'. (потому что немного воды)

В итоге Михайлов выводит следующее общее значение для Фреквентатива, схожее с тем, которое мы видели для маврикийских и чувашских дисконтинуативов: на шкале контекстно заданного параметра ситуации, обозначенной фреквентативным глаголом, верна более низкая

альтернатива и неверны все более высокие. Ре-зультирующий глагол неопределен.

Исторически эти показатели – показатели глагольной множественности. Показатель *-ed* И.С. Галкин возводит к уральским многократным суффиксам и приводит домарийскую реконструкцию как **-nte u *-ta* [20, с. 88–90] (ср. также хантыйское *kolant-* ‘слушать’ < *kol-* ‘слышать’, мокшанское *nilandə-* ‘поглощать, пить’ < *nilə-* ‘глотнуть’, венгерское *bököd-* ‘колоть’ < *bök* ‘уколоть’ и др. [21, с. 277–278]).

Показатель *-əʎ* также возводим к уральскому многократному *-*l* [20, с. 90–92] (ср. финское *kysele-* ‘расспрашивать’ < *kysu-* ‘спросить’, зырянское *kutal-* ‘ловить, захватывать’ < *kut-* ‘держат’, венгерское *döföl* ‘колоть несколько раз’ < *döf* ‘колоть’ и др. [21, с. 275–277]). И.С. Галкин также приводит несколько примеров, где *-əʎ* образует “однократно-моментальные глаголы”, однако большинство глаголов с *-əʎ* все же имеют значение многократности, и мы предполагаем, что именно многократный *-əʎ* был продуктивным и послужил материалом для горномарийского Фреквентатива.

Ситуация с показателем *-əʃt*, впрочем, более сложная. Как пишет И.С. Галкин, большинство глаголов с этим суффиксом образует “многократно-длительные” глаголы [20, с. 95–99]. Однако единственные когнаты, которые удается найти, – это показатели с “моментальным” значением в прибалтийско-финских, саамском и пермских языках: финское *haukahtaa* ‘тявнуть’ < *haukkua* ‘лаять’, удмуртское *кыныштыны* ‘мигнуть, моргнуть’ < *кыныны* ‘зажмуриться, закрыть глаза, прищурить глаза’. Исследователь рассматривает гипотезы по слиянию показателей *-*ks* и *-*t* (Галкин не указывает, что это за показатели, но, по всей видимости, это показатели транслатива и каузатива) и “многократных” *-*s'e u -ta*, но отвергает их потому, что глаголы с показателем *-əʃt* относятся к I морфологическому спряжению, а понудительные глаголы на *-m (-d)* почти все II морфологического спряжения. Поэтому автор приходит к выводу, что вопрос происхождения *-əʃt* остается нерешенным.

2.5. Выводы

Итак, мы рассмотрели показатели дисконти-нуатива. Как правило, они сочетаются со всеми типами ситуаций: с процессами и состояниями стадийного уровня, событиями и даже состояниями индивидуального уровня. Как мы показали, такие показатели происходят из показателей глагольной множественности. Такой показатель

развивает значение дисконтинуатива и дисперсива: ведь если говорящий использовал форму с глагольной множественностью, значит, ситуация, описываемая таким глаголом, выделяется на фоне нормальной. Если ситуация распределена во времени и пространстве, значит, она имеет меньшую интенсивность, нежели такая, которая была бы сосредоточена в одной точке времени и пространства. Затем закрепляется имплицатура о малой интенсивности ситуации, и деривация начинает иметь собственно аттенуативные значения.

3. Глагольные диминутивы

Рассмотрим теперь показатели ослабленной ситуации другой природы.

3.1. Итальянский глагольный диминутив

В итальянском языке есть семейство дериваций с суффиксами *-a/e/i/u/acchi(are)*, *-a/e/u/uzz(are)*, *-in(are)*, *-ett(are)* и др. [22]; [23]; [24] (примеры из [23]):

(43) *tossicchiare* ‘покашливать’ < *tagliare* ‘резать’

(44) *tagliuzzare* ‘резать на мелкие кусочки’ < *tossire* ‘резать’

Л. Товена определяет значение деривации как ситуацию, проистекающую неканоничным способом: в (45б) чтение происходит с меньшим вниманием, чем в нормальной ситуации чтения, а из утверждения (45б) не следует кульминация ситуации, как из (45а).

(45) а. *Ha* *letto*
иметь.AUX.3SG читать.PST.PTCP.M.SG
il *libro.*
DEF.ART.M.SG книга.M.SG
‘Он(а) прочитал(а) книгу’.

б. *Ha* *leggi-ucchi-ato*
иметь.AUX.3SG читать-EVAL-PST.PTCP.M.SG
il *libro.*
DEF.ART.SG книга.M.SG
‘Он(а) бегло просмотрел(а) книгу’.

Из примеров выше видно, что итальянские глагольные диминутивы имеют значение как аттенуатива (45б), так и дисперсива/дисконтинуатива (43)–(44).

Л. Товена утверждает, что итальянские глагольные диминутивы представляют собой глаголы внутрисобытийной множественности. Она иллюстрирует свой тезис примером (46). Здесь *due volte* ‘два раза’ может указывать только, что произошло две серии, состоящие из нескольких погрызваний, но не два мелких погрызвания,

как было бы, если бы это была внешнесобытийная множественность.

- (46) *Daniele ha mordicchiato la matita due volte.*
 ‘Даниэль дважды погрыз карандаш (=произвел две серии мелких погрызываний)’

Л. Товена [23] предлагает довольно сложный анализ, который сводится к тому, что диминутив в глаголах каким-то образом “раздробляет” ситуацию, чтобы получить “ослабленные” под-ситуации. Впрочем, как Товена сама отмечает, именные диминутивы не дают такого эффекта множественности: итальянское *fluzzo* ‘ниточка’ обозначает только одну тонкую нитку, но не одно множество тонких ниток. Поэтому кажется сомнительным, что множественность вводится именно диминутивом, а не, например, лексической семантикой глагола.

По данным [22], глагольные диминутивы предпочитают видо-временную форму Имперфекта, в которых чаще встречаются неопределенные ситуации, формам Перфекта, в которой чаще встречаются предельные ситуации. Более того, итальянский глагольный диминутив сочетается с только с процессами (вендлеровские activities и accomplishments), но не с состояниями и не с событиями (вендлеровские states и achievements) [22]; [24, с. 111]. Это отличает эту деривацию от рассмотренных до этого, которые с состояниями и событиями сочетаются.

Более того, такие деривации не употребляются предельно [23]:

- (47) а. *Luisa ha*
 Л. иметь.AUX.3SG
leggi-ucchi-at-o
 читать-EVAL-PST.PTCP-M.SG
il libr-o per
 DEF.ART.SG книга-M.SG DUR INDF.
un'-or-a /
 ART.F.SG-час-F.SG /
 ?? *in un'-or-a.*
 в INDF.ART.F.SG-час-F.SG
 ‘Луиза **попросматривала** книгу час / ?? за час’.
- б. *Luisa ha lett-o*
 Л. иметь.AUX.3SG читать-PST.PTCP.M.SG
il libr-o
 DEF.ART.M.SG книга-M.SG
 **per un'-or-a* / *in*
 DUR INDF.ART.F.SG-час-F.SG / в
un'-or-a.
 INDF.ART.F.SG-час-F.SG
 ‘Луиза прочитала книгу * час / за час’.

3.2. Немецкий глагольный диминутив

В немецком есть схожая деривация на *-el (-erl)* в австрийском немецком [25] (см. также [26]; [27]). Здесь также можно выделить значения аттенуатива (48), дисперсива (49) и пейоратива (50).

- (48) *koch-en* ‘кипеть’ > *köch-el-n* ‘почти кипеть, греться на малом огне’ (аналогично английскому *simmer*)
 (49) *dräng-en* ‘напирать, теснить’ > *dräng-el-n* ‘толкаться, подталкивать’
 (50) *schreib-en* ‘писать’ > *schreib-erl-n* ‘писать плохо’ (австрийский немецкий)

Такие глаголы ведут себя похоже на упомянутые выше итальянские деривации и так же не употребляются предельно:

- (51) *Die Cora hat eine*
 DEF K. имеет INDEF
Stunde lang /
 час в_течение
 (*in einer Stunde) *ge-schreib-erl-t.*
 в INDEF час PTCP-писать-DIM-PTCP
 ‘Кора пописывала [что-то] час / *за час’.

Интересно, что глаголы, имеющие каузативную интерпретацию, теряют ее после присоединения *-el*:

- (52) а. *Das Wasser koch-t* /
 DEF вода кипеть-3SG.PRES
köch-el-t.
 кипеть-DIM-3SG.PRES
 ‘Вода кипит / почти кипит (т. е. греться на малом огне, ‘simmer’)’.
- б. *Die Cora koch-t*
 DEF K. кипеть-3SG.PRES
 (*das*) *Wasser* /
 (DEF) вода
 *köch-el-t (*das*) *Wasser.*
 кипеть-DIM-3SG.PRES (DEF) вода
 ‘Кора кипятит воду / *нагревает воду, не дово-
 дя до кипения’.

Л. Товена также высказывает подобную идею об итальянских глагольных диминутивах, что деривации пониженной интенсивности сопровождаются опущением внутреннего аргумента, а деривации повышенной интенсивности и повышающие актантные деривации нередко (как, например, в арабском).

При этом немецкие глаголы на *-el (-erl)* образуются и от прилагательных, и от существительных:

- (53) *schwach* ‘слабый’ > *schwäch-el-n* ‘давать слабину’
 (54) *Stück* ‘часть’ > *stück-el-n* ‘делить на части’

Л. Грештенбергер и Д. Каллулли предполагают, что глагольные диминутивы, образованные от глаголов, все равно имеют именной диминутив *-el*, который имеет именной внешний синтаксис, даже если такой именной дериват не встречается сам по себе без глагольной морфологии. Затем к такой именной составляющей присоединяется вербализатор (так называемое *v* малое), который образует неэргативные ($\approx$ агентивные непереходные) глаголы процесса. Другими словами, согласно теории Грештенбергер и Каллулли, такие глагольные диминутивы ведут себя как отыменные глаголы, чем и объясняется то, что они обозначают непереходные процессы.

3.3. Французский глагольный диминутив

Во французском языке есть семейство дериваций: *-ot(er)*, *-Vill(er)*, *-on(ner)*, *-Vch(er)*, *-ass(er)* [2]. Такие деривации имеют значения аттенуатива (55) и пейоратива (56), а также итератива: дисконтинуатив (57) и дисперсив (58):

(55) *Est-ce qu'il neige toujours? <...> il neigeote* (< *neiger* 'идти о снеге'), *chère madame! <...> Quelques vagues flocons dans l'air!*

'Снег все еще идет? <...> Снег еле идет, мадам! <...> Несколько снежинок будет и все!' Дисконтинуатив, дисперсив

(56) *Il chroniquaille* (< *chroniquer* 'писать хроники') *dans une feuille de boulevard.*

'Он иногда пописывает сомнительного качества хроники в местную газетенку'

(57) *Ses doigts étaient couronnés d'un bourrelet d'envies enflammées qu'il mordillait* (< *mordre* 'кусать') *par intervalles et arrachait du bout des dents.*

'На его пальцах было множество воспаленных заусенцев, которые он покусывал периодически и отрывал зубами.'

(58) *Elle [la chienne] couraillait* (< *courir* 'бегать') *dans tous les sens.*

'Она [собака] бегала туда-сюда.'

Авторы также выделяют интерпретации недостижения цели ("конатива"), отсутствия цели ("инкассатива") и отсутствия необходимых усилий ("гентатива"). Впрочем, эти интерпретации, как нам видится, являются прагматическими следствиями из значения ослабленной ситуации: ведь если ваша ситуация имеет интенсивность ниже нормальной, то скорее всего своего предела она не достигает. Поэтому, по нашему мнению, нет смысла выделять их отдельно, учитывая, что, как пишут Д. Амьё и Д. Стосич, эти прагматические следствия могут сочетаться параллельно со значениями типа аттенуатива и дисконтинуатива.

Согласно проведенному корпусному исследованию Д. Амьё и Д. Стосича, большая часть глаголов, от которых образованы французские глагольные диминутивы (163 из 171), обозначают неопредельные ситуации: вендлеровские деятельности и состояния. Дериваты также, как правило, обозначают неопредельные ситуации. Среди 171 дериватов только 49 переходные, 15 глаголов имеют как непереходные, так и переходные употребления, а большинство глаголов (67%) непереходные, что похоже на то, о чем мы говорили касательно итальянских и немецких глагольных диминутивов выше, образование которых часто сопровождается опущением внутреннего аргумента.

3.4. Хорватский глагольный диминутив

В хорватском есть схожая деривация с суффиксами *-ak*, *-uck*, *-k*, *-kar* [28]. Д. Катунар выделяет три схожих подтипа: пониженную интенсивность (59), пейоративы (60) и дисперсивы (61).

(59) *lupkati* 'постукивать' < *lupati* 'стучать'

(60) *piskarati* 'писать плохо' < *pisati* 'писать'

(61) *trčkarati* 'бегать без цели, там и сям' < *trčati* 'бежать'

Чтобы объяснить наблюдаемую полисемию, Катунар предлагает радиальную категорию (о радиальных категориях см. [29]). Изначально диминутив обозначает малый размер чего-либо. Затем благодаря метафоре БОЛЬШЕ – ЭТО ВЫШЕ (ПО КАКОЙ-ТО ШКАЛЕ) это значение распространяется на поле физической интенсивности, как в глаголе *bockati* 'потыкивать' < *bosti* 'прокалывать, тыкать'. Затем малая интенсивность реинтерпретируется как дисперсия пространственная, как в *trčkarati* 'бегать без цели, там и сям' < *trčati* 'бежать', и, метафорически, как дисперсия внимания, как в *čituckati* 'читать невнимательно' < *čitati* 'читать'. Более того, малая интенсивность реинтерпретируется как отсутствие цели. Физическая интенсивность обобщается до интенсивности вообще и затем благодаря метафоре ЛУЧШЕ – ЭТО ВЫШЕ (ПО КАКОЙ-ТО ШКАЛЕ) развивается в значение пейоратива.

3.5. Диахрония глагольных диминутивов

У описанных выше показателей похожая диахроническая история: они происходят из показателей диминутива. Как замечают Л. Грештенбергер и Д. Каллулли, тот же суффикс, что участвует в образовании глагольных диминутивов, участвует и в образовании диминутивных существительных [25]; [30]:

- (62) а. *köch-el-n* ‘почти кипеть’ < *koch-en* ‘кипеть’
б. *Büsch-el* ‘куст, пучок’ < *Busch* ‘куст’

Это же замечают и Л. Товена и Н. Гранди для итальянских диминутивов (примеры из [23]):

- (63) а. *mangiu-cchi-are* ‘покусывать, есть нехотя’ < *mangi-are* ‘есть, кушать’
б. *govern-icchi-o* ‘так себе правительство’ < *govern-o* ‘правительство’
(64) а. *tagli-uzz-are* ‘нарезать на многие маленькие кусочки’ < *tagli-are* ‘разрезать’
б. *fil-uzz-o* ‘ниточка’ < *fil-o* ‘нить’

Для французских показателей глагольного диминутива также можно найти соответствия в именных диминутивах, либо диахронически, либо синхронно (примеры диминутивных глаголов из [2]):

- (65) а. *chroniqu-aill-er* ‘пописывать плохие хроники’ < *chroniqu-er* ‘писать хроники’
б. латинское *lib-ell-us* ‘маленький пакет, книжечка’ < *liber* ‘пакет, книга’, *pug-ill-us* ‘горсть (чего-либо)’ < *pugnis* ‘кулак’ [31, с. 59]
(66) а. *neige-ot-er* ‘слегка идти (о снеге)’ < *neiger* ‘идти (о снеге)’
б. *Pierr-ot* ‘Петя’ < *Pierre* ‘Петр’
(67) а. *mâchonner* ‘пожевывать’ < *mâcher* ‘жевать’
б. *chaton* ‘котенок’ < *chat* ‘кот’
(68) а. *bavardoche* ‘лепетать’ < *bavarder* ‘болтать’
б. *cinoche* ‘киношка’ < *cinéma* ‘кинотеатр’

Один из французских глагольных диминутивов произошел от пейоративов (оба примера из [2]):

- (69) а. *écrivasser* ‘писать скверно’ < *écrire* ‘писать’
б. *barcasse* ‘посудина, плохая лодка’ < *barque* ‘лодка’

Для хорватских показателей мы также можем найти соответствия в именной морфологии:

- (70) а. *lup-k-ati* ‘ударять слегка’ < *lupati* ‘ударять’ [28]
б. *smieš-k-a* ‘улыбка’ < *smijeh* ‘смех’ [32, с. 343]
(71) а. *čit-uc-k-ati* ‘пролистывать’ < *čitati* ‘читать’ [28]
б. *seo-c-e* ‘деревенька’ < *selo* ‘деревня’ [32, с. 344]

Суффикс *-kar* (72а), как нам видится, состоит из двух суффиксов: диминутивного *-k* и суффикса имени деятеля *-ar* (ср. (72б)). После чего к такому “имени” добавляется глагольная морфология. Такое словообразование семантически похоже на глаголы типа *полуночничать* < *полуночник* < *полночь*. По похожей модели образован, например, глагол *либеральничать*, но уже напрямую от слова *либерал*: именной пары *либеральник у него нет.

- (72) а. *pis-k-ar-ati* ‘писать плохо’ < *pisati* ‘писать’ [28]
б. *ovč-ar* ‘овчар’ < *ovca* ‘овца’ [32, с. 343]

Значение диминутива в том, что ситуация в чем-то **меньше** нормальной. Но если ситуация — это событие, то эта ситуация уже точечна и ее нельзя сделать меньше: она уже представляет минимально возможную ситуацию — точку. Поэтому глагольные диминутивы и не образуются от событий.

Глагольные диминутивы часто обозначают множественную ситуацию, как замечают авторы. При этом неясно, откуда появляется эта множественность.

Нам видится две причины такой множественной интерпретации. Во-первых, такая глагольная множественность может вводиться лексической семантикой самого глагола, как в примерах типа немецкого *drängeln* ‘толкаться’ от *drängen* ‘толкать’.

Во-вторых, такая множественность может объясняться тем, что “ослабленность” ситуации заключается в ее меньшей интенсивности, а меньшая интенсивность часто заключается в более **редком** повторении подситуаций. Возьмем пример немецкого *nerveln* ‘немного раздражать, вести себя раздражающе’ от *nerven* ‘раздражать’: раздражать в меньшей степени, чем обычно, часто обозначает, что ситуации раздражения происходят реже, чем в нормальном случае, поэтому и возникает множественная интерпретация.

Такая множественная интерпретация возникает не всегда. Возьмем, например, немецкое *köcheln* ‘почти кипеть, греться на малом огне’ от *kochen* ‘кипеть’. Здесь диминутив обозначает, что ситуация кипения по шкале температуры происходит ниже, чем в нормальной. При этом интерпретации множественности не возникает, потому что чтобы уменьшить температуру воды нужно нагревать ее на меньшем огне, а не нагревать ее более спорадическими, редкими нагреваниями.

4. Заключение

Итак, мы рассмотрели два типа дериваций со значением ослабленной ситуации.

Первый тип — это дисконтинуативы, которые развиваются из показателей глагольной множественности. Мы предлагаем следующий путь развития. Сначала из глагольной множественности развивается значение множественной ситуации с перерывами — дисконтинуатива. Затем из дисконтинуатива развивается значение пониженной интенсивности: ведь если ситуация происходит с перерывами, то скорее всего она меньшей интенсивности, чем нормальная. И затем из значения пониженной интенсивности естественно вытекает значение частичности ситуации и малой

скорости. Как мы видели, такие показатели сочетаются со всеми аспектуальными типами: как с процессами, так и с событиями и даже состояниями индивидуального уровня.

Второй тип — это глагольные диминутивы, которые развиваются из показателей именного диминутива. Диминутив, присоединяясь к глаголу, имеет значение меньшей степени ситуации — аттенуатива. Множественная интерпретация может появляться по двум причинам: либо исходная ситуация имеет множественную интерпретацию, либо как прагматический эффект меньшей интенсивности ситуации. Такие глаголы, как правило, образуются только от процессов и состояний, но не событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Henri F., Winterstein G.* Morpho-Semantics of Verbal Reduplication: the case of Mauritian. Presented at 17th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG). Université Paris Diderot, Paris 7, France. 2010.
2. *Amiot D., Stosic D.* When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs // *Gavriilidou Z., Revithiadou A.* (eds.) *Mélanges offerts à Anna Anastassiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. Kavala: Saita Publishers, 2014. P. 16–33.
3. *Audring J., Leufkens S., van Lier E.* Small events. Verbal diminutives in the languages of the world // *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021. Vol. 1, № 1. P. 223–256.
4. *Makarchuk I.V.* Typology of verbal attenuative. Master thesis. Moscow: HSE, 2020.
5. *Moravcsik E.A.* Reduplicative constructions // *Greenberg J.H.* (ed.) *Universals of Human Language*. Stanford: Stanford University Press, 1978. Vol. 3: Word Structure. P. 297–334.
6. *Chrastaller J.G.* A grammar of the Asante and Fante language called Tshi (Chwee, Twi). Basel: Gregg Press Inc., 1875.
7. *Robins R.H.* Nominal and verbal derivation in Sudanese // *Lingua*. 1959. № 8. P. 337–369.
8. *Kouwenberg S., LaCharité D.* Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean creole languages // *Hurch B.* (ed.) *Studies on Reduplication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 533–545.
9. *Kiyomi S.* A new approach to reduplication: a semantic study of noun and verb reduplication in the Malayo-Polynesian languages // *Linguistics*. 1995. Vol. 33, № 6. P. 1145–1167.
10. *Henri F., Winterstein G.* Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. 2014.
11. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
12. *Падучева Е.В.* Накопитель эффекта и русская аспектология // *Вопросы языкознания*. 2004. № 5. С. 46–57.
13. *Tatevosov S.G.* Plural vs Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash // *Kelepir M., Öztürk B.* (eds.) *Proceedings of WAFL 2: Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Cambridge: MITWPL, 2006. P. 347–364.
14. *Тенишев Э.Р.* (отв. ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
15. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
16. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962.
17. *Михайлов С.К.* Горномарийский фреквентатив в типологической перспективе. Курсовая работа. М., НИУ ВШЭ, 2018.
18. *Mikhailov S.K.* Hill Mari Frequentative: Event-internal Pluractionality on the Verge of Evaluation. Presented at 4th workshop on Volga-Kama languages: programme. Higher School of Economics, Moscow, 2018.
19. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Карнова О.С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия, ребрендинг // *Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* (ред.) *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–453.
20. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. Т. 2.
21. *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsalla: Almqvist&Wiksell, 1960.
22. *Grandi N.* Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian // *Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F.* (eds.) *Word-Formation*. Berlin / Boston: De Gruyter, 2015. Vol. 2. P. 1467–1482.
23. *Tovena L.M.* When Small Is Many in the Event Domain // *Lexis*. 2011. № 6.
24. *Tovena L.M.* Evaluative Morphology and Aspect / Actionality // *Grandi N., Körtvélyessy L.* (eds.) *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. P. 108–120.
25. *Grestenberger L., Kallulli D.* The largesse of diminutives: suppressing the projection of roots // *Baird M., Pesetsky J.* (eds.) *Proceedings of NELS 49*. Amherst: GLSA, 2019. Vol. 2. P. 61–74.
26. *Audring J., Booij G., Jackendoff R.* Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and

- lexicon // *Linguistics in the Netherlands*. 2017. Vol. 34. № 1. P. 1–15.
27. Weidhaas T., Schmid H.-J. Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications // *Morphology*. 2015. Vol. 25, № 2. P. 183–227.
28. Katunar D. Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian // *Suvremena lingvistika*. 2013. Vol. 39, № 75.
29. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
30. Grestenberger L., Kallulli D. Cross-categorial syncretism: evidence from diminutives. Brussels, 2019.
31. Brucale L., Mocciaro E. Suffissi valutativi in Plauto: una proposta cognitivista e morfo-pragmatica // *Lingue antiche e moderne*. 2020. Vol. 9. P. 57–86.
32. Ronelle A. *Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006.
- the Malayo-Polynesian languages. *Linguistics*. 1995, Vol. 33, No. 6, pp. 1145–1167.
10. Henri, F., Winterstein, G. Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. 2014.
11. Bulygina, T.V. *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke* [To the Construction of the Typology of Predicates in the Russian Language]. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, 1982, pp. 7–85. (In Russ.)
12. Paducheva, E.V. *Nakopitel efekta i russkaya aspektologiya* [The Accumulator of Effect and Russian Aspectology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2004, No. 5, pp. 46–57. (In Russ.)
13. Tatevosov, S.G. Plural vs. Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash. Kelepir M., Öztürk B. (eds.) *Proceedings of WAFL 2: Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Cambridge, MITWPL, 2006, pp. 347–364.
14. Tenishev, E.R. (ed.) *Sravnitel'naya-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Morfologiya* [Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
15. Levitskaya, L.S. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical Morphology of the Chuvash Language]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
16. Sevortyan, E.V. *Affixy glagoloobrazovaniya v azerbajdzhanskom yazyke: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Affixes of Verb Formation in the Azerbaijani Language: The Experience of Comparative Research]. Moscow, 1962. (In Russ.)
17. Mikhaylov, S.K. *Gornomarijskij frekventativ v tipologicheskoy perspektive. Kursovaya rabota* [The Mountain-Mari Freckative in a Typological Perspective. Course Paper]. Moscow, HSE Publ., 2018. (In Russ.)
18. Mikhailov, S.K. Hill Mari Frequentative: Event-internal Pluractionality on the Verge of Evaluation. Presented at 4th workshop on Volga-Kama languages: programme. Higher School of Economics, Moscow, 2018.
19. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Karpova, O.S. *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstrukciyah: metafora, metonimiya, rebrending* [Semantic Transitions in Attributive Constructions: Metaphor, Metonymy, Rebranding]. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. (eds.) *Lingvistika konstrukcij* [Linguistics of Constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 396–453. (In Russ.)
20. Galkin, I.S. *Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka* [Historical Grammar of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1966. Vol. 2. (In Russ.)
21. Collinder, B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Uppsalla, Almqvist&Wiksell, 1960.
22. Grandi, N. Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian. Müller, P.O., Ohnheiser, I.,

REFERENCES

1. Henri, F., Winterstein, G. Morpho-Semantics of Verbal Reduplication: the case of Mauritian. Presented at 17th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG). Université Paris Diderot, Paris 7, France. 2010.
2. Amiot, D., Stosic, D. When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs. Gavriilidou, Z., Revithiadou, A. (eds.) *Mélanges offerts à Anna Anastasiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. Kavala, Saita Publishers, 2014, pp. 16–33.
3. Audring, J., Leufkens, S., van Lier, E. Small events. Verbal diminutives in the languages of the world. *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021, Vol. 1, No. 1, pp. 223–256.
4. Makarchuk, I.V. Typology of verbal attenuative. Master thesis. Moscow, HSE, 2020.
5. Moravcsik, E.A. Reduplicative constructions. Greenberg J.H. (ed.) *Universals of Human Language*. Stanford, Stanford University Press, 1978. Vol. 3: Word Structure, pp. 297–334.
6. Christaller, J.G. *A grammar of the Asante and Fante language called Tshi (Chwee, Twi)*. Basel, Gregg Press Inc., 1875.
7. Robins, R.H. Nominal and verbal derivation in Sudanese. *Lingua*. 1959, No. 8, pp. 337–369.
8. Kouwenberg, S., LaCharité, D. Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean creole languages. Hurch B. (ed.) *Studies on Reduplication*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2005, pp. 533–545.
9. Kiyomi, S. A new approach to reduplication: a semantic study of noun and verb reduplication in

- Olsen, S., Rainer, F. (eds.) *Word-Formation*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2015, Vol. 2, pp. 1467–1482.
23. Tovená, L.M. When Small Is Many in the Event Domain. *Lexis*. 2011, No. 6.
24. Tovená, L.M. Evaluative Morphology and Aspect – Actionality. Grandi, N., Körtvélyessy, L. (eds.) *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015, pp. 108–120.
25. Grestenberger, L., Kallulli, D. The largesse of diminutives: suppressing the projection of roots. Baird, M., Pesetsky, J. (eds.) *Proceedings of NELS 49*. Amherst, GLSA, 2019, Vol. 2, pp. 61–74.
26. Audring, J., Booij, G., Jackendoff, R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon. *Linguistics in the Netherlands*. 2017, Vol. 34, No. 1, pp. 1–15.
27. Weidhaas, T., Schmid, H.-J. Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications. *Morphology*. 2015, Vol. 25, No. 2, pp. 183–227.
28. Katunar, D. Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian. *Suvremena lingvistika*. 2013, Vol. 39, No. 75.
29. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago, University of Chicago Press, 1987.
30. Grestenberger, L., Kallulli, D. Cross-categorial syncretism: evidence from diminutives. Brussels, 2019.
31. Brucale, L., Mocchiari E. Suffissi valutativi in Plauto: una proposta cognitivista e morfo-pragmatica. *Lingue antiche e moderne*. 2020, Vol. 9, pp. 57–86.
32. Ronelle, A. *Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Madison, The University of Wisconsin Press, 2006.

Дата поступления материала в редакцию: 16 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 16, 2023

Revised on January 28, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025507-3

Об изучении басен И. А. Крылова в Китае

© 2023 г. Пэй Цзян

Аспирант кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
pj725913.zyh@yandex.ru

Резюме. Басни И.А. Крылова в Китае давно пользуются популярностью, часто переводятся и издаются, постоянно появляются новые переводы, но исследовательские работы о его баснях в Китае пока не очень многочисленны. Первая из них появилась в 1957 г., на данный момент есть около 90 публикаций (не все из них являются научными). В нашей статье излагается история изучения Крылова в Китае, названы наиболее значимые и интересные публикации, рассмотрены различные аспекты исследования и популяризации его творчества в работах китайских авторов, отмечены характерные для разных периодов тенденции, связанные как с изменениями в политике и идеологии, так и с развитием гуманитарных наук и литературы в Китае.

Ключевые слова: Крылов, басни, русская литература в Китае, китайская русистика.

Для цитирования: Пэй Цзян. Об изучении басен И.А. Крылова в Китае // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 104–109. DOI: 10.31857/S160578800025507-3

On the Study of I. A. Krylov's Fables in China

© 2023 Pei Jiang

Postgraduate student of the Department of the History of Russian Literature,
Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
pj725913.zyh@yandex.ru

Abstract. I.A. Krylov's fables have been popular in China for a long time; they are often translated and published; new translations are constantly appearing, but research papers on his fables in China are not very numerous, yet. The first of them appeared in 1957, and at present, there are about 90 publications (not all of them are scholarly). Our article describes the history of Krylov's study in China, names the most significant and interesting publications, examines various aspects of the study and popularization of his work in the studies by Chinese authors, notes trends characteristic of different periods associated with changes in politics and ideology, as well as with the development of humanities and literature in China.

Key words: Krylov, Fables, Russian literature in China, Chinese Russian studies.

For citation: Pei Jiang. *Ob izuchenii basen I.A. Krylova v Kitae*. [On the Study of I.A. Krylov's Fables in China]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 104–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025507-3

История изучения и популяризации творчества И.А. Крылова в Китае связана прежде всего с деятельностью переводчиков его басен, которой посвящена наша предыдущая статья [1]. Первые переводы, как известно, появились на рубеже XIX–XX вв. (см. о них, например: [2, с. 18–19]), первые собрания басен Крылова на китайском языке — в 1950-е годы, а к настоящему времени

в Китае вышло уже более 300 отдельных изданий, в том числе более 30 изданий переводов полного собрания его басен, выполненных 15 разными переводчиками. Деятельность китайских исследователей басен Крылова, если судить по количеству публикаций, выглядит не столь результативно, но все же, на наш взгляд, заслуживает внимания. Пока она специально затрагивалась лишь в двух недавних статьях на китайском и русском языках ([3]; [4]) и одной небольшой заметке [5].

По данным CNKI¹, до 2022 г. в Китае опубликовано около 90 научных статей о баснях Крылова (и защищено 10 магистерских диссертаций), но пока нет ни одной монографии, которая была бы написана китайским исследователем. Есть две книги, но обе переведены с русского языка китайскими переводчиками басен Крылова: это юбилейная брошюра С.Н. Дурылина (И.А. Крылов: (К столетию со дня смерти). М.: ГИХЛ, 1944. 70 с.), вышедшая 1950 г. в переводе Мэн Хая, и книга Н.Л. Степанова из серии “Жизнь замечательных людей” (Крылов. М.: Молодая гвардия, 1963. 320 с.), переведенная Хэ Маочжэном (совместно с Тянь Баоши) и изданная в 1983 г.²

Первая отдельная публикация о Крылове в Китае появилась в 1957 г., вскоре после выхода сборников его басен на китайском языке в переводах Мэн Хая (1951, 1953), У Яня (1954) и Чэнь Цифэна (1955) (см. о них: [1, с. 92]). Это была статья Шэн Мэйди, адресованная преподавателям литературы в школе³. В ней отмечалось, что в баснях Крылова отразились социально-политические проблемы России XIX века (например, в басне “Пестрые овцы”), выражена любовь к родине и народу (“Пчела и Мухи”, “Волк на псарне”), использован живой разговорный язык (“Демьянова уха”). В басне “Свинья под Дубом” Шэн Мэйди увидела изображение ленивого русского

дворянина, а в басне “Василёк” – проявление консерватизма автора. Общий вывод звучал так: “Хотя в мировоззрении Крылова есть консервативная сторона, <...> но в целом его басни – хорошие художественные произведения, которые заставляют нас осознать правду жизни” (здесь и далее перевод мой. – П.Ц.).

Как видно, автор первой в Китае статьи о баснях Крылова рассматривала их в том числе как революционные орудия, что в общем стало типично для способа их популяризации в Китае после основания КНР. При переиздании собрания его басен в переводах У Яня в 1959 г. перед предисловием были добавлены такие слова: “Когда Ленин боролся с врагами народа, он часто цитировал басни Крылова”⁴. В учебнике для второго класса начальной школы, изданном в Пекине в 1956 г., где были помещены три басни Крылова: “Мышь и Крыса”, “Лев и Человек”, “Лебедь, Щука и Рак” (в переводах У Яня), составители поясняли, что эти басни помогут детям понять жизнь, усилят ненависть к правящему классу старого общества и научат объединять усилия со своими товарищами, чтобы лучше служить народу и делу строительства социализма в Китае⁵.

В 1960 г. в пекинском издательстве “Шану” вышла первая книга-билингва “Избранные басни” Крылова. В нее вошли 24 басни из советского издания, выпущенного “Детгизом” в 1959 г., вместе с переводами У Яня; в русском тексте расставлены ударения, в сносках даны подробные словарные и грамматические пояснения, сделанные русистом Би Цзялу⁶. Это было учебное пособие, предназначенное прежде всего для студентов, но также и для самостоятельно изучающих русский язык, а их количество в Китае до тех пор только увеличивалось.

Вскоре, после “Трёх лет стихийных бедствий” (1959–1961) и в особенности в период последовавшей затем Культурной революции (1966–1976), ситуация изменилась. Изучение русского языка

¹ China National Knowledge Infrastructure (Китайская национальная инфраструктура знаний) (URL: <https://www.cnki.net/>) – ведущее информационно-издательское учреждение КНР, возглавляемое Университетом Цинхуа и поддерживаемое Министерством образования, Министерством науки, Главным управлением печати и публикаций КНР и Отделом пропаганды КПК.

² Дурылин С.Н. Крылов: краткий очерк жизни и творчества / Перевод Мэн Хая. Шанхай: Эпоха, 1950. 95 с. (杜雷林·谢·尼. 克雷洛夫评传 / 梦海译. 上海: 时代出版社. 1950. 95页); Степанов Н. Крылов: Биография / Перевод Хэ Маочжэна, Тянь Баоши. Харбин: Народное изд-во Хэйлунцзян, 1983. 339 с. (斯捷潘诺夫·尼. 克雷洛夫传 / 何茂正, 田宝石译. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1983. 339页).

³ Шэн Мэйди. Заметки после чтения басен Крылова // Китайский язык и литература в школьном обучении. 1957. № 7. С. 17–19 (盛美娣. 讀克雷洛夫寓言札記 // 語文学习. 1957. 第7期. 17–19頁).

⁴ Крылов И.А. Басни в 9-ти книгах / Перевод У Яня. Шанхай: Литература и искусство Шанхая, 1959. 207 с. (克雷洛夫·伊·安. 克雷洛夫寓言 9卷集 / 吴岩译. 上海: 上海文艺出版社, 1959. 207页), здесь с. 1.

⁵ Учебник для второго класса начальной школы / Пекинский редакционный комитет по справочным материалам для начальной и средней школы. Пекин: Тип. Пекинского объединенного главного агентства, 1956. С. 21–28 (高级小学语文课文第二册 / 北京中小学教学参考资料编辑委员会. 北京: 北京联合总社印刷厂, 1956. 21–28页).

⁶ Крылов И.А. Избр. басни / Перевод У Яня; коммент. Би Цзялу. Пекин: Шану, 1960. 83 с. (克雷洛夫·伊·安. 克雷洛夫寓言选读 / 吴岩译; 毕家禄注释. 北京: 商务印书馆, 1960. 83页).

больше не поощрялось, большинство произведений иностранной литературы, в том числе русской, оказались под запретом как явления “буржуазной культуры”, но некоторые басни Крылова (“Волк и Ягнёнок”, “Пруд и Река” и др.) все же сохранились в школьном образовании. В 1963 г. Чжоу Шэн, учитель китайского языка и литературы, владевший русским языком, опубликовал статью о методах преподавания басни “Волк и Ягнёнок”, в которой доказывалось, что басни Крылова очень полезны для улучшения навыков устной и письменной речи китайских школьников⁷. В 1969 г., в самый разгар Культурной революции, в Шанхае было вновь переиздано полное собрание басен Крылова в переводах У Яня. Однако новых переводов, как и журнальных публикаций, уже не появлялось вплоть до конца 1970-х годов.

После провозглашения в 1978 г. “политики реформ и открытости” китайцы вновь стали изучать иностранные языки и иностранную литературу, что создало условия и для появления в Китае новых посвященных басням Крылова исследований, которые, однако, в основном и в 1980-е годы были отмечены сильным влиянием политической идеологии. Так, Ли Цянь, автор опубликованной в 1980 г. статьи “Чудесный цветок в русской литературе — басни Крылова”, писала об их патриотическом характере и о том, что баснописец боролся за благо простого народа, разоблачая жестокость правящего класса⁸. У Шиюй в статье “Немного о баснях Крылова” (1981) представлял баснописца как новатора в области критического реализма, хвалил его за его критику царя и крепостного права и хорошие слова о крестьянах, но осуждал за консерватизм, проявившийся, например, в басне “Безбожники”⁹. Ван Пэйцин в статье 1982 г. писал о “народности” басен Крылова, подчеркивая их “боевой характер”, но игнорируя вопрос об их художественном своеобразии¹⁰.

⁷ Чжоу Шэн. О методах преподавания басни Крылова “Волк и Ягнёнок” // Иностранные языки. 1963. № 2. С. 53–56 (周圣. 讲授克雷洛夫寓言《狼和小羊》的一些方法 // 外国语. 1963. 第2期. 53–56页).

⁸ Ли Цянь. Чудесный цветок в русской литературе — басни Крылова // Исследования иностранной литературы. 1980. № 4. С. 137–140 (黎倩. 俄罗斯文学中的一朵奇卉异葩 — 克雷洛夫寓言 // 外国文学研究. 1980. 第4期. 137–140页).

⁹ У Шиюй. О баснях Крылова // Вестник Хучжоуского педагогического университета. 1981. № 2. С. 76–80 (吴世余. 克雷洛夫寓言浅论 // 湖州师范学院学报. 1981. 第2期. 76–80页).

¹⁰ Ван Пэйцин. О народности басен Крылова // Вестник Северо-западного педагогического университета. 1982. № 2. С. 73–80 (王培青. 试论克雷洛夫寓言的人民性 // 西北师大学报. 1982. 第2期. 73–80页).

В 1983 г. вышли сразу два сборника стихотворных переводов басен Крылова, выполненных двумя разными переводчиками: избранные басни в переводах Гу Юя и полное их собрание в переводах Хэ Шиина (см. о них: [1, с. 93]). То, что оба перевода были сделаны в стихах (а не в прозе, как переводы Мэн Хая и У Яня), — свидетельство повысившегося интереса к литературной форме оригинала, к поэтическому мастерству русского баснописца. Однако Хэ Шиин в небольшом предисловии к своему переводу не забыл указать на консерватизм общественной позиции Крылова. Так, комментируя заключительные стихи басни “Конь и Всадник” (“Как ни приманчива свобода, / Но для народа / Не меньше гибельна она, / Когда разумная ей мера на дана”), переводчик заметил, что стремление к свободе — неплохой выбор, и с сожалением констатировал, что у Крылова не хватало решимости бороться со старым социальным строем¹¹. Гу Юй же в своем предисловии практически обошел социально-политические вопросы, сосредоточившись на трудностях перевода и художественных особенностях басен Крылова, таких как типичность образов, драматизм и выразительность сюжетов, органичность сочетания повествования и рассуждений, простота языка и т.д.¹² Предисловие Гу Юя — отчет о принципах его переводческой работы и довольно обширная литературно-критическая статья, в которой доказывается, что басни Крылова — сложные произведения и могут быть интерпретированы с разных точек зрения. На другие китайские работы 1980-х годов о русском баснописце эта статья не похожа, среди них она выглядит исключением.

Начиная с 1990-х годов, и особенно в XXI веке, публикации о баснях Крылова в Китае стали более разнообразными. Правда, в большинстве из них (30 статей), как и ранее, прежде всего обсуждается вопрос об идейном содержании (морали) его басен. Взгляды авторов в этих статьях почти одни и те же: по их мнению, в баснях Крылова выражаются крайнее недовольство царским правительством, сочувствие трудящемуся народу, патриотизм автора и его мудрые мысли о

¹¹ Хэ Шиин. Предисловие: (О Крылове и его стихотворных баснях) // Крылов И.А. Басни в стихах. Гуанчжоу: Изд-во Хуачэн, 1983. С. 1–3 (何世英. 序(关于克雷洛夫和他的寓言诗) // 克雷洛夫·伊·安. 克雷洛夫寓言诗集. 广州: 花城出版社, 1983. 1–3页).

¹² Гу Юй. Предисловие: (Крылов и его басни) // Крылов И.А. Осёл и соловей. Харбин: Хэйлунцзянское народное изд-во, 1983. С. 1–13 (谷羽. 序(克雷洛夫和他的寓言) // 克雷洛夫·伊·安. 驴子和夜莺. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1983. 1–13页).

жизни¹³. Но другим (и тоже достаточно популярным) направлением в изучении басен Крылова в Китае в последнее время стало исследование их художественной специфики. На этом пути китайским ученым, кажется, удалось сделать некоторые оригинальные наблюдения. Так, Линь Чжифэн (писатель и постоянный член созданной в 1984 г. Китайской ассоциации исследователей басен) в статье 2001 г. заметил, что в баснях Крылова часто используются приёмы, характерные больше для драматических произведений, такие как “внезапный поворот” (突转), т.е. сюжетная перипетия, “недоразумение” (误会), возникающее от недопонимания между персонажами, и “совпадение” (巧合), являющееся в виде случайности¹⁴.

Хэ Цзинсян, преподаватель Университета Чанцзи (Changji University), в 2011–2015 гг. опубликовала пять статей о баснях Крылова. Две из них посвящены собственно анализу их поэтики¹⁵, а три – их сопоставлению с произведениями средневекового китайского философа и баснописца Лю Цзуньюаня (柳宗元, 773–819)¹⁶. В этих статьях открыта новая и уже вполне оригинальная ветка исследования басен Крылова, поставленных в контекст классической китайской литературы.

¹³ См., например: Ван Чуньхун. Идейное содержание басен Крылова // Сборник статей науки и образования. 2014. № 11. С. 78–79 (王春红. 克雷洛夫寓言的思想内涵 // 科教文汇. 2014. 第11期. 78–79页); Лю Хуйсюань. Звери могут говорить вместо меня: Крылов и его басни // Русская литература и искусство. 2003. № 6. С. 10–12 (刘慧萱. “野兽能代表我说话” – 克雷洛夫和他的寓言 // 俄罗斯文艺. 2003. 第6期. 10–12页).

¹⁴ Линь Чжифэн. Художественное мастерство в построении сюжетов стихотворных басен Крылова // Вестник Чаншаского университета науки и техники. 2001. Т. 16. № 1. С. 101–103 (林植峰. 克雷洛夫寓言诗的情节艺术技巧 // 长沙电力学院学报. 2001. 第16卷. 第1期. 101–103页).

¹⁵ Хэ Цзинсян (何静翔). 1) Анализ направленности авторских эмоций и их причин в баснях Крылова // Вестник Шэньсийского педагогического университета. 2014. Т. 30. № 5. С. 62–66 (克雷洛夫寓言诗创作情感倾向及原因分析 // 陕西师范大学学报. 2014. 第30卷. 第5期. 62–66页); 2) Эстетические поиски Крылова на примере его басен // Вестник Университета Цзиси. 2015. Т. 15. № 3. С. 105–119 (从寓言诗看克雷洛夫创作的审美追求 // 鸡西大学学报. 2015. 第15卷. 第3期. 105–119页).

¹⁶ Хэ Цзинсян (何静翔). 1) О значении сопоставительного исследования басен Лю Цзуньюаня и Крылова // Вестник Университета Чанцзи. 2011. № 1. С. 43–46 (柳宗元与克雷洛夫寓言作品比较研究的意义综述 // 昌吉学院学报. 2011. 第1期. 43–46页); 2) Разные тексты, одинаковый результат: красота басен Лю Цзуньюаня и Крылова // Китайский язык и литература в школе. 2015. № 18. С. 43–44 (异曲同工: 柳宗元与克雷洛夫寓言之美 // 中学语文教学参考. 2015. 第18期. 43–44页); 3) Сравнительный анализ искусства баснописцев Лю Цзуньюаня и Крылова // Манчжун. 2015. № 18. С. 101–103 (柳宗元与克雷洛夫寓言艺术的比较分析 // 芒种. 2015. 第18期. 101–103页).

Ряд публикаций современных китайских исследователей посвящен сквозным персонажам его басен – некоторым животным с русской спецификой. Так, вышеупомянутый переводчик Гу Юй в статье “Животное в русских баснях – осёл” (1998) сравнил ослов в баснях И.И. Хемницера (“Зеленый осёл”), Крылова (“Осёл и Соловей”, “Осёл и Мужик”) и С.В. Михалкова (“Осёл в обойме”)¹⁷. Цзян Юань проанализировала образ медведя в баснях Крылова “Пустынный и Медведь” и “Медведь у Пчел”, отметив его отрицательные черты – лень, глупость, эгоизм, плохо согласующиеся с образом якобы любимого россиянами доброго “Мишки”¹⁸. Хуан Дунмэй в статье “О воронах и лисах, описанных Крыловым” (2019) указала на двойственность этих образов в таких баснях, как “Ворона и Лисица”, “Ворона и Курица”, “Воронёнок” и др., где ворона бывает не только глупа, но и остроумна, почти как лиса, но всегда излишне самонадеянна¹⁹.

Статьи о языке басен Крылова похожи друг на друга: в них, как правило, речь идет о фразеологизмах и пословицах. Бу Яньсинь, автор одной из первых таких китайских статей (1999), разъясняет значение крыловских стихов, ставших русскими пословицами: “А Васька слушает да ест” (“Кот и Повар”), “А вы друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь” (“Квартет”) и др.²⁰ О коллоквиализмах Крылова и других языковых особенностях его басен писали Ли Цзяхан (2010), Чжан Вэй и Лю Чао (2015)²¹ и др.

Статей, в которых обсуждаются проблемы перевода басен Крылова на китайский язык, к нашему удивлению, оказалось не так много, хотя их переводчиков в Китае – множество. Лишь

¹⁷ Гу Юй. Животное в русских баснях – “осёл” // Вестник Цзаочжуанского педагогического профессионального института. 1998. № 4. С. 47–52 (谷羽. 俄罗斯寓言中的一个生灵: 驴子 // 枣庄师专学报. 1998. 第4期. 47–52页).

¹⁸ Цзян Юань. Анализ культурного значения образа медведя в баснях Крылова // Горизонт Нового Шелкового пути. 2011. № 22. С. 256–257 (姜媛. 浅析熊形象在克雷洛夫寓言中的文化意义 // 大陆桥视野. 2011. 第22期. 256–257页).

¹⁹ Хуан Дунмэй. О воронах и лисах, описанных Крыловым // Северная литература. 2019. № 2. С. 125–127 (黄冬梅. 管窥克雷洛夫笔下的“乌鸦和“狐狸” // 北方文学. 2019. 第2期. 125–127页).

²⁰ Бу Яньсинь. Басни Крылова и русские крылатые слова // Вестник Цилинского педагогического института. 1999. № 2. С. 65–66 (步延新. 克雷洛夫寓言与俄语成语 // 吉林师范学院学报. 1999. 第2期. 65–66页).

²¹ Ли Цзяхан. Анализ языковых особенностей басен Крылова // Мост века. 2010. № 23. С. 31–32 (李佳航. 浅析克雷洛夫寓言的语言特点 // 世纪桥. 2010. 第23期. 31–32页); Чжан Вэй, Лю Чао. Анализ коллоквиализмов в баснях Крылова // Манчжун. 2015. № 18. С. 21–22 (张伟, 刘超. 克雷洛夫寓言口语化语言特色分析 // 芒种. 2015. 第18期. 21–22页).

некоторые из них сочли нужным объяснить свои переводческие принципы и поделиться своими трудностями с читателями. Чэнь Циюань в статье, опубликованной в 1985 г., рассказал о своем опыте перевода шести басен Крылова (“Лещи”, “Вельможа”, “Пестрые овцы”, “Кукушка и Орёл”, “Волк и Пастухи”, “Волк на псарне”) китайскими стихотворениями “старого” и “нового” стиля²². Хань Гуйлян, выпустивший свой стихотворный перевод полного собрания басен Крылова в 1997 г., ранее выступил с критикой выполненного в прозе и изданного в 1994 г. перевода Синь Вэйая (辛未艾). Главный тезис полемической статьи Хань Гуйляна заявлен уже в ее заглавии: “Басни Крылова — это стихи”²³. В предисловии к изданию собственного перевода в 1997 г. он настаивал, что при переводе русских стихов одному слогу должен соответствовать один иероглиф (см.: [1, с. 93]). Хэ Маочжэн, чей стихотворный перевод всех басен Крылова впервые был издан в том же 1997 г., предпослал изданию весьма содержательную статью об их “художественном очаровании”²⁴. Прочитав, в отличие от своих предшественников-переводчиков, шестую главу книги Л.С. Выготского “Психология искусства”²⁵, где речь идет о баснях Крылова (“Тонкий яд”), Хэ Маочжэн разъяснил новый для китайских читателей термин “эмоциональное противоречие”. Кроме того, здесь он обосновал свое решение переводить разностопные ямбы Крылова китайскими “чандуаньцзюями”, в которых количество иероглифов в каждой строке также неодинаковое²⁶. Сходных принципов придерживался и

Гу Юй, который в своей недавней книге о проблемах перевода произведений русских поэтов на китайский язык (2019) писал, что вольные басенные стихи Крылова лучше всего переводить китайскими свободными стихами²⁷.

Нужно отметить также общие работы о жанре басни в мировой литературе, написанные китайскими авторами, далекими от русистики. В них, конечно, обязательно затрагивается творчество Крылова. Это, например, книга Гу Цзяньхуа “Басня — поэзия философии” (1984), где сравнение Крылова с европейскими авторами, прежде всего с Ж. де Лафонтеном, делается в пользу русского баснописца; обзорный труд У Цюлиня “История мировых басен” (1994), где достаточно подробно излагается история русской басни начиная с XVIII века²⁸; монография Чэнь Пуцина “О баснях” (2014), в которой отмечается, что “...рождение басен Крылова ознаменовало собою независимость и зрелость русской литературы, а также начало ее пути к мировому признанию”²⁹.

В некоторых публикациях китайских авторов затрагиваются частные проблемы биографии Крылова, прежде всего — его служба в Императорской Публичной библиотеке³⁰. Структуре и истории прижизненного издания собрания его басен в девяти книгах посвящена работа Синь Шухуя, библиотекаря Хулун-Буирского института³¹.

Первое издание пьес Крылова на китайском языке вышло в 2020 г. под общим заглавием “Французский маркиз” в книжной серии “Золотая Россия”³², в книгу вошли все 13 пьес Крылова в переводах Ли

²² Чэнь Циюань. Перевод шести стихотворных басен Крылова // Русская литература и искусство. 1985. № 5. С. 126–130 (陈次园. 试译克雷洛夫寓言诗六首 // 俄罗斯文艺. 1985. 第5期. 126–130页). “Старый” стиль — это традиционные китайские пятистопные или семистопные стихи, а стихи “нового” стиля — это стихи на разговорном языке, в которых не требуется соблюдать одно и то же количество иероглифов в каждой строке.

²³ Хань Гуйлян. “Басни Крылова — это стихи”: некоторые размышления после чтения “Басен Крылова” в переводе Синь Вэйая // Иностранные языки. 1994. № 1. С. 65–70 (韩桂良. “克雷洛夫寓言是诗” — 读辛译《克雷洛夫寓言集》的几点感想 // 外国语. 1994. 第1期. 65–70页).

²⁴ Хэ Маочжэн. Предисловие: (Художественное очарование басен Крылова) // Крылов И.А. Полн. собр. басен / Перевод Хэ Маочжэна. Ханчжоу: Чжэцзянское литературно-художественное изд-во, 1997. С. 1–10 (何茂正. 序(克雷洛夫寓言的艺术特色) // 克雷洛夫·伊·安. 克雷洛夫寓言全集 / 何茂正译. 杭州: 浙江文艺出版社, 1997. 1–10页).

²⁵ Впервые изданная в СССР в 1965 г. “Психология искусства” Л.С. Выготского в переводе на китайский язык вышла в 1985 г. (переводчик — Чжоу Синь (周新)). Новый перевод издан в составе полного собрания сочинений Выготского на китайском языке в 9 томах в 2016 г. (в т. 8).

²⁶ “Чандуаньцзюй” — одна из традиционных форм китайских стихотворений, восходящая к X веку; иное название — “цы” (词).

²⁷ Гу Юй. Парус, плавающий по морю стихов: Сборник статей о переводах русских и китайских стихотворений. Тяньцзянь: Изд-во Нанькайского университета, 2019. С. 243 (谷羽. 帆船, 在诗海上漂流 — 俄汉诗歌翻译研究. 天津: 南开大学出版社, 2019. 243页).

²⁸ У Цюлинь. История мировых басен. Шэньян: Ляонинское детско-юношеское изд-во, 1994. 322 с. (吴秋林. 世界寓言史. 沈阳: 辽宁少年儿童出版社, 1994. 322页).

²⁹ Чэнь Пуцин. О баснях. Чанша: Изд-во Юэлу, 2014. 572 с. (陈蒲清. 寓言传. 长沙: 岳麓书社, 2014. 572页), здесь с. 130.

³⁰ Сяо Юй. Крылов в истории русских библиотек // Библиотечно-дело в колледжах и университетах. 1993. № 1. С. 76–77 (小雨. 俄罗斯图书馆事业史上的克雷洛夫 // 高校图书馆工作. 1993. 第1期. 76–77页); Синь Хоуцунь. Крылов и библиотека // Книги и информация. 1992. № 2. С. 64–65 (辛厚群. 克雷洛夫和图书馆 // 图书与情报. 1992. 第2期. 64–65页).

³¹ Сунь Шухуй. Исследование оригиналов [прижизненных изданий] басен И.А. Крылова // Вестник Хулун-Буирского института. 2015. Т. 23. № 6. С. 57–61 (孙姝慧. 克雷洛夫寓言俄文原版文献研究 // 呼伦贝尔学院学报. 2015. 第23卷. 第6期. 57–61页).

³² Крылов И.А. Французский маркиз: Собрание пьес / Перевод Ли Чуньюя. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2020. 572 с. (Серия “Золотая Россия”) (克雷洛夫·伊·安. 法国侯爵: 克雷洛夫剧作集 / 李春雨译. 成都: 四川人民出版社, 2020. 572页. (《金色俄罗斯系列》).

Чуньюя, преподавателя Сямыньского университета (об этом изд. см.: [6]). Вслед за этим появилась и первая исследовательская работа о его драматургии, написанная китайским автором³³. Проза и лирическая поэзия Крылова никогда не переводились на китайский язык и, к сожалению, все еще остаются вне поля зрения китайских исследователей.

В настоящее время русистика в Китае развивается необыкновенно быстрыми темпами. Это касается и исследований творчества отдельных классических русских писателей, и в целом истории русской литературы (см., например: [7]). Басни Крылова уже давно стали привычной для китайцев частью детской литературы, и, может быть, именно поэтому их исследования в Китае не носили систематического характера, в отличие от впечатляющей по результативности и разнообразию работы их переводчиков. Можно надеяться, что сделанное ими, в особенности за последние десятилетия, открывает хорошие перспективы для развития китайского “крыловедения”, которое пока не может похвастаться большими достижениями, но о существовании которого, пожалуй, уже можно говорить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пэй Цзян. О переводах и переводчиках басен И.А. Крылова в Китае // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 90–95.
2. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.
3. Цю Цзинцзюань. Перевод и исследование Крылова в Китае // Вестник Фуянского педагогического института (邱静娟. 中国的克雷洛夫译介和研究 // 阜阳师范学院学报). 2014. № 2. С. 68–70 (на кит. яз.).
4. Ли Чуньюй. Перевод и изучение творчества И.А. Крылова в Китае // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2 (57). С. 99–107.
5. Ма Линь. Состояние и перспективы изучения творчества Крылова в Китае // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 2 (57). С. 44–46.
6. Пэй Цзян. Художественное своеобразие первого перевода и издания пьес И. Крылова в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 60–67.
7. Лю Вэньфэй. Многотомная история русской литературы на китайском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 5–16.

REFERENCES

1. Pei Jiang. *O perevodakh i perevodchikakh basen I.A. Krylova v Kitaye* [On Translations and Translators of I.A. Krylov's Fables in China]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 1, pp. 90–95. (In Russ.)
2. Schneider, M.E. *Russkaya klassika v Kitaye: Perevody. Otsenki. Tvorcheskoye osvoyeniye* [Russian Classics in China: Translations. Estimates. Creative Exploration]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 272 p. (In Russ.)
3. Qiu Jingjuan. *Zhongguo de keleiluofu yijie he yanjiu* [Krylov's Translations and Research in China]. *Fuyang shifan xueyuan xuebao* [Journal of Fuyang Normal University]. 2014, No. 2, pp. 68–70. (In Chinese)
4. Li Chunyu. *Perevod i izuchenie tvorchestva I.A. Krylova v Kitae* [Translation and Study of I.A. Krylov's Work in China]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2021, No. 2 (57), pp. 99–107. (In Russ.)
5. Ma Lin. *Sostoyaniye i perspektivy izucheniya tvorchestva I.A. Krylova v Kitaye* [The State and Prospects of Studying I.A. Krylov's Works in China]. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya* [Modern Humanitarian Studies]. 2014, No. 2 (57), pp. 44–46. (In Russ.)
6. Pei Jiang. *Khudozhestvennoye svoeyebrazie pervogo perevoda i izdaniya pies I. Krylova v Kitaye* [Artistic Originality of the First Translation and Publication of I. Krylov's Plays in China]. *Mir russkogovoryaschikh stran* [World of Russian-Speaking Countries]. 2022, No. 1 (11), pp. 60–67. (In Russ.)
7. Liu Wenfei. *Mnogotomnaya istoriya russkoj literatury na kitayskom yazyke* [A Multivolume History of Russian Literature in Chinese]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No. 5, pp. 5–16. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 11, 2022

Revised on January 16, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800025508-4

**Кляус В. Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии.
Исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с.
(Фольклорное наследие. Т. 1)**

**[Review:] Klyaus, V. L. Russian Folklore on the Hills of Manchuria. Studies,
Texts, Comments. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 816 p.
(Folklore Heritage. Vol. 1) [In Russ.]**

Книга “Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии” является итогом многолетних полевых изысканий и текстологических реконструкций Владимира Леонидовича Кляуса — фольклориста, фактически открывшего отечественной науке мир народной культуры русского Трёхречья в многообразии его фольклорных жанров и народного быта [1].

Трёхречье (кит. 三河, Sanhe) — территория Северо-Восточного Китая, граничащая с российским Забайкальем по правобережью р. Аргунь и расположенная в бассейне трёх её притоков — рек Ган, Дербул и Хаул. Жизнь русскоговорящего населения Трёхречья является результатом длительной истории формирования русской диаспоры на этих землях. В середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья ещё не имела закрепленного межгосударственными договорами статуса, на правобережье р. Аргунь, притока Амура, начали переселяться русские. Во второй половине XVIII в. по условиям Нерчинского договора 1689 г. Трёхречье официально отошло к Китаю. Однако в силу удалённости от основной части Цинской империи и малочисленности населения Трёхречье оставалось территорией, на которой временно или постоянно проживали русские, затем появились китайцы. Вплоть до середины XX в. миграции со стороны России и центрального Китая на эти территории продолжались. Особенно динамично данные процессы протекали в периоды интенсификации социально-политических процессов на территории России и Китая (конец XIX — начало XX в. — строительство КВЖД, 20-е годы XX в. — революция в России и

Гражданская война, 30-е годы — коллективизация и военный конфликт между Китаем и СССР). В процессе межкультурных контактов русского и китайского населения, обусловленных рядом обстоятельств демографического и этнопсихологического характера, заключались русско-китайские браки, рождались дети. Так постепенно рядом с чисто русским населением Трёхречья формировалась так называемая *русская нация* (своеобразный самоэтноним) Трёхречья, состоящая из метисированного населения (в первом, втором, сегодня уже пятом поколении). Русское и метисированное население Трёхречья существовали бок о бок, при этом этническое сознание “полукровцев”, как они тоже сами себя называют, формировалось на основе “материнской” (русской) и “отцовской” (китайской) культуры: русского и китайского языков, русских и китайских религиозных традиций, бытовых привычек. Историко-политические процессы в Китае середины XX в. (образование КНР, реэмиграция в СССР, рассеяние русских в другие страны, “культурная” революция, дальнейшие реформы Китая) привели к тому, что в настоящее время собственно русского населения на территории Трёхречья практически не осталось. При этом часть населения, официально записанная как 中国俄罗斯族 Zhongguo eluosizu — “русская национальность Китая”, официально существует и насчитывает 15 393 человека (Шестая всеобщая перепись населения в КНР, 2010 г.). Среди этих людей около 150 человек (в возрасте 75–90 лет) не только говорят по-русски, но и сохраняют память о русских предках, о возникновении своего русско-китайского рода. Пока еще фольклор для них (речь идет о последнем поколении

информантов) – действительно живая стихия – “фольклорная реальность” [2].

В обыденной жизни русские трёхреченцы общаются, как правило, по-китайски. В праздничные дни или во время встреч их обращение к фольклору – это погружение в стихию материнского языка, возможность подчеркнуть свою уникальность среди китайского большинства.

Итак, фольклор русских Трёхречья – “китайских русских” – вбирает в себя “мамин” пласт, пришедший из Забайкалья и дальневосточных регионов, советский пласт олитературенного фольклора, обретающего на земле Трёхречья особенное звучание, и “папину” традицию – в первую очередь, языковую. В этом его уникальность. Но неизбежно трёхреченцы – носители русской культуры и русского фольклора в их китайском изводе – уходят, оставляя после себя потомков, едва понимающих русскую речь, хотя и именуящих себя официально русскими.

Необходимость зачерпнуть из этого кладезя русской старины была очень давно осознана китайскими русистами. По данным профессора Ли Иннань (Пекинский университет иностранных языков, КНР), первые экспедиции в район Трёхречья были организованы руководством Факультета русского языка Пекинского института иностранных языков сразу после окончания “культурной революции”, в начале 1980-х годов [3]. Так как отношения Китая с СССР были в те годы еще напряженными, а языковая практика филологам была необходима, китайские студенты, изучающие русский язык, отправлялись к живым носителям русского языка, проживающим на территории КНР. Несмотря на годы репрессий, русская традиция была еще жива. Респонденты-полукровцы и немногие оставшиеся русские поначалу с опаской, затем с радостью общались с собирателями на родном языке, вспоминали забытое за десятилетие. В той поездке был собран не только богатый лингвистический, но и фольклорный материал, который хранится в фондах лингвистических лабораторий теперь уже Института русского языка Университета иностранных языков (Пекин, КНР). К сожалению, те исследования не получили системной обработки. В настоящее время фольклорное наследие русской народности Трёхречья стало трендом в китайской науке – с точки зрения истории, этнографии, фольклористики, лингвистики [4]–[9].

А в российской фольклористике до В.Л. Кляуса системным собиранием фольклора Трёхречья как части культурного наследия русского этноса – не занимались (при этом мы не умаляем вклада

ученых, locusно изучающих те или иные жанры, те или иные стороны культуры русской народности Трёхречья). В.Л. Кляус успел запечатлеть “уходящую натуру”, с 2007 г. регулярно осуществляя полевые исследования в эти легендарные края, общаясь с “дедушками” и “бабушками”, погружаясь в истории их семей и нехитрый деревенский быт, проживая с ними будни и праздники (Пасху, Вознесение, свадьбы и похороны). Он был знаком с самыми яркими сказителями и исполнителями разнообразных фольклорных жанров – в то время трёхреченские русские еще не превратились в тренд туристической культуры.

Неслучайно в среде трёхреченцев В.Л. Кляус получил любовное прозвище – “Володя из Москвы” – среди них фольклорист сам стал уже немного фольклорным персонажем: “*От, прыедит Володя из Москвы, на гармони играт, песни ревёт*” (Зап. от Василия Зоркальцева 孙德福, Sun Defu, 1944 г.р. (урож. д. Караванная), д. Караванная, 15 июня 2015 г. Соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, Чжан Жуан, Я.В. Зиненко) [ЦИДВЭ АмГУ]. Сам Владимир Леонидович подчеркивает, что его новая книга – “дань уважения и памяти русским людям, оказавшимся сто лет назад вдали от исторической родины. Она не только о русском фольклоре городского округа Эргуна, она и о людях, его сохранивших” [1, с. 15]. Добавим – это настоящая энциклопедия трёхреченской русской культуры, запечатленная в жанрах устной словесности.

За годы, предшествующие выходу в свет издания, ученым были определены основные концептуальные вехи его собирательской стратегии, его интерпретации полученных материалов [10]. Билингвальная культура информантов-трёхреченцев способствовала привлечению специалистов по китайскому языку и фольклору [11] – так зародилось плодотворное сотрудничество с академиком Лю Куйли, первопроходцем среди китайских ученых в культуре Трёхречья, ставшим научным консультантом русского собирателя [12]; [13].

В результате был сформирован корпус текстов, включающий сказки, мифологические рассказы, легенды, предания и устные рассказы, заговоры, песни и частушки китайских русских Маньчжурии. Уникальность данного “наиболее на сегодняшний день полного свода” (В.Л. Кляус) записей трёхреченского фольклора – в том, что в нем зафиксировано почти столетие развивающегося вне материнской культуры, трансформирующегося под воздействием китайской традиции русского народного поэтического творчества. На наш взгляд, это – “не наиболее полный свод”, а *единственный* на сегодняшний

день систематизированный и обработанный текстологически корпус текстов трёхреченского фольклора.

Актуальность издания этими качествами не исчерпывается. Материал, представленный фольклористом В.Л. Кляусом, востребован сегодня не только с филологической точки зрения — он необыкновенно актуален в антропологическом, этнографическом, религиоведческом отношении. Ученые, собирающие материал по трёхреченскому фольклору сквозь призму проблем этнической идентичности, религиозного самосознания представителей русской народности, обязательно соотносят свои эмпирические данные с находками В.Л. Кляуса [2]; [14]; [16].

Сама структура книги, несомненно, логично продумана — после Предисловия и историографического экскурса располагается заметка о принципах публикации текстов. А далее — каждая глава сопровождается научной заметкой о видовой и жанровой специфике публикуемых текстов.

Как специалист в области мифологической прозы [15] В.Л. Кляус сумел разыскать и представил в своей книге редчайшие тексты, посвященные духам природы [1, с. 71–95], домашним духам [1, с. 98–157], бестиарию, мифическим животным [1, с. 162–194], органично продолженные легендами и легендарными быличками [1, с. 197–269], преданиями и устными рассказами [1, с. 269–319], апокрифическими молитвами и заговорами [1, с. 319–343].

Само содержание данных материалов свидетельствует о глубинном синкретизме религиозной традиции трёхреченских русских — “троеврии” (А.П. Забияко) [16, с. 165–167], замешанном не только на языческом компоненте представленный русского населения Забайкалья, но и на православном компоненте и китайских верованиях жителей Трёхречья [1, с. 183–194].

Песенный и частушечный репертуар “китайских русских” отражает этапы становления сознания русского населения Трёхречья в его корреляции с дореволюционным (в основном, каторжным) фольклором и уже советским этапом бытования устного песенного творчества. При этом в нем выразился и специфический региональный компонент — особенного внимания удостоены “гибридизированные” формы частушек на русско-китайском пиджине.

Отдельного разговора заслуживают комментарии [1, с. 601–765], а также указатели сюжетов и мотивов к прозаическим текстам [1, с. 773–779],

указатель мест записи, исполнителей, богатейшая фотогалерея.

Книга завершается размышлением о судьбе русского фольклора в Трёхречье, и без того пережившем ряд серьезных трансформаций вследствие историко-политических, этнокультурных и этнорелигиозных процессов. Автор пессимистичен: несмотря на недавно заработавшую православную церковь, поддержку властями традиций русской народности Трёхречья, русскоговорящие носители фольклора уходят один за одним в мир иной. Но — будем надеяться, пока жив последний потомок, считающий себя русским, будет и жить русское поэтическое слово в Трёхречье — возможно, судьба его будет развиваться в русско-китайских жанровых моделях.

Несмотря на невеселые прогнозы, эта часть определяет заявку на следующий, второй том, очевидно, посвященный устным рассказам трёхреченцев.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что книга адресована как русским, так и китайским исследователям — она сопровождается китайской аннотацией и оглавлением. Это не просто дань полиграфическим нормативам — труд В.Л. Кляуса направлен на интеграцию российской и китайской науки, его изыскания востребованы ведущими китайскими специалистами [17], в них нуждаются китайские фольклористы, историки, лингвисты и др. Нам остается только ждать продолжения этого фундированного и увлекательного фольклористического труда, созданного в продолжение исследований собирателей-классиков [18], обращающих свои взоры на локальные фольклорные традиции, сквозь призму которых полномасштабно выражается многообразная картина устного наследия русского народа и его богатая культура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с. (Фольклорное наследие. Т. 1).
2. Чжан Жуян. Фольклор русских Трёхречья как основа этнической идентичности (по материалам полевых исследований 2015–2019 гг.): дис. ... канд. филол. н.: 10.01.08 / Чжан Жуян. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 273 с.
3. Интервью с профессором Ли Иннань 李英男, Li Yingnan. Пекин, Китай. Июнь 2018 г. (Соб.: А.А. Забияко, А.П. Забияко, В.Л. Кляус, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

4. 唐会. 试论额尔古纳华俄后裔的文化特点及其发展趋势 // 内蒙古工业大学学报. 2001. № 1. 页. 71–76 = Тан Хуэй. О культурных особенностях и тенденциях развития жизни китайско-русских потомков в Аргуни // Научная газета промышленного университета Внутренней Монголии. 2001. № 1. С. 71–76.
5. 内蒙古俄罗斯族 / 编辑 张晓兵. 呼伦贝尔, 2015. 354 页. = Русская народность в Автономном районе Внутренняя Монголия / Под ред. Чжан Сяобин. Хулунбэр, 2015. 354 с.
6. 余建忠, 姜勇. 俄罗斯民族. 云南, 2004. 360 页. = Юй Цзяньчжун, Цзян Юн. Русская национальность. Юньнань, 2004. 360 с.
7. 唐戈. 边缘文化领域 - 边缘人 - 双语现象 // 哈尔滨学院学报. 2005. № 2. 页. 1–5 = Тан Гэ. Маргинальный культурный район - маргинальный человек - билингвизм // Научная газета Харбинского института. 2005. № 2. С. 1–5.
8. 唐戈. 十字架与敖包, 神树: 人类学比较研究 // 东北史地. 2006. № 4. 页. 44–47 = Тан Гэ. Крест и Обо, волшебное дерево: сравнительное антропологическое исследование // Северо-восточная история и география. 2006. № 4. С. 44–47.
9. 唐戈. 俄罗斯文化在中国: 人类学与历史研究. 哈尔滨, 2010. 293 页. = Тан Гэ. Русская культура в Китае: исследование по антропологии и истории. Харбин, 2010. 293 с.
10. Кляус В.Л. “Русское Трёхречье” Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.
11. Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50.
12. Лю Куйли. Китайско-русские потомки на реке Аргунь // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): материалы международного симпозиума. Чита, 1995. С. 13–16.
13. Лю Куйли. “Китайские русские” на правом берегу реки Аргунь // Живая старина. 2001. № 1. С. 33–35.
14. Зиненко Я.В. История и современное состояние православия в Трёхречье: дис. ... канд. филос. н.: 5.7.9 / Зиненко Яна Викторовна. М.: РАНХИГС, 2022. 168 с.
15. Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 192 с.
16. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во Института Археологии, антропологии и этнографии РАН, 2017. 340 с.
17. Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.): монография. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2016. 247 с.
18. Зиновьев В.П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьева; под ред. Р.П. Матвеевой. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

REFERENCES

1. Klyaus, V.L. *Russkij folklor na sopkah Manchzhurii. Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Russian Folklore on the Hills of Manchuria. Studies, Texts, Comments]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2022. (In Russ.)
2. Chzhan, Zhuyan. *Folklor russkikh Tryohrechya kak osnova etnicheskoy identichnosti (po materialam polevyh issledovaniy 2015–2019 gg.)* [Folklore of Russians of the Three Rivers as the Basis of Ethnic Identity (Based on Materials of Field Research 2015–2019)]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019. (In Russ.)
3. *Intervyu s professorom Li Innan. Pekin, Kitaj. Iyun 2018 g. (Sob.: A.A. Zabiyaiko, A.P. Zabiyaiko, V.L. Klyaus, Chzhan Zhuyan)* [Interview with Professor Li Yingnan. Beijing, China. June 2018. (Collected by A.A. Zabiyaiko, A.P. Zabiyaiko, V.L. Klyaus, Chzhan Zhuyang)]. [CIDVE AmGU]. (In Russ.)
4. Tan, Huej. *O kulturnyh osobennostyah i tendenciyah razvitiya zhizni kitajsko-russkikh potomkov v Arguni* [On Cultural Features and Trends in the Development of the Life of Chinese-Russian Descendants in Argun]. *Nauchnaya gazeta promyshlennogo universiteta Vnutrennej Mongolii* [Scientific Newspaper of the Industrial University of Inner Mongolia]. 2001, No. 1. pp. 71–76. (In Chinese)
5. *Russkaya narodnost v Avtonomnom rajone Vnutrennyaya Mongoliya. Pod red. Chzhan Syaobin* [Russian People in the Inner Mongolia Autonomous Region. Chzhan Syaobin (ed.)]. Hulunber, 2015. (In Chinese)
6. Yuj, Czyanchzhun, Czyan Yun. *Russkaya natsionalnost* [Russian Nationality]. Yunnan, 2004. (In Chinese)
7. Tan, Ge. *Marginalnyj kulturnyj rajon – marginalnyj chelovek – bilingvizm* [Marginal Cultural Area – Marginal Person – Bilingualism]. *Nauchnaya gazeta Harbinskogo institute* [Scientific Newspaper of the Harbin Institute]. 2005, No. 2, pp. 1–5. (In Chinese)
8. Tan, Ge. *Krest i Obo, volshebnoe derevo: sravnitelnoe antropologicheskoe issledovanie* [The Cross and the Obo, the Magic Tree: A Comparative Anthropological Study]. *Severo-vostochnaya istoriya i geografiya* [Northeast History and Geography]. 2006, No. 4, pp. 44–47. (In Chinese)
9. Tan, Ge. *Russkaya kultura v Kitae: issledovanie po antropologii i istorii* [Russian Culture in China: A Study in Anthropology and History]. Harbin, 2010. (In Chinese)

10. Klyaus, V.L. *“Russkoe Tryohrechye” Manchzhurii: Ocherki folklor a tradiconnoj kultury* [“Russian Three Rivers” of Manchuria: Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. (In Russ.)
11. Klyaus, V.L., Ostrogsкая A.A. *Russkij folklor na kitajskom yazyke: opyt polevogo issledovaniya v Tryohrechye* [Russian Folklore in Chinese: Experience of Field Research in Three Rivers]. *Tradiconnaya kultura* [Traditional Culture]. 2014, No. 4, pp. 41–50. (In Russ.)
12. Lyu, Kujli. *Kitajsko-russkie potomki na reke Argun* [Chinese-Russian Descendants on the Argun River]. *Kulturnye tradicii narodov Sibiri i Ameriki: preemstvennost i ekologiya (gorizonty kompleksnogo izucheniya)* [Cultural Traditions of the Peoples of Siberia and America: Continuity and Ecology (Horizons of a Comprehensive Study)]. Chita, 1995, pp. 13–16. (In Russ.)
13. Lyu, Kujli. *“Kitajskie russkie” na pravoberezhye reki Argun* [“Chinese Russians” on the Right Bank of the Argun River]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2001, No. 1, pp. 33–35. (In Russ.)
14. Zinenko, Ya.V. *Istoriya i sovremennoe sostoyanie pravoslaviya v Tryohrechye* [History and Current State of Orthodoxy in Three Rivers]. Moscow, RANHIGS Publ., 2022. (In Russ.)
15. Klyaus, V.L. *Syuzhetika zagovornyh tekstov slavyan v sravnitelnom izuchenii. K postanovke problemy* [The Plot of the Charm Texts of the Slavs in a Comparative Study. To Posing a Problem]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000. (In Russ.)
16. Zabiyako, A.P., Zabiyako A.A. *Russkie Trekhrechya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russian Three Rivers: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk, Izd-vo Instituta Arheologii, antropologii i etnografii RAN Publ., 2017. (In Russ.)
17. Lyan, Chzhe. *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya (1949–2015 gg.)* [Orthodoxy in the Context of Modern Russian-Chinese Interaction (1949–2015)]. Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov Publ., 2016. (In Russ.)
18. Zinoviyev, V.P. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoj Sibiri* [Mythological Stories of the Russian Population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. (In Russ.)

А.А. Забияко
Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Лаборатории фронтальных исследований
Амурского государственного университета
Россия, 675027, Благовещенск, ул. Игнатъевское шоссе, д. 21
sciencia@yandex.ru

Чжан Жуян
Кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Лаборатории фронтальных исследований
Амурского государственного университета
Россия, 675027, Благовещенск, ул. Игнатъевское шоссе, д. 21
358860148@qq.com

Anna A. Zabiyako
Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher
Frontier Research Laboratory of the Amur State University
21 Ignatievskoye Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia
sciencia@yandex.ru

Chzhang Zhuyang
Candidate of Philological Sciences,
Researcher
Frontier Research Laboratory of the Amur State University
21 Ignatievskoye Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia
358860148@qq.com

Благодарность. Исследование поддержано Программой стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”, в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. Номер 1022052600017-6.

Для цитирования: *Забияко А.А., Чжан Жуян <Рец.>. Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 816 с. (Фольклорное наследие. Т. 1) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 110–115. DOI: 10.31857/S160578800025508-4*

Acknowledgements. The research is supported by the Strategic Academic Leadership Program “Priority-2030”, within the laboratory under the guidance of young researchers. Project no. FZMU-2022-0008, reg. Number 1022052600017-6.

For citation: *Zabiyako, A.A., Chzhang Zhuyang <Rev.> Klyaus V.L. Russkij folklor na sopkah Manchzhurii. Issledovaniya, teksty, komentarii. M.: IMLI RAN, 2022. 816 s. (Folklornoe nasledie. T. 1) [[Review:] Klyaus, V.L. Russian Folklore on the Hills of Manchuria. Studies, Texts, Comments. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 816 p. (Folklore Heritage. Vol. 1) [In Russ.]]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 110–115 (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025508-4*

Дата поступления материала в редакцию: 19 декабря 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on December 19, 2022

Revised on January 9, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800025509-5

Велигорский Г. А. “Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века / отв. ред. В. Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 7)

[Review:] George A. Veligorsky. The “Estate Text” and the National Cultural Code: Russian-British Literary Relations of the 19th – Early 21st Century. Ex. ed. V. A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 416 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”, Issue 7) [In Russ.]

Выход новой книги из серии “Русская усадьба в мировом контексте” (издаваемой в ИМЛИ РАН в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00051 “Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI веков: судьбы национального идеала”, рук. О.А. Богданова) – заметное событие в жизни научного сообщества, в сфере международных культурных связей, в области исследования литературных традиций и национальных мифов. Серию “Русская усадьба в мировом контексте”, издающуюся с 2019 года, можно с полным правом признать важным этапом в изучении “усадебного топоса”, в осмыслении феномена усадьбы в русской и зарубежной литературе. Выпуски серии¹ представляют собой настоящую энциклопедию по изучению “усадебного текста”

от XIX века до современности, не только охватывая новый, малоизвестный материал, но и включая предшествующую исследовательскую традицию по данной теме; они позволяют говорить об “усадебном топосе” как об универсалии. Усадьба (в разных ее проявлениях – от небольшого скромного дома с участком до замка с огромными угодьями) как особое пространство русской и европейской жизни порождает специфические тексты и сама, в свою очередь, попадает под воздействие литературы, усваивая определенную атмосферу. Широкий пространственный охват и многоаспектность проблематики, решаемой на высоком научном уровне, подтверждаются многочисленными откликами исследователей на выходящие в серии книги (подробнее см.: <http://litasadba.imli.ru/publication>).

¹ Серия “Русская усадьба в мировом контексте” включает еще 6 уже вышедших в 2019–2021 гг. выпусков: Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 1; Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 2; Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 3; *Скороходов М.В.* Помещица усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / Отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4; *Дмитриева Е.Е.* Литературные замки Европы и русский “усадебный текст” на изломе веков (1880–1930-е годы) / Отв. ред. Г.А. Велигорский. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 5; Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преображения: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Вып. 6.

Можно с уверенностью сказать, что монография Г.А. Велигорского «“Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века» представляет несомненный интерес не только для литературоведов, но также для культурологов, переводчиков и историков. Русская англоманья и увлечение “экзотической” русской культурой в Англии (в частности, появление многочисленных переводов классической русской литературы на рубеже XIX–XX веков), несомненно, уже оказывались в поле зрения исследователей. Однако особенно важным представляется разговор об этих феноменах в контексте литературы, художественной и документальной, в контексте ключевых для национальной идентификации

сюжетов – “старой доброй Англии”, “дома-крепости”, “дворянского гнезда”, “сельской идиллии” и т.д.

В книге разносторонне исследуется усадебный топос на материале русской и английской литератур. Об объеме охваченного автором материала можно составить впечатление по заголовкам частей, составляющих монографию: «Часть I. Код “живописное” (picturesque) и усадьба: британско-русские взаимосвязи»; «Часть II. Россия, отраженная в “зеркале Клода”: усадьба и “живописное путешествие”»; «Часть III. Усадебный тезаурус как часть культурного кода (в поисках русско-английских эквивалентов)»; «Часть IV. Усадьба волшебная в детской литературе Великобритании и России XIX–XX вв.». Монографии также предпослано небольшое теоретическое введение, знакомящее читателей с кругом анализируемых вопросов и с самого начала проясняющее “невидимое звено”, которое соединяет разные темы: «от “августинской эпохи” до эпохи постмодернизма, от роскошных палат, окруженных парками, до крохотных домиков в предместьях миллионных городов, от “плотоядных” усадеб в литературе ужаса до усадьбы как игровой площадки и портала в измышленные миры <...> Этим звеном <...> является английская эстетическая категория “живописное” (picturesque)» (с. 18–19). Плодотворность локального метода, ставшего отправной точкой для монографии, очевидна. Если проследить тему локуса последовательно, как это сделано в монографии, открывается целый спектр интереснейших проблем, от соотношения “литературы клерков” с темой “маленького человека” в русской классике (однако при несомненном сходстве эти линии отнюдь не дублируют друг друга) до сюжетов детских книжных игр, нередко причудливым образом объединяющих английских и русских читателей сквозь эпохи и пространство. За каждым локусом, от усадьбы в английском и русском контексте до европейских горных троп и русских степей, оказывается закреплено определенное поле значения и ассоциаций. Фактически, как пишет Н.П. Анциферов в своем исследовании “Проблемы урбанизма в русской художественной литературе” применительно к городам – Парижу Бальзака, Лондону Диккенса, Петербургу Достоевского и других писателей, – эти локусы оказываются действующими персонажами, а не просто фоном для сюжета.

В первый раздел книги включены главы, посвященные о сути категории “живописного” – от знаменитых парковых ансамблей и философских дискуссий о “естественном” в русле

сентиментализма и романтизма до конкретных преломлений “живописности” в изобразительном искусстве, литературе, кино, вплоть до эпохи постмодернистской иронии. Заметим здесь, что, к слову об экранизациях, дополнительно хочется отметить также новый виток интереса к усадебной культуре и сельским ландшафтам, отраженный в британских исторических сериалах начала двухтысячных (“Downton Abbey”, 2010, “Lark Rise to Candleford”, 2008, “Pater Brown”, 2013), где “English countryside” становится своего рода действующим лицом.

Второй раздел, главным образом посвященный России и “русскому picturesque”, анализирует жанр “живописного путешествия”, не одно столетие привлекавшего любителей старины, художников, искателей необычного и “неиспорченного”. Здесь автор гармонично соединяет исследование жанра травелога с проблемой рецепции, создания обобщенного образа России у британских читателей – образа, насыщенного зрительной символикой, которая, несомненно, до сего дня продолжает формировать представление о “типичном” русском пейзаже. Тем не менее, эти узнаваемые элементы пейзажа не оказываются исключительно русскими, несмотря на их очевидную связь с русским усадебным мифом. Параллели прослежены и здесь: так, береза встречается и в английской литературе, и ее образ достаточно символически насыщен, особенно в творчестве романтиков. Локальный метод предлагает взгляд с неожиданных ракурсов, о чем свидетельствуют главы 2 и 3 части II: если влияние английской культуры на русскую привычно, то обратное редко, и в этом отношении монография представляется уникальной (сходным образом любопытный “русско-английский” культурный путь прослежен в 1 главе четвертой части).

Третий раздел посвящен проблемам перевода некоторых ключевых понятий из словаря усадебного топоса, например, *grange* и *farm*, взятых в том числе в историко-языковом контексте, в их постепенном смещении от “участка земли” – к “дому”. Дается развернутый культурно-исторический и контекстуальный комментарий к таким реалиям, как *estate* – *manor* – *mansion*. Перед нами извечный вопрос, с которым сталкивается переводчик, – дать знакомый, понятный читателю образ (что было особенно актуально в доинтернетную эпоху) или сохранить английский колорит. Выбор между “доместикацией” и “алиенизацией” – особенно в тех случаях, когда общность культуры, несмотря даже на ряд заимствований, отсутствует, а для некоторых реалий невозможно подобрать

точный аналог, — оказывается задачей, которую каждый мастер перевода решает по-своему. Какие картины встают перед глазами человека, который встречается в тексте слова “ферма, усадьба, мыза, имение, хутор, деревня”, в какой мере эти наименования топонимов адекватны тому, что сказано в оригинале, какие ассоциации влечет за собой выбор того или иного слова на языке оригинала? Насколько совпадают образы при чтении у англо- и русскоязычных читателей, и сходные ли ощущения вызывает прочитанное? (Это совпадение — хотя бы минимальная близость чувств и ассоциаций — наверняка необходимо и для ситуации книжной игры, о чем ниже.) Несомненно, это справедливо не только для переводов с английского на русский, но и обратно — с этой проблемой сталкивались и сталкиваются переводчики Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова... В исследовании представлен продолжающийся поныне путь поиска эквивалентов, свидетельствующий о различных переводческих стратегиях, о постоянно расширяющемся контекстуальном поле литературы — и осознании контекста как феномена.

Этот раздел включает также столь важную тему, как связь топонима с социальными стереотипами (и социальными ожиданиями). Демонизация мегаполиса, начало которой было положено в творчестве романтиков, порождает одну из самых известных культурных дихотомий — сюжет о скромной загородной идиллии, в противовес “городскому аду”. Загородный коттедж (пасторальная мечта английского клерка) и дача, где проводит лето мелкий русский чиновник, суть средоточия социальных ритуалов и типических ситуаций, в которые почти неизбежно попадают герои.

Несомненным украшением монографии представляется четвертый раздел, который содержит обширный историко-культурный материал, связанный с темой “волшебной усадьбы”; этот материал знакомит современного русскоязычного читателя с малоизвестными, но важными для представления в том числе о последующей фантастической и фэнтезийной литературе фактами. Тема “волшебной усадьбы”, “волшебного дома” (в общем контексте “волшебного локуса”) особенно важна в английской литературе, с ее тяготением к жанру волшебной сказки. В частности, это связано с темой альтернативного мира, в который посредством воображения, воспоминания, мистического откровения и т.д. можно попасть из определенного, символически насыщенного места. Пространство игры, обрисованное автором монографии, свидетельствует в том числе

о долговременной памяти жанра, связывающей робинзонады с произведениями, в которых прославленный путешественник даже не упоминается напрямую. Для фантастики с ее созданием и описанием миров — фантастики, которая, по сути, сплошь становится литературой о “таинственном острове”, — идеи побега (escape), пересечения границы, взросления (инициации), поиска пути оказываются ключевыми. Кроме того, игровую линию робинзонады продолжает и сюжет о “затерянном мире”; это можно считать новым витком в развитии некогда популярной детской игры, хотя в XX веке “затерянный мир”, возможно, ориентирован больше на кинообразцы, чем на книги.

Теме детской игры — тому, что С. Лойтер в своих работах называет “игрой в страну-мечту”, — посвящены многие мемуары. Очевидным достижением книги можно назвать указание на мемуары, где дети играют не в специально выдуманную ими для этой игры страну, а опираются на существующую литературную традицию или реальную историю; таким образом, для них материал игры оказывается более реальным, чем если бы они его полностью измыслили сами. Несомненно, остров Робинзона Крузо играет роль утопической или волшебной “страны дальней” — но он *настоящий*, поскольку не нафантазирован участниками нарочно для игры. Об игре на английском материале пишет в своих мемуарах и Н.П. Анциферов (эти мемуары остаются за пределами авторского внимания в монографии, поскольку речь в них не идет о робинзонаде, в отличие от соответствующих эпизодов у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого). Однако книжная игра подростков у Анциферова однозначно связана с увлечением английской литературой, и значение “английского локуса” для самого Анциферова существенно. В целом, традиция русской детской / подростковой литературной игры, основанной на английской приключенческой литературе (в частности, “про рыцарей”), явно требует отдельного осмысления.

Каждый раздел монографии завершается кратким резюме, подытоживающим его основные положения. Несмотря на широкий охват материала — перед нами и художественная литература, и мемуары, и травелоги, и эссеистика, — это единый текст, объединенный магистральными идеями, в первую очередь единством метода. Локальный метод, позволяющий обратиться к смежным проблемам — в том числе исторической памяти, “археологическому воображению” и созданию вторичных авторских миров, — в очередной раз доказывает свою плодотворность.

А.Л. Гумерова
Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
gratia4@yandex.ru

В.С. Сергеева
Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
yogik84@mail.ru

A.L. Gumerova
Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher
at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
gratia4@yandex.ru

V.S. Sergeeva
Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher
at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
yogik84@mail.ru

Для цитирования: Гумерова А.Л., Сергеева В.С. <Рец.>. Велигорский Г.А. “Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века / отв. ред. В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 7) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 116–119. DOI: 10.31857/S160578800025509-5

For citation: Gumerova, A.L., Sergeeva, V.S. <Rev.> Veligorskij G.A. “Usadebnyj tekst” i nacional’nyj kul’turnyj kod: russko-britanskije literaturnye svyazi XIX – nachala XXI veka / otv. red. V.G. Andreeva. M.: IMLI RAN, 2022. 416 s. (Seriya “Russkaya usadba v mirovom kontekste”. Vyp. 7) [[Review:] George A. Veligorsky. The “Estate Text” and the National Cultural Code: Russian-British Literary Relations of the 19th – Early 21st Century. Ex. ed. V.A. Andreeva. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 416 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”, Issue 7) [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 116–119 (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025509-5